

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО ПО СРЕДСТВАМ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ОБЩЕСТВЕННЫМ И РЕЛИГИОЗНЫМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ КБР
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

---

1. 2015 ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

О журнале

Борис ЗУМАКУЛОВ

Я отдаю должное позитивному влиянию «Литературной Кабардино-Балкарии» на общественное сознание. Журнал пропагандирует достижения современной литературы, поддерживает начинающих авторов. Но вижу и ряд недостатков, которые, на мой взгляд, «не претендуют на категоричность», но наносят качественный ущерб.

Необходимо быть более разборчивыми при подготовке публикаций к юбилейным датам поэтов и прозаиков. Конечно, в день рождения принято говорить приятные слова, но это отнюдь не повод, чтобы возводить каждого юбиляра в разряд великих. У взыскательного читателя преувеличенная и незаслуженная похвала вызывает усмешку, а у тех, кто вообще не знаком с местной литературой, – только сочувствие к высотам, которые так невысоки.

Больше критики, аналитики, материалов, затрагивающих острые общественные проблемы, – и читатель будет любить вас еще сильнее.

Анатолий ПАРПАРА

Я читаю журнал более пятнадцати лет, многие годы имею честь печататься в нём. Мне очень близка гражданская позиция редакционной коллегии, тревога её за судьбу нашего отечества, обеспокоенность за судьбу родного языка народов Кабардино-Балкарии и народов нашей России. Среди множества изданий, вылетающих в свет и гибнущих вскоре, как бабочки, наш журнал обладает устойчивостью традиций. Вне сомнений, в этой стабильности заслуга не только сотрудников журнала, но и правительства республики, отечески относящихся к литературному детищу отечественной культуры.

Справедливо писал журналист Александр Пряжников: «Около двадцати пяти лет команда профессиональных журналистов и писателей создавала, лелеяла, пестовала печатное издание, в котором нет места ни глупейшей рекламе, ни грязным пасквилям, ни стенограммам из залов суда, зато всегда есть место качественной поэзии и прозе, высокохудожественной публицистике и грамотным научным статьям». Именно такого подхода продолжают держаться сотрудники журнала и авторы его. Именно такую позицию мне радостно видеть в первом номере этого года.

Неслучайно «ЛКБ» посвятила этот номер 200-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, чья поэзия и проза оказала огромное влияние не только на творчество русских поэтов и писателей, но и на художественные произведения литераторов народов Кавказа. Нелишней будет и информация о том, что моя статья «Он начал сразу как власть имеющий», опубликованная в этом номере, была перепечатана в нескольких изданиях и в Интернете, начиная от Калининграда и заканчивая Якутией. В «ЛКБ» она была подкреплена основательной статьёй Хаути Шогенова «О родственных связях Лермонтова с кабардинскими князьями Черкасскими».

Хасан ТХАЗЕПЛОВ,
писатель, главный редактор журнала
«Литературная Кабардино-Балкария»,
заслуженный работник культуры РФ,
академик АМАН,
главный ученый-секретарь АМАН

СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ

(предисловие к книге «Через годы, через расстоянья»)

Автором книги, которую можно и должно отнести к жанру мемуаристики, является известный дипломат, ученый, государственный и общественный деятель Анатолий Гузерович Емузов.

Книга состоит из двух частей. В первой части («Через годы, через расстоянья») автор повествует о своей жизни, начиная с раннего детства, которое было обожжено пожаром войны, и заканчивает свое жизнеописание 2014 годом. События, описываемые им, во временном измерении охватывают более семидесяти лет. Он был участником и очевидцем многих внешнеполитических, государственных и республиканских судьбоносных событий.

Во второй части («Верой и правдой») приводятся различные публикации в СМИ, написанные автором книги, его коллегами и журналистами о нем в разные годы. Рассказывается о многогранной успешной трудовой деятельности Анатолия Гузеровича и его сослуживцев. В данном разделе

1978 год. Индия. Штат Керала. Супруга директора Советского культурного центра в Индии Лилия Емузова с членами делегации советских писателей Алимом Кешоковым, Георгием Гулиа и переводчицей (крайняя справа).

публикуются также копии фотографий автора, его родственников и коллег. Эти материалы являются существенным дополнением к мемуарам, изложенным в первой части книги, ибо они дают более ясное, более расширенное, масштабное представление об активной дипломатической, государственной, научно-педагогической, общественно-политической и культурно-просветительской деятельности Анатолия Гузеровича, который оставил весьма большой позитивный след во всех сферах, где ему довелось трудиться. Ему есть о чем поведать читателям, ибо его жизнедеятельность может служить примером, образцом самоотверженного труда на благо родной республики и нашего великого Отечества.

Анатолий Гузерович родился 26 октября 1937 года в селении Плановском Терского района Кабардино-Балкарской АССР. С пятилетнего возраста постоянным местом жительства Анатолия Гузеровича является всеми нами любимый город Нальчик. Жизнь складывалась так, что он многократно уезжал из родного города то на учебу или на работу в Москву, то в длительные или краткосрочные командировки за рубеж, но, по его словам, он всегда душой был в милом его сердце Нальчике, в родной Кабардино-Балкарии.

В 1961 году Анатолий Емузов окончил отделение английского языка, а в 1965 – заочное отделение русского языка и литературы Кабардино-Балкарского госуниверситета. После окончания отделения английского языка его как одного из лучших выпускников оставили в КБГУ, и он начал трудовую деятельность преподавателем кафедры английского языка.

С 1963 по 1969 год был офицером Советской армии. После окончания высших курсов военных переводчиков при Военном институте иностранных языков в Москве проходил службу в военной разведке в группе советских войск за рубежом. Убедительным свидетельством того, что он достойно нес службу, является то, что в этот период он был награжден двумя медалями и Почетной грамотой Министерства обороны СССР.

Сентябрь 1992 года. Министр внешних сношений по делам национальностей КБР Анатолий Емузов вручает королю Иордании Хусейну послание Президента КБР В. М. Кокова. Слева руководитель Адыгэ Хасэ в Аммане Кардан Самир.

С 1969 по 1970 год А. Г. Емузов работал лектором Кабардино-Балкарского обкома КПСС. В 1970 году он был награжден медалью «За доблестный труд. К 100-летию В. И. Ленина». В это время начались более активные контакты и налаживание связей с нашей диаспорой на Ближнем Востоке, и Анатолия Гузеровича направляют ответственным секретарем Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом (впоследствии - общество «Родина»; 1970–1976, 1980–1982), где он проводил большую работу по укреплению и расширению разносторонних культурных связей.

Параллельно со служебной деятельностью А. Г. Емузов активно занимался и научно-исследовательской работой. В 1974 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Компаративные фразеологические единицы в кабардино-черкесском языке типа «существительное + хуэдэ + нейтральная основа» (в плане сопоставления с однотипными единицами русского и английского языков).

В 1976 году издал «Англо-кабардино-русский фразеологический словарь», который по сей день активно используется в вузах и школах республики. Словарь стал также настольной книгой для переводчиков и лингвистов, занимающихся исследованием фразеологии всех трех языков. Более тысячи экземпляров словаря было направлено нашим соотечественникам, проживающим в Турции, Иордании, Сирии, США. Благотворительные общества зарубежных соотечественников, школы и частные лица также используют этот словарь при изучении кабардинского, русского и английского языков. Таким образом, можно с полным основанием сказать, что данная уникальная работа А. Г. Емузова получила признание и обрела практическую ценность не только у нас, но и за рубежом.

С 1976 по 1980 год А. Г. Емузов находился в длительной заграничной командировке в Индии, где работал директором Советского культурного центра

1992 год. Турция, Анкара. Правительственная делегация КБР подписала договор о сотрудничестве с Турецкой торгово-промышленной палатой. Министр финансов КБР Х. Б. Шеожев, вице-президент палаты, сотрудник посольства РФ (стоит), посол России в Турции (крайний справа).

в столице штата Керала городе Тривандруме. Анатолию Гузеровичу удалось заметно активизировать деятельность центра. Параллельно с основной работой он заведовал курсами русского языка при СКЦ и преподавал русский язык индийцам через посредство английского языка. По итогам работы в Индии руководство Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами объявило А. Г. Емузову благодарность с занесением в личное дело за активную внешнеполитическую деятельность, значительный вклад в укрепление советско-индийской дружбы и пропаганду русского языка.

С 1982 по 1987 год А. Г. Емузов активно занимался научно-педагогической деятельностью, работая старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой иностранных языков Кабардино-Балкарского агрометеорологического института. В этот период им была завершена работа над докторской диссертацией и издана монография по ее теме. Он также проводил большую учебно-воспитательную работу среди студентов, уделяя особое внимание их патриотическому и интернациональному воспитанию.

В 1987 году А. Г. Емузов был назначен на должность директора Института усовершенствования учителей, а в 1991 году, после преобразования указанного института в Кабардино-Балкарский институт повышения квалификации работников народного образования, стал его ректором. На этом посту особенно ярко проявились его большие научно-педагогические и организаторские способности. Он смог в короткий срок реорганизовать структуру института, укомплектовать его высококвалифицированными кадрами ученых-специалистов, сформировать кафедры и факультеты, открыть ученый совет. По его инициативе в школах республики внедрялись новые формы и методы обучения и воспитания, организовывались специальные курсы для учителей школ республики по совершенствованию форм и методов учебно-воспитательной работы.

1993 год Нальчик. Президент КБР В. М. Коков принял делегацию соотечественников из Иордании во главе с тамадой Адыгэ Хасэ Карданом Самиром (стоит справа от В. М. Кокова).

Разносторонний талант и неутомимость в работе способствовали тому, что он в 1991 году успешно защитил в Институте языкознания АН СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка» (в плане сопоставления с фразеологией русского и английского языков). В этом же году ему было присвоено ученое звание профессора. В 1992 году вышло в свет второе исправленное и дополненное издание «Англо-кабардино-русского фразеологического словаря» с предисловием на русском, английском и арабском языках.

Будучи членом правительства КБР (1992–1997) на постах министра внешних сношений и по делам национальностей, министра иностранных дел КБР, министра внешних связей КБР, А. Г. Емузов внес большой вклад как в урегулирование межнациональных конфликтов, стабилизацию общественно-политической обстановки, укрепление дружбы между народами КБР, так и в установление и расширение разносторонних связей нашей республики с субъектами Российской Федерации, странами зарубежья. В 1993 году А. Г. Емузов с отличием окончил курсы усовершенствования руководящих дипломатических кадров при Дипломатической академии МИД России.

Являясь постоянным представителем Кабардино-Балкарии при Президенте России (1997–1999), он достойно представлял нашу республику – активно сотрудничал с федеральными органами законодательной и исполнительной власти, представительствами других субъектов Федерации, устанавливал и поддерживал протокольные связи с посольствами иностранных государств. За активное участие в подготовке и проведении празднования 850-летия Москвы Анатолий Гузерович был награжден юбилейной медалью в честь 850-летия Москвы. За плодот-

1995 год. Сирия. Дамаск. Руководитель делегации КБР, министр внешних связей А. Г. Емузов и член делегации, председатель Союза писателей КБР Х. М. Тхазеплов провели встречу и переговоры с послом России в Сирии Кундазе.

ворную работу на посту постпреда он был награжден Почетной грамотой Правительства КБР.

С 1994 по 2000 год А. Г. Емузов был членом консультативного Совета субъектов Российской Федерации по международным и внешнеэкономическим связям при МИД России. В 1998 году избран академиком Международной академии информатизации. В 1999 году Анатолий Гузерович был выдвинут на дипломатическую работу в аппарат МИДа России и вскоре назначен на ответственную дипломатическую должность советника посольства России в Белоруссии. Свидетельством успешной дипломатической деятельности А. Г. Емузова является тот факт, что ему присвоен высокий дипломатический ранг советника первого класса, который сохраняется за ним пожизненно. Он также награжден Почетной грамотой МИД России и нагрудным юбилейным знаком «Министерство иностранных дел Российской Федерации. 200 лет». А. Г. Емузов является первым и пока единственным представителем нашей республики, удостоенным столь высокого дипломатического ранга и награды российского внешнеполитического ведомства.

Более 25 лет Анатолий Гузерович посвятил внешнеполитической деятельности, из них 11 лет находился в длительных командировках за рубежом, с честью представляя Советский Союз, а затем Россию. География заграничных командировок Анатолия Гузеровича весьма обширна. Более 30 раз он выезжал за рубеж, побывал в Иордании, Сирии, Турции, Ливане, Саудовской Аравии, США, Канаде, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Италии, Индии, Албании, Белоруссии, на Кипре и в других странах. В большинстве из указанных стран он бывал неоднократно.

В 2002 году профессор А. Г. Емузов, успешно завершив дипломатическую службу, вернулся к научно-педагогической деятельности. С 2003

Июль 1995 года. Аэропорт «Нальчик». Правительственная делегация КБР перед вылетом на Кипр. Слева направо: Туркинов А. Г., Альтудов Ю. К., Емузов А. Г., Ахохов М. Х., Карныш А. Г.

года заведовал кафедрой иностранных языков, а с 2005 года – кафедрой английского языка КБГСХА. Он является автором шести монографических работ и большого количества научных статей и методических разработок, посвященных проблемам исследования и изучения фразеологии кабардинского, русского и английского языков в сравнительно-сопоставительном плане. По свидетельству специалистов, его работы являются ценным вкладом в развитие и обогащение не только кавказоведческой лингвистической науки, но и отечественного языкознания в целом, так как в них проводится глубокий анализ генетически нетождественных языков. Работы А. Г. Емузова имеют не только большое научно-теоретическое значение, они также служат духовному взаимообогащению культур, укреплению взаимопонимания и дружбы между народами-носителями исследуемых языков.

В 2002 году Анатолий Гузерович награжден Почетной грамотой КБР за многолетнюю плодотворную работу в государственных органах и активную научно-педагогическую деятельность. В 2007 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки КБР». Он является председателем Кабардино-Балкарского союза ученых, созданного по его инициативе в 2006 году. Под эгидой этой общественной организации систематически проводятся научно-теоретические и научно-методические конференции, симпозиумы, семинары, посвященные актуальным вопросам обучения русскому, кабардинскому, балкарскому и иностранным языкам, а также вопросам культуры и социальным проблемам.

В апреле 2010 года профессор А. Г. Емузов на конкурсной основе назначен директором Государственной национальной библиотеки КБР имени Т. К. Мальбахова. За короткий срок ему удалось заметно активизировать деятельность библиотеки и превратить храм книги в один из ведущих образовательно-воспитательных, научно-познавательных, культурно-просветительских центров Кабардино-Балкарии. Он успешно решает также вопросы материально-технического оснащения библиотеки и ремонтно-восстановительного характера. Без всякого преувеличения можно сказать, что главная

Июнь 1996 года. Аэропорт в Минеральных Водах. Проводы принца Иордании Али.

библиотека республики, благодаря умелому руководству А. Г. Емузова, переживает, образно говоря, период ренессанса.

За активную общественно-политическую деятельность он награжден Почетной грамотой Парламента КБР. За большой вклад в развитие науки, библиотечного дела, высокую культуру организации обслуживания читателей награжден Почетной грамотой Российского профсоюза работников культуры.

Руководство КБР высоко ценит богатый опыт государственной, дипломатической, научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности А. Г. Емузова. Он принимает активное участие в общественной жизни республики: с 2005 по 2009 год был членом Общественного консультативного Совета при Президенте КБР; с 2006 года – член правительственной комиссии по работе с соотечественниками за рубежом.

Мне кажется, что, говоря об авторе книги «Через годы, через расстояния» Анатолии Гузеровиче Емузове, я увлекся описанием его незаурядных деловых качеств и мало сказал о его личностных качествах. Восполняя этот пробел, я хочу отметить, что он гармонично сочетает в себе черты высокообразованного, высококультурного, разносторонне развитого интеллигента, интеллигента до мозга костей, с такими лучшими чертами нашего национального характера, как трудолюбие, целеустремленность, добропорядочность, благожелательность, готовность протянуть руку помощи тем, кто в этом нуждается.

О перечисленных выше деловых и личных качествах Анатолия Гузеровича я знаю не понаслышке, ибо хорошо знаком с ним вот уже более четырех десятилетий, знаю его и по совместным служебным командиров-

1997 год. Кипр. Министр внешних связей КБР А. Г. Емузов и президент фирмы «Дейзи Интернешнл» Джордж Хаджигеоргиу подписывают протокол намерений о торгово-экологическом сотрудничестве между КБР и указанной фирмой в присутствии торгпреда РФ на Кипре.

кам за рубеж. Коль скоро речь зашла о его заграникомандировках, то здесь он чувствовал себя как рыба в воде, благодаря своей природной и профессиональной дипломатичности и, конечно же, великолепному знанию английского языка.

В связи с этим невольно вспоминается поездка в Сирию в 1995 году. Будучи министром иностранных дел КБР, он возглавлял нашу делегацию. В ходе визита мы имели встречи, беседы и переговоры как с нашими соотечественниками, проживающими в этой стране, так и с высокопоставленными официальными лицами, среди которых были депутаты сирийского парламента, министры, генералы, послы.

Скажу вам откровенно, я был несказанно горд тем, как Анатолий Гусерович умело, дипломатично, тонко вел переговоры. Его блистательные речи, будь то на русском, кабардинском или английском языках, изобиловали образными оборотами, пословицами, поговорками. Участники переговоров восхищались его ораторским искусством, слушали его выступления, затаив дыхание, и, как правило, соглашались с его мнением, с его точкой зрения, ибо аргументы, факты и статистические данные, приводимые им, были настолько убедительны, что возразить было практически невозможно.

Известно, что Анатолий Гусерович в ходе длительных и краткосрочных командировок за рубеж имел аудиенции у королевских особ, президентов, премьеров различных государств. При общении со столь высокопоставленными персонами он с честью и высоким достоинством представлял нашу республику и наше государство. Перечисленные выше качества давали ему возможность успешно решать поставленные перед ним задачи и возвращаться к родным пенатам с чувством исполненного долга.

Нет сомнения в том, что данная книга привлечет внимание широкого круга читателей, многие из них узнают себя на ее страницах – это, в основном, читатели старшего и среднего возраста. Что же касается молодых читателей, то эта книга даст им возможность проследить жизненный путь не-

Октябрь 2001 года. Минск, гостиница «Октябрьская». Советник посольства России в Белоруссии А. Г. Емузов с всемирно известным конструктором стрелкового оружия, дважды Героем Социалистического Труда, генерал-лейтенантом, доктором технических наук Михаилом Тимофеевичем Калашниковым и сотрудником МИД Белоруссии.

ординарного человека, который интересы дела всегда ставил выше личных желаний. Думается также, что пример автора мемуаров станет наукой для молодых и будет способствовать их патриотическому, толерантному и интернациональному воспитанию.

Итак, я завершаю свое предисловие в надежде на то, что, ознакомившись с ним, у вас, уважаемый читатель, возникнет естественное желание прочитать данную книгу, посвященную жизни и многогранной деятельности одного из славных представителей нашего народа – человека, который своим самоотверженным трудом вписал много ярких, достойных подражания страниц в историческую летопись родной Кабардино-Балкарии.

Прочитать книгу, посвященную жизнедеятельности такого неординарного человека, – значит приобщиться, прикоснуться к его многогранному таланту ученого, дипломата, государственного и общественного деятеля. Это значит также мысленно вместе с автором побывать в разных странах мира и узнать интересные сведения об их истории, государственном и политическом устройстве, национальных обычаях и традициях народов, проживающих там. Одним словом, это уникальная возможность обогатить свой ум, свой интеллект разнообразными знаниями и расширить диапазон своего мышления.

Такие люди, как Анатолий Гузерович Емузов, – это достояние республики, они – золотой фонд и гордость народа. У них есть чему поучиться, у них есть что перенять.

Декабрь 2002 года. Президент КБР В. М. Коков вручает Почетную грамоту КБР профессору А. Г. Емузову.

*Август 2011 года. Минск. Советник посольства России в Белоруссии
А. Г. Емузов с супругой у памятника А. С. Пушкину.*

*2013 год. Директор ГНБ КБР Анатолий Емузов, имеющий высокий диплома-
тический ранг советника первого класса, провел экскурсию для аргентинского
дипломата на английском языке.*

Анатолий ПАРПАРА,
секретарь Союза писателей России,
лауреат литературной премии России,
председатель Международного фонда
имени М. Ю. Лермонтова

ЗАМЕТЫ. ДУМАЯ О ЛЕРМОНТОВЕ ¹

Вот кого бы послать в космос!

В марте 2011 года закончилось празднование 50-летия полёта Гагарина в космос. Мне, автору единственной в мире драматической поэмы «Гагарин, или Три дня жизни космонавта», не лишне вспомнить сейчас неожиданное предложение главного конструктора космических кораблей Сергея Королёва о выборе первого космонавта на полёт вокруг Земли. Когда в 1959 году отбирали из молодых лётчиков претендентов на «покорение космоса», он, осматривая офицерский строй, вспомнил другого русского офицера – Михаила Лермонтова:

– Вот кого бы послать в космос!

Любивший и понимавший поэзию Сергей Павлович помнил знаменитую поэму Михаила Юрьевича «Демон» и вот эти строки:

Печальный Демон, дух изгнанья,

Летал над грешною землёй,

И лучших дней воспоминанья

Пред ним теснились толпой.

Да, именно Лермонтов был первооткрывателем в мировой поэзии пути в космос:

Выхожу один я на дорогу:

Сквозь туман тернистый путь блеснит.

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом.

Прав был Лермонтов: «Спит земля в сиянье голубом». Так смотрелись с земли небеса. Они действительно голубые, а к центру купола – темно-голубые, на окоёме – светло-голубые. Но с высоты 10 000 метров видна земля тёмной с дрожащими (как свечи) огнями деревень и городов. А голубизна – высоко над ней, спящей.

Космонавт Павел Попович, с которым мы вместе работали над серией книг о космонавтах, рассказывал мне, как в полёте своём он был поражён точностью описанного поэтом космоса и беспрестанно повторял эту дивную строку: «В небесах торжественно и чудно».

Так что прав был Сергей Павлович в своём желании.

¹ Продолжение (начало см. в № 6, 2014).

Очень жаль, что ход времени необратим для человека. Может быть, наши потомки что-нибудь придумают. Ведь философ Николай Фёдоров мечтал о новых возможностях будущего человека и предсказывал их уверенно и убеждённо.

Из переписки любящих Лермонтова

Глубокоуважаемый №!

Благодарю Вас от всей души за приглашение на вечер, посвященный 200-летию М. Ю. Лермонтова. Вечер оказался прекрасным. Неожиданным и бесценным оказался и подарок – книга одного стихотворения – «Выхожу один я на дорогу» на многих языках.

Этот необыкновенный вечер породил во мне некоторые мысли. Если возможно, я поделюсь ими.

Если и сравнивать Лермонтова с кем-то из поэтов, то, пожалуй, не по силе дарования, а по его индивидуальному взгляду на жизненно важные человеческие и духовные ценности. Это отразилось в его произведениях, в его вселенской горечи. Лермонтов «болит» в нас до сих пор.

Может, кто-нибудь попробовал бы сравнить Лермонтова с Гёте? Но ранняя смерть Лермонтова и долгая жизнь Гете не могут позволить этого сделать. Хотя, на мой взгляд, лучшее, что написано Гете, написано им в юные годы – это «Страдания юного Вертера». С поэтической точки зрения это произведение не уступает «Ромео и Джульетте» Шекспира. Так, может быть, и Лермонтов свои самые лучшие произведения создал именно в молодые годы: «Парус», «Молитва», «Выхожу один я на дорогу...»? Может быть, именно эта мысль как бы примирит нас с ужасной потерей, которую понесла русская и мировая литература со смертью Лермонтова. Конечно, если бы Лермонтов жил долго, он, вероятно, создал бы «своего» «Фауста» – произведение с невероятно тяжелой философской нагрузкой. Но вряд ли его могло бы посетить ещё раз то боговдохновенное состояние души, когда он писал свою «Молитву».

Известно, что некоторые вещи даются нам Богом один раз в жизни.

И всё же если русская литература с рождением Лермонтова получила своего гения – гения печали, то и с его смертью не утратила трагедийную ноту, которая продолжает звучать в оставленных им произведениях.

Не менее глубокоуважаемая О. С. Вы умны и наблюдательны. Вы правы: Лермонтов – гений печали, если есть у печали гений! Но ещё более Вы правы, говоря о нём как о трагедийной личности. Он – единственный в мире поэт и философ, который страдал от того, что ему судьбой было дано стать всего лишь человеком. Он мог стать новым Иисусом, если бы жизнь продлилась ещё на семь лет. Необычное, неожиданное творчество последних лет говорит о стремительности его созревания, о планетарности его видения. Ему осталось только избавиться от накипи «просточеловеческой» эгоистичности и взорлить в неподъёмную для иных талантов высоту, чтобы прозреть в себе космический взгляд на Землю. Чтобы понять её и простить. И полюбить как дитя своё...

А возможно...

Перечитывая томик стихотворений Лермонтова «Сильней страданий роковых» (Воениздат. 1992 г., стр. 67), неожиданно обратил внимание на «Желание». Первая же строка – «Зачем я не птица, не ворон степной» – насторожила меня совпадением с украинской народной песней «Чому я не сокил, чому не літаю?». Но далее – во второй строфе – стихотворение расширяет своё влияние: «На запад, на запад помчался бы я, // Где цветут моих предков поля...» – и всё последующее напомнило мне стихотворение Константина Миладинова «Тага за юг», которое он написал, учась в Московском университете (1856–1860). Не оттолкнулся ли македонский поэт от лермонтовских строк для написания самого знаменитого своего стихотворения? И ритмический рисунок почти совпадает.

*Дайте мне крылья! Духом орлиным,
Чтобы рванулся к милым долинам,
Чтобы примчался к доброму югу,
Охрид увидел, увидел Стругу.
(перевод А. Парпары)*

Как любопытен переток поэзии из стихотворения в стихотворение, из кладезя одного языка – в другой. Не является ли это наблюдение дополнительным фактом того, что мы – дети одной божественной матери?!

«Пускай! я им не дорожил»

Лермонтов ещё в юном возрасте пророчески многое осознавал, и трагедия его была в том, что он видел унижения, недостойную жизнь людскую, но изменить ее не мог, а со временем, столкнувшись вплотную с подлостью и глупостью человеческой, и не захотел. Отсюда его сарказм и желание смерти.

В двадцатых числах апреля 1841 года Юрий Федорович Самарин, философ и друг Лермонтова, записал в своем дневнике мнение поэта о современном состоянии России: «Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого». Поэт понимал это, мучился от невозможности изменить. Эта невозможность и разрывала его сердце, толкала на безрассудную смелость в боях. Непонимание его предвидений вызывало в нем тихую тоску и нежелание что-либо изменить. Подтверждением тому стихотворение 1837 года:

*Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; – настанет час кровавый,
И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветиший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений;*

*Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый.
Пускай! я им не дорожил.*

Стихотворение, как считают исследователи, не завершено поэтом.

Но мне кажется, что это не так. Поставлена очень важная нравственная точка в долгом и мучительном споре: «Пускай! я им не дорожил».

Он действительно не дорожил венцом терновым, но он любил поэзию, любил своё отечество: «Я родину люблю и больше многих», любил людей, пусть неразумных, но любил: «Провозглашать я стал любви // И правды чистые ученья...», и творчество его: поистине народная «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», поэмы «Мцыри», «Демон», «Кавказский пленник», «Сашка»; жемчужины лирической поэзии: «Когда волнуется желтеющая нива», «Синие горы Кавказа...», «Ветка Палестины», «Прекрасны вы, поля земли родной...», «Я не унижусь пред тобою», «Ангел», «Ребенка милого рожденье»; вершины гражданской поэзии: «Предсказание», «Бородино», «Ты идешь на поле битвы», «Опять народные витии за дело падшее Литвы...», «Валерик», «Смерть поэта»; замечательная проза «Герой нашего времени», «Вадим»... – всё творчество его, созданное за неполные двадцать семь лет, такого небесного уровня и с такой титанической энергией, говорит о том, что он думал о своём отечестве, болел душой за него, смело шёл защищать его: «...до сих пор я предназначал себя для литературного поприща, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вдруг становлюсь воином. Быть может такова особая воля providения» (письмо М. А. Лопухиной, вторая пол. октября 1832 г.).

И воином он был смелым до безрассудства. Его уважали не только товарищи (такие как Руфин Дорохов), но и сами чеченцы, которые считали его заговоренным от вражеской пули. Так оно и было. Но иная пуля – от руки бывшего друга – свалила его.

Горечь от гибели Лермонтова не подвластна векам. Поэты, литературные дети его, долго будут оплакивать своего гения. Не избежал этого чувства и я:

Железноводск

Теперь он знаменит тем, городок привольный,
Что бескорыстно людям отдаёт
Ток солнечных лучей и воздух горный,
И жаркий ток своих подземных вод.

Но он ещё не открывает тайны,
Которую домишко сохранил.
Ведь это в старом, в нём, поэт опальный
Часы последней ночи торопил.

Он видно что-то знал о жизни занебесной,
Коль бушевал в душе небесный шквал,
Коль откровенно и предельно честно
Под пулю друга сердце подставлял.

И нам ли клокотать со страстью иноверца,
Нам горячить ли слабые умы,
Когда мы своего не знаем сердца,
Когда своей души не знаем мы.

Но нам дано внимать бессмертью немо
И различать движение светил,
Всерьёз благодаря святое небо
За то, что гений землю посетил.

Лермонтов сближает народы

В июле 2004 года я написал восьмистишие, которое посвящалось факту вручения краеведческому музею города Железноводска портрета Михаила Лермонтова работы Федора Денисовича Константинова, народного художника СССР:

*Портрет великого поэта,
Что создан музой живописца,
И мне подарен, в лето это
В Музее должен появиться.*

*И более, сквозь все запреты,
Сквозь словоблудье мэрских буден
Музей великого поэта
В Железноводске всё же будет.*

К великому сожалению ценителей отечественной культуры восстановление национального достояния – подворья подпоручика Карпова – заморожено и по сей день. Чиновники клятвенно обещали, что «данный жилой объект» уже включён в городскую целевую программу переселения из ветхого аварийного фонда, рассчитанную на период с 2005 по 2010 годы. Увы, сроки прошли. А трущобы, в которые превратилось это историческое подворье, существуют и поныне в центре Железноводска. И продолжают быть позором города.

Все эти годы я встречаюсь с новыми администрациями, но результат тот же. Помню в 2003 году Анатолий Земцов, руководивший городом целое десятилетие, прилюдно сказал: «Мы виноваты перед Анатолием Анатольевичем...» Я перебил его: «Вы виноваты перед Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Это ему необходима помощь!»

Именно Анатолию Семёновичу я отдал лично 50 гравюр Федора Денисовича Константинова, среди которых были и ксероксы его иллюстраций к произведениям Лермонтова, и оригиналы. Графические работы четыре года валялись неизвестно где и после моих долгих напоминаний

обнаружены в краеведческом музее. Коллекция моя, безвозмездно переданная в будущий музей, исчезла почти полностью. К счастью, осталась уникальная работа Константинова 1964 года: 104 см. в высоту и 50 см. в ширину, с автографом великого художника. Ватман пылился в архивной комнате, а новый директор музея, оказывается, только от меня узнала об этой ценности. Я конечно виноват, что не оприходовал все работы графика при дарении, не сделал список иллюстраций, по неопытности своей, но ведь работники музея знали, как это делается!

Расстроенный произошедшим, я написал стихотворение и посвятил его тогдашнему главе города, так легкомысленно отнесемусь к подарку:

***

Анатолию Земцову

Ты – человек! Ты – царь! Ты – непреклонен,
Когда вторгаешься в природы мирный быт.
Деревья пред тобой дрожат в поклоне,
Все, что идет, – перед тобой бежит.

Ты – человек! Ты – царь! Взрываешь горы
И превращаешь степи в водоём.
Застраиваешь долгие просторы,
Асфальтом заливая чернозем.

Ты – человек! Ты – царь! Теперь и космос
Ты превращаешь в вотчину свою...
Но почему косою острой косишь
Себе подобных в яростном бою?

И почему грабастаешь умело,
Как будто бы на вечность про запас,
Ведь не тобой назначены пределы
И не тобой отмерян смертный час?

Остановись! Подумай! Белым дымом
Корысть исчезнет в призрачной дали...
На деле же тебе необходимы
Три скудных метра бросовой земли.

Стихотворение напечатали в железноводской городской газете, но редакторша сказала мне: «Я сняла посвящение, чтобы не сняли меня».

Любопытная закономерность: чем больше разваливается экономика того или иного города, тем выше и шире строятся хоромы руководства этого города. Неужели они не думают о Боге? Поневоле вспоминаешь Лермонтова: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный судия: он ждет; / Он не доступен звону злата, / И мысли и дела он знает наперед». Разве не современны эти строки М. Ю. Лермонтова?

К сожалению, ещё долго они будут находить отклик в душах честных и благородных людей, думающих о благе своего Отечества.

Я вспоминаю, как в 1993 году, в октябре, когда громили российский парламент, по моему приглашению приехали в Москву три отважных славянина: главный редактор сербской газеты «Литературные новости» Слободан Зубанович, профессор университета Скопье Чедо Цветановски и зам. главного редактора журнала «Современность», замечательный поэт Евтим Манев. Мы многое пережили в эти трагические дни. Я старался обезопасить своих славянских друзей от жестоких неожиданностей по пути на Кавказ. Когда перед Тулой ворвался в вагон местный ОМОН, я загородил собой дверь в купе, держа в руках удостоверение журналиста, и не пропускал их, желающих проверить документы, внутрь, грозя высокими именами. Когда же мы приехали в Пятигорск, то нас никто не встретил на перроне: ни одного чиновника отдела культуры не было. Хотя предварительная договорённость была с руководством мэрии. И только мои пятигорские друзья, к счастью, ждали у музея Лермонтова.

Праздник прошёл, конечно, замечательно. Выступили на нём и представители Лермонтовской ассоциации с госпожой Лермонт, приехавшей из Лондона. И когда мы с друзьями, сбросившись на ужин, привезли гостей в лучший ресторан города, то оказалось, что в соседней зале руководство города в это время пило и лихо плясало. Чертыковцев, начальник городской культуры, клятвенно обещавший встретить, нас обманул. А ведь мы с ним за две недели до того обо всём договорились. Спасибо моему другу Анатолию Трилисову, который уговорил санаторий им. Лермонтова принять нас, спасибо китайцу Ли, жителю Пятигорска и поклоннику поэзии Лермонтова, с которым я познакомился в лечебнице и который дал нам деньги на обратный проезд. Спасибо тогдашнему руководству государственного дома-музея М. Ю. Лермонтова, который нас братски принял...

Так это было. Братья-славяне приехали к нам ради любви к Лермонтову. Они переводили бескорыстно его на родные языки: сербский, македонский, болгарский – по своей любви к выдающемуся поэту. Лермонтова они боготворят. И ради своей любви к лермонтовской поэзии они претерпели и свои неудобства, и наши невзгоды.

Не ради похвалы, а ради истины пишу: я сам немало перевёл сербской и болгарской поэзии, но ещё более македонской. В следующем после того Лермонтовского фестиваля в Пятигорске 1994 году я создал в Москве издательство Фонда им. М. Ю. Лермонтова и в серии «Поэзия славян» начал публиковать книги чешских, болгарских, сербских, словацких поэтов. А македонских книг было издано более пятнадцати. И эти книги были восторженно приняты македонской культурой. Я помню, как Евтим Манев писал в журнале «Современник»: «Господи, как же прекрасно звучит македонская поэзия на русском языке». Так Лермонтов снова сближал славянские народы.

Открытие музея Лермонтова в Железноводске... На два дня

Я помню, как 15 сентября 1996 года тогдашним мэром Иваном Никишиным (вскоре, к сожалению, скончавшимся) громогласно, на всю страну было провозглашено открытие музея Лермонтова в Железноводске. И тут же по окончании первого Международного Лермонтовского праздника «Железноводские вечера поэзии», проводимого Фондом имени М. Ю. Лермонтова и администрациями Ставропольского края и города, печально закрытого на восемнадцать лет. Кстати, в тот год к Лермонтову приехали известные поэты из пятнадцати стран: Сирии, Китая, Белоруссии, Франции, Азербайджана, Испании, Македонии, Белоруссии... Склонили свои головы перед гением и наши современные классики Владимир Соколов, Расул Гамзатов, Давид Кугультинов.

Каждый год приезжаю по несколько раз в Железноводск. Каждый раз встречаюсь с очередным мэром, каждый раз руководитель города обещает создать музей... А воз и ныне здесь. Вырастают на окраине Железноводска мощные дачи за дачами очередных руководителей... У избранных населения, со скромной зарплатой, на всё это деньги есть. А на Лермонтова нет. А вы говорите, что о Лермонтове пекутся, его любят... Ничего подобного! Спихватились только в этом, юбилейном году...

Вы думаете, кто-нибудь заботится об этом в Железноводске? А ведь я на протяжении восьми лет досаждал чиновникам от культуры: думайте о грядущем юбилее! Готовьтесь, делайте планы реставрации подворья Карпова, обихоживании лермонтовского сквера, создании музея поэта. Ответ и по сей день таков: «А что я могу?». А до Лермонтова им недосуг. В Швейцарии нашему полководцу Александру Суворову три музея создали, а мировой гордости, златосолнечному поэту на Кавказе есть только один приют, в Пятигорске. Кстати, собирался этот музей из экспонатов подвижников несколько десятилетий, пока советская власть не сделала его государственным.

Когда-то поэт Василий Кулемин написал: «У нас любить умеют мертвых. / Ну хоть ложись и помирай».

Ничего подобного. У нас и мертвых не любят.

И тогда, восемь лет назад, я начал строить в Железноводске на приобретённом мной дачном участке в три сотки свой домик. И открываю в нынешнем октябре в нём домашний музей Лермонтова. А летом следующего года собираюсь в рамках этого музея открыть ещё и «Летнюю школу юного литератора», чтобы учить любопытных школьников дивному русскому языку и любви к русской поэзии. Благо, преподавая в московском университете культуры и искусства на кафедре журналистики, имею десятилетний опыт общения с молодёжью.

Я НЕ ОСТАНУСЬ, ОСТАНЕТСЯ ИМЯ МОЁ

Творчество Кязима Мчиева, великого балкарского поэта, – ярчайшее доказательство того, что талант не зависит ни от места рождения, ни от времени, ни от каких-либо других внешних условий. Время рождения поэта – середина 19 века, место рождения – маленькое высокогорное село, условия жизни – самые что ни на есть тяжёлые. Но, как известно, «дух дышит, где хочет». Хромому от рождения мальчику, рождённому в семье небогатого крестьянина, суждено было стать основоположником балкарской письменной литературы, поэтом, имя которого известно и

дорого всем без исключения балкарцам.

Условия жизни в Шики, родном селении Кязима, нам, современным жителям, трудно даже понять. При виде развалин села не верится, что здесь можно было даже просто выживать: оно расположено посредине огромного крутого склона горы. Но – жили: разводили скот, выращивали на маленьких клочках земли зерно, женились, растили детей. Хотя, конечно, связано это было с ежедневным изнурительным трудом. В этом смысле хромота Кязима, если можно так сказать, пошла ему на пользу: отец его, понимая тяжесть крестьянской жизни для увечного мальчика, отдал его в учение к сельскому эфенди, рассчитывая, что так ему будет легче прожить. Начальное образование, полученное им (знание арабского, а позднее – турецкого и персидского языков), дало ему в дальнейшем возможность ознакомиться с великими произведениями восточных поэтов. Хотя от тяжкого физического труда оно поэта не избавило – всю жизнь до старости он работал сельским кузнецом.

Несмотря на трудности сообщения между ущельями Балкарии, имя поэта ещё при жизни было известно жителям всех балкарских, да и многих карачаевских сел. Авторитет его как поэта и мудреца, подкреплённый статусом «хаджи», то есть человека, несколько раз совершившего пешее паломничество в Мекку, был непререкаем. Свидетельством того, насколько любимы были стихи Кязима, служит тот факт, что большинство произведений, вошедших в первое более или менее полное собрание сочинений поэта, было записано из уст людей, помнивших их наизусть, или же сохранилось в их тетрадах. Не будем забывать, что это произошло через полвека после смерти поэта и что за эти десятилетия балкарцам, сохранившим это духовное сокровище, пришлось перенести ни с чем не сравнимые тяготы переселения, когда, казался бы, людям было совсем не до стихов.

Советская власть, конечно же, постаралась сделать Кязима проповедником своих идей, использовать творения поэта в своих

целях. Его приняли в Союз писателей, в 1939 году была издана первая его книжка «Моё слово». Но радости поэту она не принесла. Доброхоты постарались так отредактировать её, что от настоящего Кязима там мало что осталось. Многие стихотворения, пожалуй, не просто отредактированы, но даже написаны не им. Это не голословное утверждение: на выход книги поэт отреагировал стихотворением, в котором фактически отказался от авторства. Он с болью упрекает издателей, которые «покрыли позором» поэта, напаялив на него «чужие лохмотья».

*На что это похоже?
Кто написал вместо меня?
Кто потрудился над этим?
Жил я вместе с народом –
Уподобили меня пустомеле.*

Останься Кязим «автором» этой книжонки, вряд ли кто сейчас вспоминал бы его имя. Но полуистлевшие тетради из сундуков балкарских стариков дали возможность узнать настоящего Кязима, в 1989 году было издано двухтомное собрание сочинений поэта. Это было что-то неправдоподобное. Стало вдруг совершенно ясно, что Кязим, которого, как казалось мне, да и не только мне, называли основоположником балкарской поэзии лишь в силу его возраста, действительно является таковым. Более того, не в обиду всем остальным балкарским поэтам, при чтении шедевров Кязима в голове вертелись слова Н. В. Гоголя, сказанные про Державина: «...перед ним пигмеи другие поэты».

Такое впечатление двухтомник произвёл не только на меня. Вспоминаю, с каким восторгом говорил о стихах Кязима замечательный балкарский поэт Магомет Мокаев. Человек, виртуозно владевший родным языком, поэт с филигранной техникой, считавший себя (не без основания) лучшим стилистом и весьма критически относящийся ко всему написанному на балкарском языке, которого в литературном произведении коробило всякое неуместно употребленное слово, говорил, что стихи Кязима – самое большое удивление в его жизни. Будучи не самого плохого о себе мнения, он признавался, что при всём его многолетнем и упорном труде и знании различных поэтических секретов он не может понять, как это сделано, за счёт чего стихи Кязима обладают такой мощью.

Мысль, что можно «приручить» Кязима, видимо объяснялась тем, что для местных чиновников Кязим ничем не отличался от сочинителей рифмованных агиток: в их глазах поэты были всего лишь кастой, обслуживающей существующую власть (основания так думать у них, чего греха таить, были). Но как можно было «приручить» поэта, который (будучи священнослужителем!) в поисках истины даже к Всевышнему обращался без робости:

*Аллах, ты видишь, мы всё вынесли,
Всё вынесли – но где же правда?*

*Или у тебя не хватило сил для её утверждения
И ты судил нам одно лишь горе?*

Это отнюдь не единственное стихотворение, где поэт обращается к Всевышнему. Вопросание Бога – тема многих стихотворений Кязима. Но это именно вопросание, а не убежденность пушкинского Сальери: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Это – «томление духа», вызванное желанием дойти до истоков несправедливости, найти причину существования в мире зла. Вера в то, что в мире царствует несправедливость, так же чужда Кязиму, как и бездумное поклонение Творцу.

*Если в хадж ты отправишься, средства скопив,
И если, вернувшись, станешь святым
И, о молитвенный коврик ударяя лбом,
Сольёшься душой с Аллахом,
Но не будешь вращать жернова этой жизни,
Не будешь людям братом, –
Всё напрасно, в труде твоём блага будет мало,
И в книгу твоей судьбы благословение не запишется.*

Та же мысль о необходимости и праведности активной жизни предельно образно и ёмко выражена в строке из стихотворения «Аллах, велящий беглецу бежать...»: «Ты радуешься, когда я дою свою пегую корову». «Обрадовать» Аллаха, достичь Его довольства невозможно одним лишь слепым поклонением и выполнением обрядов. Вера в Него должна быть подкреплена делами – и совсем не обязательно подвигами во славу Его. Нужно просто с верой в разумность устройства жизни делать самые обычные земные дела: пахать землю, доить корову, помогать ближним.

Это поэт проповедовал на протяжении своей долгой жизни и сам жил, следуя своим убеждениям. Поэтому даже в стихах, написанных на чужбине в последние годы жизни, нет страха перед приближающейся смертью, они оптимистичны, как и все творчество Кязима – поэта-мудреца, сумевшего как никто другой выразить в своих произведениях дух родного народа.

*Труд мой, обратившись в свет,
Проникнет в мою тесную могилу,
Доброе слово, сказанное мной,
Поможет моей бедной душе.
...Я не останусь, останется имя моё,
И слово, и дело моё будут восславлены,
И распознается, в чём я был прав и неправ.*

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ ДОНСКОЙ

Среди старшего поколения читателей нашей страны нет человека, не знакомого с творчеством выдающегося советского писателя Михаила Шолохова. В этом году исполняется 110 лет со дня его рождения.

Михаил Александрович Шолохов родился 11 мая (24 н.с.) 1905 года на хуторе Кружилинском, на Дону, близ станицы Вёшенской, в крестьянской семье. Писатель, общественный деятель, Герой Социалистического Труда, академик АН СССР, Михаил Александрович избирался депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС, в 1965 году был награжден Нобелевской премией.

Учился в церковно-приходской школе, затем окончил четыре класса гимназии. Начавшаяся революция и гражданская война помешали продолжить образование. Шолохов служил в станичном ревкоме, добровольцем вступил в продовольственный отряд.

В конце 1922 года, семнадцатилетним юношей, он приехал в Москву, собираясь учиться. Встретился здесь с поэтами и писателями группы «Молодая гвардия». Помощи ждать было неоткуда, поэтому пришлось работать и грузчиком, и каменщиком, и счетоводом, и делопроизводителем. В 1923 году в газете «Юношеская правда» за подписью «М. Шолохов» был опубликован первый его фельетон «Испытание». В следующем году увидел свет его первый рассказ «Родинка».

В 1924 году в журналах стали печататься рассказы Шолохова, объединенные впоследствии в сборники «Донские рассказы» и «Лазоревая степь». Темы этих рассказов – гражданская война на Дону, ожесточенная классовая борьба, преобразования в деревне. Первый сборник – «Донские рассказы» – не принес Шолохову особой популярности, но показал, что в русскую литературу вошел писатель, способный заметить в обычной жизни важные веяния своего времени. В 1925 году состоялась встреча с Серафимовичем, который «сказал слова одобрения и признания». На всю жизнь сохранил писатель благодарность Серафимовичу, считая его одним из первых своих учителей. В конце 1926 года начал писать роман «Тихий Дон», первая книга которого была опубликована в начале 1928-го и сразу получила признание и восторженные отзывы М. Горького и А. Серафимовича. В 1929-м вышла вторая книга «Тихого Дона». Работа над завершением третьей книги была прервана, так как он начал работу над романом «Поднятая целина», вышедшим в 1932 году и ставшим событием в литературной жизни страны; в 1960 году писатель получил за него Ленинскую премию.

В годы Великой Отечественной войны Шолохов был военным корреспондентом. Уже в первые месяцы войны в периодической печати были опубликованы его очерки «На Дону», «На юге», «Казачьи» и другие. Большой популярностью у читателей пользовался рассказ «Наука ненависти» (1942).

В 1943–44 гг. начали печататься главы из романа «Они сражались за Родину». Заметным явлением в литературе стал рассказ Шолохова «Судьба человека» (1956–57), в котором трагическая история жизни показана в ее неразрывной связи с испытаниями в жизни народа и государства.

Мы сейчас не имеем возможности говорить обо всех его книгах, остановимся лишь в общих чертах на романе «Тихий Дон». Мысль написать роман о судьбе народа в эпоху революции и гражданской войны зародилась у Шолохова еще осенью 1925 года, когда он вернулся из Москвы на Дон и поселился в доме тестя в станице Букановской.

Работал упорно, многократно переделывал и переписывал рукопись, позднее он рассказывал: «Начал я писать роман «Тихий Дон» в 1925 году. Причем первоначально я не мыслил так широко его развернуть. Привлекала задача показать казачество в революции. Начал я с участия казачества в походе Корнилова на Петроград... Написал листов 5–6 печатных. Когда написал, почувствовал: что-то не то... Для читателя останется непонятым – почему казачество приняло участие в подавлении революции? Что это за казаки? Что это за область Войска Донского?.. Поэтому я бросил начатую работу. Стал думать о более широком романе». Роман в его привычном для читателя плане стал создаваться, по словам писателя, «примерно с конца 1926 года». Работа пошла быстро, споро. «Люди были под рукой, как живые. Ходи да распоряжайся, все от твоего умения зависит... Все было под руками – и материал и природа», – вспоминал впоследствии М. Шолохов.

«Тихий Дон» посвящен предыстории и самой истории великой русской революции, которая впервые за всю судьбу человечества провозгласила своей целью освобождение людей от власти денежного мешка, от сословных, классовых и расовых ограничений. Провозгласила – и разрешила. Эту великую, беспримерную по своему размаху революцию показал в своем романе Шолохов. Он выразил в художественных образах ту ищущую единства правду, которая в итоге суровой и кровопролитной борьбы объединила трудящийся народ России во имя победы народной власти Советов.

Несмотря на сугубо узкую и конкретную задачу – показать казачество в революции, Шолохов-художник одержал победу над Шолоховым-политиком. То, в чем советские литературоведы видели идейную слабость романа, оказалось его наивысшим достижением. Будучи советским писателем, Шолохов, безусловно, должен был в своём эпическом повествовании показать торжество коммунистической идеологии, ведущей народ в прекрасное завтра. Но жизнь, отраженная в романе, оказалась гораздо сложнее, запутаннее, противоречивее. Ее палитра отнюдь не ограничивалась двумя цветами – красным и белым. И то, что самый яркий, сильный и привлекательный герой романа – «несознательный» середняк Григорий Мелехов – глубоко чувствует и понимает эту истину, но в сложнейших условиях не может найти выхода из нравственного тупика, делает его трагически сложной личностью. Его образ вошел в историю отечественной литературы как Онегин – Пушкина, Печорин – Лермонтова, Базаров – Тургенева, ибо в нем соединились лучшие типичные качества донского казачества в годы войн и потрясений начала XX века, его судьба отразила трагедию миллионов, захваченных грозной революционной стихией

«Тихий Дон» – произведение историческое, то есть посвященное отражению конкретных исторических событий, где правда жизни выражена в литературно-образной форме. Уточнение некоторых реальных обстоятельств романа позволит читателю лучше понять его именно как великое художественное творение. Действие романа имеет точную временную протяженность: с мая 1912 года по март 1922-го. Десять лет вроде бы для истории и не очень много. Однако это десятилетие русской истории наполнено событиями исключительного значения: подъем рабочего движения, отмеченный грандиозными стачками, предвестниками будущей революции; первая мировая война, до основания потрясая весь старый мир, а царскую Россию в особенности; свержение самодержавия в марте 1917 года; борьба партии большевиков за овладение «мнением народным»; Великий Октябрь; беспримерная в истории гражданская война, полыхавшая на всем пространстве огромной страны от Риги до Камчатки; иностранная интервенция, попытки расчленив Советскую Россию, позорный крах интервентов; победа государства Советов и начало строительства новой жизни; деятельность В. И. Ленина во главе Советской державы. По насыщенности и драматизму событий второго такого десятилетия, вероятно, не было в истории человечества.

Все эти события получили в романе Шолохова не только высокохудожественное, но и исторически точное отражение. Порой эта полнота жизненной реальности достигается удивительно скупыми средствами, предельным лаконизмом текста. Скажем, такому крупному событию, как Февральская буржуазная революция, уделено в романе лишь несколько страниц. Но картина получилась необычайно объемной, ибо широко и полно показано отношение различных классов и социальных слоев России к событиям Февраля; на фронте и в глухом хуторе, в помещицкой усадьбе и тыловой воинской части. Все это написано лаконично, разбросано по разным главам романа, но, если собрать все отрывки вместе, получится превосходная хрестоматия по истории Февральской революции в России.

Всеобщие и всеобъемлющие жизненные потрясения, изображенные в романе, даются, как правило, отраженными через хутор Татарский, лежащий в степи на Верхнем Дону, вдали от городов, промышленных центров и железнодорожных путей. Именно здесь происходят главные события в судьбе героев «Тихого Дона». Здесь начинается и заканчивается действие романа. Первая фраза романа: «Мелеховский двор – на самом краю хутора». Последняя сцена: Григорий стоит «у ворот родного дома», держит на руках сына. Здесь, в отчем доме, в семье, среди близких, на родной земле, все начала и все концы жизни.

События романа в основном происходят в районах Верхнего Дона, иногда – по всей области Войска Донского (по современному территориальному делению – вся Ростовская область и восточные районы Волгоградской). Это край, где с давних пор жило казачество.

Следует сказать о некоторых исторических обстоятельствах возникновения казачества и присущих ему чертах – это важно для понимания характера героев «Тихого Дона». Слово «казак» (козак) возникло в России еще в XIV веке, в узком смысле оно означало свободного наемного работника, а в более широком – вольного, независимого человека вообще, порвавшего

со своей средой. С конца XV века казаками стали называть вольных людей, селившихся на окраинах тогдашнего Русского государства.

Казачество конца XV – начала XVII вв., поселившееся на берегах Нижнего Днепра, Дона и Волги, было независимо от центральной государственной власти России и от соседних феодальных государств и княжеств. Складывалось казачье население преимущественно из беглых крестьян и вообще податных людей, искавших на окраинах вольной жизни, спасавшихся от барских тягот и повинностей. Вольнолюбивый дух, неприязнь ко всякому принуждению породили своеобразное устройство казачьих станиц: выборность гражданских и военных руководителей, отсутствие строгой централизации и государственности.

В первой книге «Тихого Дона» есть впечатляющая сцена кровавой драки между казаками-верхнедонцами и крестьянами-тавричанами – это не что иное, как проявление давней вражды казачества с иногородними.

Полицейская служба казаков особенно проявилась в период первой русской революции 1905–1907 годов. Разумеется, и казачество было неоднородно. Во многих казачьих частях также шло брожение и даже происходили революционные вспышки; однако классовая борьба среди казачьего населения развивалась слабо, и оно в целом, по определению В. И. Ленина, и после 1905 года осталось «...таким же монархическим, как и прежде...». Для трудящихся России начала XX века слово «казак» приобрело уже значение не только лихого и храброго воина, но и свирепого усмирителя с нагайкой или шашкой.

Да и сами казаки понимали, что они противопоставили себя народу. В «Тихом Доне» казаки опасаются, как бы им не «отомстили» за «девятьсот пятый год» и не «уравняли» бы в правах с «мужиками», то есть русскими крестьянами. Примечательны в этом смысле разговоры угрюмого казака Урюпина по прозвищу Чубатый. Было очевидно, что в случае нового обострения политической обстановки в России, а тем более новой революции, эти противоречия между казачьим и неказачьим населением могли принять весьма серьезный характер. Об этом предупреждал В. И. Ленин еще задолго до начала гражданской войны: население казачьих областей, писал он в июне 1917 года, сохранило «особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи».

Очень скоро так и произошло... «Русская Вандея» разразилась, далеко превзойдя своими масштабами французский прототип. В «Тихом Доне» эта трагедия показана широко и полно.

К началу второго десятилетия XX века, то есть к тому времени, когда начинается действие романа, казачье население Донской области насчитывало около полутора миллионов человек – речь идет именно о казаках в точном сословном смысле, так как общее население края достигало около пяти миллионов: сюда входили иногородние, то есть неказачье население станиц (ремесленники, наемные рабочие и т. д.), а также жители городов, в том числе такого крупного промышленного центра, как Ростов (население перед революцией около 200 тысяч). На 1 января 1912 года в Донском казачьем поиске числилось 161 348 человек рядовых, унтер-офицеров и офицеров. Год спустя в это число вошел и главный герой «Тихого Дона», рядовой казак станицы

Вешенской Григорий Мелехов.

В главах, посвященных мировой и гражданской войнам, главные герои «Тихого Дона» действуют, как правило, в самой гуще действительности: в окопе, в строю сотни или взвода. И тут-то открывается самое интересное в изображении Шолоховым реальной исторической действительности.

...Григорий Мелехов после призыва на действительную службу был зачислен в 12-й Донской казачий полк. Произошло это, как можно судить по обстоятельствам действия, в январе 1914 года. Сотенным командиром Григория назван в романе подьесаул Полковников. Персонаж в «Тихом Доне» сугубо эпизодический, Полковников, как выяснилось, вполне реальная историческая личность, причем по-своему известная. В Военно-историческом архиве сохранился послужной список Полковникова Георгия Петровича. Из него узнаем, что с начала 1914 года он в чине есаула служил сотенным командиром в 12-м Донском полку, а с июля того же года – в штабе 11-й кавалерийской дивизии. (Любопытна его дальнейшая судьба: в 1917 году, уже в чине полковника, он был назначен временным правительством главнокомандующим Петроградского военного округа – он оказался последним ставленником старого режима на этом посту, чем и «прославился» в марте 1918 года. После был расстрелян на Дону по приговору ревтрибунала).

Действие во второй книге отличается необычной даже для «Тихого Дона» широтой. Петербург и Москва, Могилев, Ростов и Новочеркасск, Миллерово и Нарва, различные местности Белоруссии, Бессарабии, Румынии, Донбасса и, разумеется, многие станицы и хутора Донского края – вот неполная география этой книги. Такая широта в описаниях тогдашней России дана Шолоховым не случайно: великий социальный переворот показан во всем многообразии противоборствующих классовых сил.

Среди персонажей второй книги представлены известнейшие исторические деятели той поры. Последний русский император Николай II, глава неудачного генеральского заговора Л. Корнилов, его сподвижники Л. Алексеев, Л. Деникин, А. Кутепов, глава белоказачьей контрреволюции атаман А. Каледин – с одной стороны. С другой стороны – знаменитый герой гражданской войны Е. Щаденко, тогда еще молодой командир Красной гвардии, красные казаки, возглавившие Советскую власть на Дону в начале 1918 года, Ф. Подтелков и М. Кривошлыков, кроме того много иных, менее известных, но тоже подлинных исторических лиц.

Главный герой романа, Григорий Мелехов, в течение всей мировой войны находился на действующем фронте. Он воевал в Восточной Пруссии, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. Все это показано в «Тихом Доне» с предельной краткостью, но одновременно с необычайной исторической емкостью, так что порой за одним лишь проходным вроде бы эпизодом выстраивается большая картина российской жизни.

Прототипом Григория Мелехова (о чем говорил сам Михаил Александрович Шолохов) был казак с хутора Базки станицы Вешенской Харлампий Васильевич Ермаков; он тоже начал войну рядовым казаком, а в 1917-м вернулся в родной хутор с полным георгиевским бантом. Дальнейшая судьба Ермакова тоже сходна с мелеховской: стоял за Советы, служил у красных, потом оказался втянутым в белоказачье восстание.

1917 год в жизни Григория Мелехова в романе почти не описан. В разных местах есть лишь несколько скупых фраз почти информационного характера. Так, в январе (очевидно, по возвращении в строй после ранения) он «был произведен за боевые отличия в хорунжие» (хорунжий – казачий офицерский чин, соответствующий современному лейтенанту).

Скупость в описании жизни Григория в бурном 1917 году не случайна: вплоть до конца года Григорий оставался в стороне от политической борьбы, захлестнувшей страну.

Зыбкое гражданское сознание и отсутствие политического опыта в значительной мере предопределили общественную пассивность Григория в 1917 году. Но была к тому и другая причина – уже чисто нравственного характера. Григорий по природе своей необычайно скромнен, чужд стремлению выдвинуться, командовать. Его честолюбие проявляется только в стремлении сбечь свою репутацию удалого казака и храброго солдата.

Трудно, просто невозможно представить Григория в роли митингового оратора или активного члена какого-либо политического комитета. Такие, как он, люди не любят вылезать на авансцену, хотя, как доказал сам Григорий, сильный характер делает их при необходимости крепкими жокаками. Ясно, что в мятежный 1917 год Григорий должен был оставаться в стороне от политической стремнины. К тому же судьба забросила его в провинциальный запасной полк, ему не удалось стать свидетелем крупнейших событий революционного времени. Не случайно, что изображение подобных событий дано через восприятие Бунчука или Листницкого – людей вполне определившихся и политически активных.

В «Тихом Доне» корниловщине уделено много места, ибо основной силой, которую реакционные генералы намеревались бросить против народа, были именно казачьи части. Заговорщики надеялись, что они поведут за собой массы рядовых казаков, используя их сословную замкнутость и боязнь потерять свои земельные преимущества. Но замысел не удался (как это и показано в «Тихом Доне»): казачество не пошло за помещиками в погонях.

При работе над этой частью романа М. Шолохов использовал многочисленные книги советских исследователей, наши и зарубежные публикации, воспоминания и т. д. Во вторую книгу (именно в описании корниловщины) вошли самые первые наброски юного М. Шолохова к предполагавшемуся ранее роману «Донщина». Вот почему в некоторых сценах еще чувствуется не совсем опытная в литературном отношении рука: прямое цитирование документов, обширные выдержки из воспоминаний или переложение их и т. д. Однако историческая достоверность и тут была соблюдена молодым автором полностью.

Р. С. При подготовке данной статьи были использованы некоторые публикации о М. А. Шолохове, предисловия к его книгам и другие доступные материалы в основном по роману «Тихий Дон».

Жанна КАНДОРОВА

Салих ЭФЕНДИЕВ,
профессор КБГУ

Феномен таланта Мухадина Кишева

В декабре исполняется 75 лет выдающемуся художнику современности. На каждом историческом этапе развития общественной жизни из гущи народа выходят выдающиеся и талантливые люди: это поэты, писатели, ученые, композиторы, художники, которые играют огромную роль в духовной жизни народа. Одним из таких людей в истории кабардинского народа является всемирно известный художник Мухадин Кишев. Художники создают бессмертные картины, которые столетиями сохра-

няются в музеях, и люди наслаждаются великими творениями их кисти. Без этого жизнь была бы скучна и мрачна. В этом заключается величие творений художника в искусстве.

Талант – это термоядерная реакция, он проявляется в любом геокультурном пространстве. Свидетельство тому – творчество Мухадина Кишева, которое получило мировое признание. В мире нет страны, где не знают имени этого художника. Мухадин Кишев – гордость кабардинского и балкарского народов. Он создал огромное количество картин на различные темы. В них глубоко отражены красота мира и проблемы существования человечества. В его картинах богатейшая палитра. Когда смотришь на них, поражаешься неумной фантазией и воображением широчайшего диапазона, глубиной философской мысли художника. Таким я знаю своего друга и брата Мухадина Кишева.

Его мировоззрение формировалось на крутых поворотах всемирной истории, когда исчезло противостояние двух систем. В результате этого возникла открытость геокультурного пространства Востока и Запада. Это сыграло большую роль в проявлении творческого таланта Мухадина Кишева. Он уехал в Испанию и там реализовал свой могучий талант, заложенный Космосом, Природой и Богом в его генах, и стал всемирно известным художником.

Мухадин Кишев одним из первых среди художников Северного Кавказа «прорубил окно» в огромное геокультурное пространство. Он является вектором соединения новых культур. Его картины стали достоянием стран Европы, Азии, Америки, Африки и Австралии. Мухадин сделал прорыв в мировое искусство. Это имеет огромное значение для наших народов. Он один из первых художников, который способствовал вхождению Кабардино-Балкарского изобразительного искусства в орбиту всесоюзной и мировой культуры. В этом велика его роль, с такой позиции следует рассматривать его

творчество.

Творчество Мухадина Кишева – это глыба, нетронутая целина, которая ждет исследователей – искусствоведов, философов, историков и культурологов. Посмотрев его картины, мы получаем духовный заряд и энергию. Его творчество – это история развития изобразительного искусства Кабардино-Балкарии. Душа художника открыта всему миру. Глядя на его картины, мы чувствуем биение родных сердец и дыхание эпохи.

Мухадин Кишев стремительно взошел на художественном небосклоне России в 80-е годы. Его вхождение в систему мирового изобразительного искусства – это закономерное явление. Он художник огромного таланта, с широким кругозором мышления и философским складом ума. Без этого он не смог бы создать многочисленные картины на различные темы: величественные панорамы природы, красоты Космоса, животных и уникальные портреты людей разных континентов. Все в его картинах органически взаимосвязано и взаимообусловлено, как гармония Земли, Космоса и человеческого существования. Творчество Мухадина Кишева носит планетарный характер. Такие люди, как Мухадин Исмаилович, составляют гордость народа.

Я горжусь тем, что долгие годы знаю этого выдающегося художника, который вышел из гущи народа и тесно связан с родной землей. Он говорит: «О своих корнях забывать нельзя, но, по большому счету, у художника нет национальности и не может быть. В первую очередь, он должен руководствоваться общечеловеческими ценностями». В его творчестве ярко проявляются национальные, этнокультурные особенности родного края. Эти национальные особенности он связывает с общечеловеческими ценностями. Это одно из главных характерных черт творчества художника.

Родина Мухадина Кишева – Второй Чегем. Мы должны всегда помнить и гордиться тем, что чегемская земля дала миру великих людей, таких как Алим Кешоков, Кайсын Кулиев. Появление этих выдающихся людей связано с горами. Горы для них являются национальными символами. Они имеют для них притягательную силу и вдохновляют на творческую работу. Это связано с тектоникой – в недрах гор таится огромная энергия, которая оказывает большое воздействие на мировосприятие и мировидение людей творческого направления.

Свидетельством мирового признания творчества М. Кишева являются многочисленные выставки в Москве, Нальчике, Лондоне, Андалузии и т.д., а также его высокие титулы. Мухадин Кишев – народный художник КБР, член-корреспондент Российской академии художеств, член Европейской академии художеств (Бельгия), академик в области искусств Международной Академии наук, технологии, образования и гуманитарных наук (Валенсия, Испания), почетный академик АМАН. Отметим, что множество картин выдающегося художника находится в частных коллекциях по всему миру. У него есть творческие мастерские в Мадриде, Лондоне, Москве, Нальчике.

В его картинах мы чувствуем красоту природы, гармонии и тишины. Творчество Кишева высоко оценили известные отечественные и зарубежные художники. Так, Михаил Шемякин писал: «Творчество Мухадина Кишева прежде всего покоряет меня постоянным и напряженным поиском новых форм и воплощением современного видения художника XXI века». А Вик-

тор Ванслов говорил: «Творчество живописца Мухадина Кишева получило международное признание, он стал известным художником, потому что талантлив и обладает собственным неповторимым творческим лицом, оригинальным индивидуальным стилем. Он откликается на глобальные события современного мира, на его трагедии и боли, пристально вглядывается в людей различных национальностей, но также создает произведения лирического характера, воспевающие гармонию красоты». Высоко оценила Эмма Будагян творчество Кишева: «В его творчестве царит одухотворенность самой художественной формы, когда краска на холсте превращается в живую одушевленную материю, существующую по своим собственным законам. Этому способствует Дух маэстро, его Воля, Мысль и Любовь! Он доказал, что и живопись не имеет ни начала, ни конца. Это как звездное небо над головой».

Мухадин Кишев щедро делится своим творческим опытом с другими, не имея ни малейшей зависти. Он не боится, что кто-то его превзойдет. «Художнику, – говорит он, – не надо скрывать тайны своего творчества, всегда нужно представить их другим, чтобы они стали сильнее тебя, и тогда ты снова поучишься у них». Это поучительный нравственный пример высокой культуры.

Художник признает, что не смог бы реализовать свои творческие возможности, не имея рядом такого верного друга и спутницы, как Жаклин. Действительно, она человек большого обаяния и огромной энергии. Художник так говорит о жене: «Пушкин писал своим друзьям, чтобы они были первыми критиками его стихов. Так и Жаклин является первым критиком моих картин. Она очень глубоко и тонко разбирается в искусстве».

Джейн Вагт из Лондона пишет: «Жаклин стала для художника самой надежной опорой в трудный момент и тем светлым лучом, который всегда указывал дорогу к новым достижениям, вселив надежду, что робкий когда-то мальчик из селения Кабардино-Балкарии может покорить мир своим искусством».

Картины Кишева вызывают чувство радости в душе людей, помогают понимать смысл жизни на Земле и призывают быть добрыми и возвышенными. Общаясь с художником, я чувствую, что от него идут теплые биоманнитные пучки, согревающие души людей. Он человек простой, доступный, щедрый, широкой души. Мухадин Исмаилович притягивает к себе людей. Таким он остается всегда. Его творчество тесно связано с современностью, так как в своих картинах он осветил вечные проблемы человеческого существования. Творчество Кишева несет в себе общечеловеческие идеалы, идеи дружбы между народами. Многие свои картины он посвятил уникальным и тайным явлениям природы, звездному миру. Из США Джек Ведбил писал Мухадину Кишеву: «Благодарю вас за ту красоту, которую вы дарите нашему миру. Новые открытия ожидают тех, кто способен их высоко оценить. Несомненно, появятся и другие ваши творения, как нечто высочайшей степени изумляющее и врачующее мир».

Мухадин Кишев был во многих странах и достойно представлял Кабардино-Балкарию. Художник имеет обширные связи с известными деятелями культуры зарубежных стран. Видный специалист по теории и истории изобразительных искусств А. В. Гамлицкий говорил: «Здесь мастер в полной

мере проявил свои новые профессиональные возможности, ощутил себя способным не только отображать реальность, но и преобразовать, насыщать своим личным смыслом. В жанровом анималистическом полотне Мухадин Кишев нашел наконец гармонию вселенной, которую искал почти тридцать лет, и поставил задачу своего дальнейшего творчества: «создать абстрактную реальность и реальную абстракцию – язык нашего времени, искусства XXI века».

Вне поля зрения творчества художника не осталось и выселение балкарского народа из отчего края 8 марта 1944 года. Мухадин Кишев создал картины «Балкарская трагедия» и «Брошенное село» (1989). «Здесь художник во многом продолжает традицию своего прежнего творчества, – пишет А. В. Гамлицкий. – Он идет от обыденного, от частной детали к глубокому обобщению, выразительному образу. Сюжет его картины прост до безжалостности: опустевшее село, мертвые трубы над саклями, безжизненные дома, из которых внезапно вырвали обитателей, как вырывают внутренности».

Интимная, личностная потеря близкого человека, тихое безжалостное отчаяние в холсте «Ожидание» сменяется эпической картиной трагедии целого народа, мощным эмоциональным протестом, общественным, социальным пафосом. Предельно лаконично выражена балкарская трагедия. Художник поднял ее до общечеловеческого уровня, сделал ее понятной всем людям Земли. Балкарский народ бесконечно благодарен Мухадину Кишеву за то, что он своей картиной увековечил в социальной памяти трагедию репрессивных народов, их депортацию из этнической колыбели. Кайсын Кулиев написал об этой трагедии поэму «Завещание». Мухадин Кишев был в очень близких отношениях с Кайсыном. Он пишет в своих воспоминаниях о поэте: «Воспользовавшись случаем, я попросил Кайсына Кулиева, чтобы он зашел в Союз художников и посмотрел мои первые творения, это было в 1968 году. Кайсын Шуваевич посмотрел на мои работы и тактично сказал, что он не художник и, может быть, он не понимает профессионально, но что ему нравятся те мои работы, в которых чувствуется авторское «Я», которые не копируют натуру. В те далекие 60-е годы, в разгар соцреализма, такое высказывание было очень смелым и современным. Он привел мне в пример известных художников и сказал, почему они ему нравятся, тактично намекая мне, что нужно меньше копировать натуру, больше внести свою фантазию. Я тогда понял ненавязчивые советы великого мастера и был поражен его знаниями о творениях выдающихся художников».

Недавно у меня была беседа с маэстро. Я ему говорил: «Мухадин, скоро вы с Жаклин уезжаете в Испанию. Испания для вас стала второй родиной. За эти годы вы общались со многими европейскими интеллектуалами. Это имело немаловажное значение для вас. Какие у вас есть еще нереализованные творческие замыслы? Вы не думаете создать картины и о своей этнической колыбели, о Чегемском ущелье? Как известно, геокультурный ландшафт играет важную роль в формировании образа этноса, его национального характера и национальной психологии. Кайсын Кулиев многократно воспел в своих стихах и поэмах величественную панораму Чегемского ущелья, Кайсын Кулиев вошел в систему мировой художественной культуры благодаря своим бессмертным стихам и поэмам, на которые его вдохновили родная

земля, неповторимая красота наших гор, природно-ландшафтные образы родного ущелья, его колыбель». Мухадин ответил, что они часто беседовали с Кайсыном, говорили о жизни и судьбе детей. Кайсын рассказывал, что у его младшего сына Азамата есть склонность рисовать и что он мечтает поступить учиться в художественную академию в Ленинграде. Однажды Кайсын Шуваевич сказал: «Мухадин, у тебя большой природный талант. Ты должен упорно и целеустремленно работать в поте лица. Я абсолютно уверен, что ты со временем станешь известным художником. Тебя будут знать многие страны, и люди будут восхищаться твоими картинами».

Слова великого мастера оказались пророческими, Мухадин Кишев стал всемирно известным художником. Как радовался бы Кайсын Кулиев этому! К сожалению, он ушел из жизни в 1985 году, когда художнику Кишеву было 44 года.

Я сказал Мухадину, что самым любимым поэтом Кайсына Кулиева был испанский поэт Гарсиа Лорка. Кайсын Шуваевич написал цикл стихов об Испании... «Известна ли поэзия Кайсына Кулиева в Испании?» – спросил я у художника. Он ответил: «В Испании достаточно хорошо знают поэзию Кайсына Кулиева, также он известен в испаноязычном мире, Латинской Америке, на Филиппинах». Я еще спросил, не думает ли он написать портрет Кайсына? Мухадин Кишев ответил: «Многие художники создали портреты Кайсына Кулиева. Я тоже думаю написать портрет моего наставника, земляка и современника. Но я не буду никого повторять и копировать. Я думаю написать портрет поэта во весь рост, читающего свои стихи».

Испания – один из древних центров европейской культуры. У этой страны богатейшие традиции в изобразительном искусстве. В средние века в Испании, в городе Кордове (Андалузия), жили великие испано-арабские мыслители Ибн Баджа, Ибн Туфайль, Ибн Рушд, Ортега-и-Гассет, которые внесли большой вклад в развитие философской мысли человечества. Также испанские художники внесли огромный вклад в мировую художественную культуру, одарив ее гениальными произведениями в области поэзии, драматургии, живописи, архитектуры.

Мухадин Кишев глубоко проникся ценностями и вечными идеалами испанской культуры, а его творчество отразило неординарное понимание автором всех достижений испанского изобразительного искусства. Испания, благодатная и великая страна Европы, родина Мигеля де Сервантеса и Гарсиа Лорки, Сальвадора Дали – выдающегося художника-реформатора, основоположника нового художественного направления – сюрреализма. Вся его жизнь, бурная, наполненная необычайными событиями, имела одну неповторимую Музу, которая не давала ему покоя и всегда толкала на освоение новых горизонтов самораскрытия. В ней он находил и дух жизни, и настоящее олицетворение метафизики гармонии человеческого и божественного. Это была Гала, обыкновенная русская женщина – Елена Дьяконова, супруга, друг, вдохновительница Мастера, прожившая с ним несколько десятков удивительных лет. Как Гала для Дали, для Мухадина Кишева – Жаклин, неповторимая Муза, освещающая своим светом и деяниями его творческие проекты и замыслы.

ДОРОГА

Главы из повести

***

Прошел март, закончились и долгие холодные дни с бесконечными дождями и изморозью. Небо прояснилось и установились ясные солнечные дни. Люди радовались тому, что, наконец-то, слава Аллаху, скоро придет и тепло, настанет настоящая весна. Если такая погода продержится хотя бы неделю, можно и скотину за околицу вывести, с надеждой думали многие, у кого заканчивалось сено. При встрече, боясь сглазить, старались меньше говорить о хорошей погоде, но скрыть радость было невозможно – лица людей светились, что солнышко на небе.

В один из таких прекрасных весенних дней вдруг вся Большая Балкария забегала, загудела, словно разворошенный муравейник. Забегая, если все, что говорят – это правда. А говорят такое – не очень-то поверишь: собирается, мол, сход, там и деньги будут раздавать, и Исмаил из Аланбиевых тоже будет на сходе, он ныне уже начальник второго участка округа, а говоря проще – у него под рукой теперь оказались все пять Горских Обществ, то есть вся Балкария. Кто же, интересно, усидит тогда дома?!

Очень хотелось пойти на сход и Ахмат-хаджи из Мисировых, но он не поддался искушению, остался дома. Еще года три тому назад он сказал: «Я уже в том возрасте, когда не очень-то прилично участвовать во всех общественных делах, сын уже подросток – пусть он и ходит, куда надо». И с тех пор, кроме как на тере да в мечеть, он больше никуда не ходит. И на сходы тоже.

Когда Алий ушел, и в доме он остался один с женщинами и детьми, ему вдруг взгрустнулось – показалось, что он теперь забыт, заброшен и никому не нужен, точно старый поломанный черпак. Он пошел на скотный двор, объедки сена от телят кинул овцам, а тем дал свежего сена, почистил полы, прибрал, навел порядок в помещении. Но в душе все еще не было спокойно, словно его лишили возможности заняться большим, необходимым делом и он вынужден убивать время на пустяки. И на ныгыш выходить не хотелось. Не зная, что делать, он вернулся в дом. И тут его со всех сторон окружили дети, радостно выкрикивая:

– Дедушка пришел! Дедушка пришел!

– Давай, расскажи сказку!

– Мы уже проснулись и поели! – поволокли его к очагу и усадили на топчан.

– Да что же мне рассказать... – сказал хаджи с сокрушенным видом.

– Ночью приходили шайтаны, околдовали-обманули меня и унесли все сказки, которые я знал.

Дети печально притихли.

– Тогда расскажу я, – сказал Рамазан, старший сын Алия, которому

скоро исполнится пять лет.

– Хорошо. Тогда Расскажи ты, – согласились дети и приготовились слушать.

Рамазан, как это делали взрослые, принял серьезный вид, словно он собирается рассказать очень интересную и очень длинную сказку, и произнес первые слова, какими обычно и начинаются все сказки:

– Давным-давно, очень давно, – но, увидев, что дети всерьез приготовились слушать его, залпом произнес шутливо-озорную частушку:

«Сказка, сказка – тебе в дорогу!

Навозная лопата – тебе в руку!

Помочилась собака – тебе в шубу!»

– Дурак! – с обидой вскричал трехлетний Темир, братишка Рамазана. А остальные, горько обманутые Рамазаном, взвыли в один голос.

– Да чтоб род ваш не прервался!¹ Тише вы! – прикрикнула на детей старшая невестка Ариужан и, добавив: – Не дразни детей! Не дразни! – раза два шлепнула Рамазана по попке.

Рамазан, хотя от шлепков матери было совсем и не больно, чтобы развеселить братишек и сестренек, заохал, растирая побитое место, и перешел на другую сторону очага.

– Если не будете шуметь, я расскажу одну сказку, – сказал дедушка.

– Откуда ты ее возьмешь? – с недоверием спросил сынишка Абуллы Хаджи-Мурат. – У тебя же все сказки шайтан унес.

– Чтоб подох этот шайтан! – сказал Темир.

– Когда шайтан укладывал мои сказки в свою сумку, я спрятал несколько штук под подушку и потом, когда шайтан ушел, отдал обратно памяти! – сказал дедушка, и у детишек радостно заблестели глазенки.

– Давай тогда рассказывай! – потребовали они.

– Давным-давно, очень давно, жили два друга – Вошь и Блоха. И вот однажды...

– Не нужна эта сказка!

– Постоянно – Вошь да Блоха, Вошь да Блоха...

– Давай другую сказку! – запротестовали дети.

– Про Соломинку-Ногу и Яйцо-Голову рассказать?

– Ладно, Расскажи хоть эту.

– Давным-давно, очень давно, в одном коше жили три друга – Соломинка-Нога, Яйцо-Голова и Паутинка-Горло. Они были очень ленивы и, конечно же, у них ничего не было. И вот однажды один чабан прогонял мимо их коша отару. Увидел он, в какой бедности живут три друга, и дал им одного барашка.

– Тот раз ты говорил, что он дал ягненка, – поправила дедушку Ариука.

– Да, да, я забыл, дал ягненка.

– Теперь не забывай, хорошо? – сказал Тамук, старшенький Келлета.

– Хорошо. Вот они зарезали ягненка и решили сварить мясо.

1 «Да чтоб род ваш не прервался» – в балкарском языке часто употребляются «обезвреженные» частицей «не» проклятия в качестве незлобивого «ради формы» ругательства.

Смотрят – и воды мало, и дров не хватит. Тогда говорит Паутинка-Горло, он был у них старшим: «Пока варится мясо, ты, Яйцо-Голова, сходи за водой, а ты, Соломинка-Нога, сходи в лес, принеси дров». Пошли. Яйцо-Голова – по воду, Соломинка-Нога – в лес, по дрова. Яйцо-Голова быстро дошел до реки, наполнил ведра и заспешил обратно. Он боялся, что Соломинка-Нога вернется раньше его и они вместе – Паутинка-Горло и Соломинка-Нога – съедят все мясо, а ему оставят только кости. Он так торопился, что не заметил ветку, перегородившую тропу, споткнулся, упал, разбил свою голову-яйцо и умер.

– Ой, бедный! – воскликнул Баширчик, младшенький Келлета.

– Помолчи, – ткнула его в бок Ариука.

– Когда Соломинка-Нога пришел в лес, он тоже испугался, что Яйцо-Голова вернется в кош раньше его. И тогда те вдвоем съедят почти все мясо, а ему оставят только чуть-чуть. Торопливо собрал он немного дров, взвалил на плечо и заспешил в кош. И он тоже не заметил нижние ветки кустарника, что стлались на дороге, запутался в них своими ногами-соломинками, упал, поломал обе ноги и умер.

Баширу было жалко и Соломинку-Ногу, и он хотел, видимо, опять сказать «бедный», но, заметив, что все вокруг смотрят на него, готовые надавать ему тумаков, если он посмеет еще раз перебить дедушку, промолчал.

– А Паутинка-Горло, как только из коша ушли Яйцо-Голова и Соломинка-Нога, решил так – пока эти крокодилы не вернулись, наемся-ка я мяса. Вытащил из казана кусок мяса и, не дожидаясь пока он остынет, начал спешно есть. Но так как он очень торопился и как следует не прожевал кусок мяса, тот застрял у него в паутинном горле и двери его тут же закрылись.

– Какие двери, дедушка? – спросил Башир.

Хаджи, улыбаясь, не нашелся, что ответить на этот детский вопрос.

– Двери смерти, дурачок! – помог деду Рамазан.

– Так, да, дедушка?

– Так, так, конечно. Я просто забыл. И закрылись его двери смерти, и он умер.

– А кто теперь съест мясо, что осталось в казане?

– А это мясо съедят люди, которые не такие жадные, как Паутинка-Горло, Яйцо-Голова и Соломинка-Нога. Все, кто любит своих братишек, сестренек, товарищей.

– Еще расскажи, дедушка!

– А что я могу еще рассказать – остальные сказки ведь унес шайтан?

– Не обманывай! – сказал Хаджи-Мурат. – Ты же сам говорил, что спрятал под подушку несколько сказок! А потом, когда шайтан ушел, ты отдал их обратно памяти – посмотри в памяти!

– Так я никак не вспомню – где память-то у меня находится! Куда же я посмотрю?

– Вот сюда посмотри – здесь находится твоя память, – сказал Баширчик, ткнув дедушку в грудь.

– Нету – сам посмотри! – развернул полы безрукавки хаджи, улыбаясь.

– Я знаю, не там находится твоя память, а в голове! Давай говори!

– А-а-а! А я и забыл! – рассмеялся, не выдержав, хаджи. – Хорошо, слушайте. Давно, давным-давно три друга, три джигита-нарта отправились в поход.

– А кто такие эти джигиты-нарты? – опять спросил Баширчик и тут же получил нахлобучку от Темира.

– Да помолчи ты!

– А джигиты-нарты, сыночек, – сказал хаджи, погладив Баширчика по голове, как бы снимая боль от полученного тумака, – были нашими предками, жившими давно-давно...

– Дедушка, рассказывай сказку. Башир, а ты замолчи, а то получишь опять! – пригрозил Темир.

– И вот сели на коней нарты-джигиты, и скакали они семь дней и семь ночей через горы и долины, через реки и леса. Остановились у большой-большой реки. Смотрят – а на крутом берегу той реки крепость стоит. Подъехали они к крепости, стучат в ворота и кричат:

– Эй, открывайте двери! Принимайте гостей!

И вот открываются ворота, а там – эмегены!

– Заходите, заходите! Добро пожаловать! Как хорошо, что вы пришли! А то мы не знали, чем нам пообедать! – сказали эмегены.

Дети слушают новую сказку, затаив дыхание. Баширчик хотел было спросить о том, едят ли эмегены людей, но, вспомнив про нахлобучку Темира, сдержался.

– Вам на обед наши товарищи гонят целое стадо быков, – не растерялся младший из нартов Ёрюзбек. – Он знал, что эмегенов силой не одолеть, а только хитростью – ума-то у них мало. – А пока просим вас, эмегенов, самых умных и сведущих существ на земле, ответить на один наш вопрос. Мы были во многих местах, но нигде и никто не смог нам ответить.

– Спрашивай, спрашивай! Правильно говоришь – нет на свете ничего, что бы мы не знали, нет такого вопроса, на который мы не нашли бы ответа. Спрашивай! – добродушно ответили эмегены, польщенные оценкой, данной им нартом, и приготовились слушать.

– Когда-то давным-давно на земле нартов было большое-большое озеро, – начал Ёрюзбек.

– Как верблюд! – добавил Башир. Хоть он и не видел верблюда, но знал, что больше верблюда ничего на свете нет.

– Да, да! Большое-большое озеро, как верблюд, – продолжил хаджи сказку. – А у озера обитала одна корова. Один день она стояла на одном берегу озера, а паслась, вытянув шею, на другом берегу. На второй день переходила на тот берег и паслась уже на этой стороне. На том и на этом берегу озера было по одному большому селу. Один день корову доили люди одного селения, другой день – люди другого селения. И всем хватало молока и на айран, и на сыр, и на масло.

– Вот это да! Вот бы нам такую корову!

– Вот было бы здорово!

– Да замолчите вы! – закричал Рамазан. И он тоже впервые слышал эту сказку.

– Так и жили-поживали, и вот, в один прекрасный день, вдруг померкло солнце, стало темно, поднялся ветер. Народ, испугавшись, что настал кыяма-день¹, попрятался по домам.

– А кыяма-день – это ветренный день? – спросила Ариука.

– Заткнись! – только успел крикнуть Рамазан, как тут же получил шлепок по голове от Ариужан. Рамазан притих.

– А когда вновь показалось солнце, затих ветер, люди вышли из домов, посмотрели – а коровы нет! Унес корову большой-большой орел. Оказывается, это его крылья закрыли солнце, и от этого стало темно, оказывается, это от взмахов его крыльев поднялся и ураган!

Дети слушали, затаив дыхание. Теперь-то все поняли – как бы ни раздирало любопытство, но спросить что-либо нельзя, иначе начнется шум-гам, кому-то влетит, кто-то заплачет, и тогда всё, не слышать им окончания этой интересной сказки.

– Орел летел, летел, с коровой в когтях, и всё присматривал место, где бы приземлиться и полакомиться. Вот выбрал он ровную полянку между двух высоких скал, сел и принялся есть корову. В это время пошел сильный дождь. Но орел не обращал на это никакого внимания и продолжал есть свою добычу. Вскоре дождь перешел в грозу, засверкала молния, ударил оглушительный гром, затряслись горы. Орел испугался, уронил из клюва косточку, которая была лопаткой, и улетел.

Оказывается – место, где он сел, вовсе и не было поляной в горах, и две высокие скалы не были скалами. Он сел на голову козла, предводителя стада овец, которое пас в этих местах один чабан. И поляна была не поляной, а теменем козла, и скалы были не скалами, а были рогами козла. Вот таким большим был этот козел. Даже чабан, когда начался дождь, укрылся у него под бородой. И как раз в тот момент, когда он, высунувшись из-под бороды козла, взглянул на небо, желая узнать, не проясняется ли, сверкнула молния и ударил гром. Чабану тогда показалось, что, когда он взглянул на небо, в глаза попали не только дождевики, но и соринка. Но тогда он не обратил на это внимания.

Вот, наконец, гроза прошла, вновь засияло солнце, и чабан выбрался из-под бороды козла, погнал своих овец дальше, где была гуще трава. И только теперь он убедился, что в его глаз действительно попала соринка. И он беспрестанно тер глаз, в который попала соринка, пока она не выпала. А это, оказывается, была не обычная соринка, а лопатка коровы, которую выронил орел, испуганно взлетая во время грозы.

Прошло много-много лет. Эта коровья лопатка покрылась землей и теперь стала плоскогорьем на ровной долине. И люди выбрали это взгорье, чтобы построить здесь себе жилища и поселиться навсегда. Тем более – рядом протекала река с чистой водой. Так, на лопатке, выросло большое красивое село, и люди зажили радостно, довольные выбором места.

1 Кыяма-день – день светопреставления.

Но вот однажды на рассвете случилось сильное землетрясение. Конечно, люди были взбудоражены, но землетрясение есть землетрясение – что поделаешь? К вечеру все успокоились. Но рано-рано утром опять случилось землетрясение. На третий день – опять! Очень были напуганы люди села столь необычным явлением и отправились по окрестным селам. До чего же они были удивлены, когда узнали, что в соседних селлах в эти дни никакого землетрясения не было.

Собрались тогда старейшины села и решили на совете, что надо переехать в другое место. «Это место, – сказали они, – видимо, проклято богом!» Тогда слово попросил один джигит и, когда ему дозволили, сказал: «Уважаемые, простите, что я перед вами, старшими, говорю, но мне кажется странным, что землетрясение происходит ежедневно в одно и то же время и только в нашем селе. Где такое видано? Прежде чем переезжать в другое место, позвольте нам, джигитам, день-другой поохранять село. Кто его знает...»

Народ поддержал джигита. И в ту же ночь все мужчины, вооружившись кто чем попало, расположились вокруг села и стали ждать. Все бодрствовали, но ночью ничего не произошло. И лишь под утро джигиты заметили, что к селу подбирается какое-то громадное чудовище, заслонив собой полнеба. Оно прокралось к окраине и тут село затрясло. Бросились все к чудовищу и, одолели, наконец, убили. Тут и рассвело, и тогда увидели люди, что это чудовище оказалось огромной лисицей. Она, оказывается, ходила грызть краешек лопатки, на которой и располагалось село. Все были рады такому счастливому избавлению от землетрясений и крайне удивлены размерами лисицы. Содрали с одного бока шкуру той лисицы, но сколько бы ни старались, собравшись, все жители села перевернуть лисицу, чтобы содрать шкуру и с другого бока, не смогли. Со шкуры, содранной с одного бока лисицы, всем мужчинам села потом сшили по шапке. Усталые люди разошлись по домам.

А в то утро одна женщина, ничего не зная о том, что было ночью, как всегда, выгнала свою корову за село к стаду. И тут она увидела ту лисицу, что лежала у обочины дороги. Удивилась женщина, что у лисы шкура содрана только с одного бока, перевернула концом веретена ее на другой бок и содрала оставшуюся шкуру. «Сыну на шапку, может, пригодится», – решила она. Принесла домой эту половинку шкуры, обработала и стала кроить шапку. Но шкуры не хватило, чтобы сшить шапку для ее восьмилетнего сынишки...

Закончив на этом свой рассказ, Ёрюзбек добавил:

– На вопрос о том, кто больше в этой сказке, нарты наперебой стали кричать: «Корова!», «Орел!», «Козел!», «Чабан!», «Лисица!», «Женщина!», «Тот мальчик!» Дело дошло до ссоры. Чтобы избежать драки и кровопролития, старейшины нартов послали нас к вам с подарками, вот мы и просим вас, умных и знающих всё эмегенов, разрешить их спор и помочь предотвратить беду – ответить на вопрос: «Кто же больше – корова, орел, козел, чабан, лиса, женщина или мальчик? Дайте ответ, пожалуйста, поскорее, а то как бы наши неумные нарты не перебили друг друга в пылу спора!

– А что там отвечать! – сказал один из эмегенов. – Что может быть больше коровы, что с избытком обеспечивала два села своим молоком!

– Вот это корова! – Нам бы ее – мы бы все наелись досыта! – воскликнули эмегены.

В это время эмеген, что находился в углу, вскричал:

– Какие же вы дураки! Неужели орел, что унес эту корову, как цыпленка, меньше нее! Орел – вот кто больше всех!

– Нет! Чабан больше всех! Он целую лопатку от этой коровы принял за соринку!

– Нет, не чабан, дураки! Козел – вот кто больше всех! Твой чабан под его бородой укрылся!

– А лиса, дурни вы эдакие! Трясла все селение, словно корзинку!

Так спорили-спорили эмегены и стали драться. А нарты бочком-бочком выбрались наружу, вскочили на коней и ускакали. Вот так, благодаря уму и находчивости самого младшего – отважного и умного Ёрюзмека – нарты спаслись от верной гибели, – закончил рассказывать дед. И долго еще сидели дети, пораженные удивительной сказкой.

– А взаправду, дедушка, – кто же больше? – спросил Башир. Теперь, когда сказка закончилась, никто, наверное, не станет его ругать, а ему очень хотелось это узнать.

– Тому, кто отгадает это – отдам бабки, когда зарежем валуха, – сказал хаджи, и дети, как и эмегены, стали спорить...

Алий вернулся со схода к вечеру и сразу же пристроился к столу, заявив, что если через минуту не подадут есть, он умрет с голоду. Хаджи подошел и сел рядом.

– Что нового, что решили? – спросил он, словно говоря: «Хватит – целый день ждал тебя! Не тяни!».

– Эрбелиани уходит начальником Терской области. Исмаил сказал, что надо поскорее раздать деньги, полученные от Гамара, народу, потому что новый начальник округа может помешать этому. Например, прикажет их передать правлению и использовать только на общественные расходы.

– А сколько денег получили от Гамара?

– Сорок пять тысяч. Половину раздали народу. Половину оставили правлению – на строительство мостов, нового здания правления в селении Чегет-эль и на другие расходы. Оказали помощь и самым бедным. Что еще сказать?

– А правда, что Исмаил теперь на большой должности?

– Правда. Теперь все пять балкарских обществ находятся под его рукой.

– Это хорошо.

Алий, продолжая есть, вытащил из кармана деньги и дал отцу.

– Каждому дому досталось по двадцать пять рублей – это наши, – сказал он.

Хаджи удивленно взял в руки бумажки, словно впервые видел деньги, пересчитал и спрятал во внутренний карман.

– А меня сделали помощником Крыма, вот – а вы сидите здесь! –

шутливо сообщил Алий, но по голосу чувствовалось, что он этому рад не на шутку.

– А что – Ахмата из Мусуковых сняли, что ли?

– Нет. Сказали, что общество большое, а потому-де старшине нужны два помощника. Ахмат будет ведать делами правобережных селений, а я – левобережных, нашей стороны селений.

– Ты правду говоришь, сын мой? – спросил хаджи, не вполне веря сыну.

– Конечно, правду, отец. И еще – если не возникнет какое-то уж очень большое дело, всеобщий сход собирать не будем. Выдумали какую-то новую должность – староста улицы. Десять домов считаются улицей. Вот эти старосты улицы и будут собираться на сход. Так что, отец, без курманлыка тебе не обойтись – сын-то у тебя стал вон каким начальником!

– А чего ж – тейри, сделаем и курманлык. Почему бы нет? Если все, что ты говоришь – это правда, – ему все еще не верилось, что его сын, которому только-только исполнилось тридцать лет, пользуется в обществе таким большим авторитетом. – Кто первым сказал, чтобы назначить тебя помощником Крыма?

– Исмаил.

– Да, да, конечно! А то кому же придет в голову называть твое имя, когда есть взрослые мужчины!

– Это, отец, благодаря твоему авторитету, а так меня не только к правлению, даже на сход не пустили бы. «Это кто – сын Ахмата-хаджи, что ли? Ну, тогда пусть будет!» – такие слова я сам слышал от многих.

– Кто его знает, сын мой. И ты, наверное, для общества что-то полезное делаешь. Не думаю, что балкарское общество из-за чьего-то авторитета станет оказывать честь кому-то, если сам этого не заслуживает, пусть он даже будет и сыном самого хана. В добрый час, сын мой, старайся, не ленись, не принимай сторону неправого дела. Народ, как ты думаешь, не будет оказывать уважение кому-то из-за кого-то: если увидят, что ты никчемный, не то делаешь – снимут быстро. Если твое имя назвал Исмаил – то уважили, конечно, его, а я здесь при чем? Таких стариков, как я, в Большой Балкарии много, – сказал хаджи, вставая.

Он стеснялся своей радости и не хотел, чтобы ее заметили ни сын, ни невестки, поэтому-то и заспешил во двор.

***

Эрбелиани был повышен в чине – стал генералом – и назначен начальником Терской области, но уезжать из Нальчика почему-то особо не спешил. И это злило полковника Казакова, присланного вместо него начальником Нальчикского округа. Полковник происходил не из дворянского рода, а потому люто ненавидел всех дворян, и в особенности тех из них, что быстро продвигались по военной службе, легко обходя таких заслуженных людей, как он, Казаков. А Эрбелиани, был убежден Казаков, несомненно, один из них. Конечно, не за особое усердие на службе и заслуги перед Отчиной стал он начальником Терской области,

а потому что в Тифлисе, в окружении наместника Его Величества на Кавказе, полным-полно его родственников и друзей. Полковник знал, что Эрбелиани был на Балканском фронте во время войны, награжден за мужество и отвагу орденом Анны, и сам император преподнес ему дар – золотую саблю, за героизм во время штурма крепости Плевна. Но и здесь, был убежден полковник, наверняка не обошлось без связей, интриг друзей и знакомых князя. Недаром же говорят, что сам Гурко дружил с одним из близких родственников Эрбелиани. Все так, конечно, не иначе. Ведь на войне был полковник и сам, но ему почему-то доставались от начальства только нагоняи, но никак не ордена и золотые сабли. Хотя, будучи помощником начальника штаба дивизии, не одним таким, как Эрбелиани, он определял, где и как воевать. А поди ж ты – сегодня он, валявшийся где-то там в холодных окопах с завшивевшими солдатами уже в чине генерала, и стал – какая разница? – губернатором! А ему, бывшему подполковнику Казакову, который принимал от таких, как этот Эрбелиани, стоявших перед ним навытяжку, рапорты, до сих пор удалось сделать лишь один маленький шагок по службе – стал полковником. Вот если б он, Казаков, с его умом да знаниями, был бы отпрыском какого-нибудь знатного дворянского рода – тогда мы посмотрели б, как этот выскочка-грузин его обошел бы! Не только не стал бы его, Казакова, прямым начальником, но и близко подойти не осмеливался бы. Да разве не это, в сущности-то, и губит Россию – то, что император всячески опекает и продвигает по службе только сынков дворян, если даже они и не умнее ослов? Куда ни кинь взгляд – везде князья, графы, дворяне. Они и генералы, и губернаторы, и министры. Везде – они, они, они... Но, слава Богу, теперь, кажется, и Россия начинает набираться ума-разума. Вот если бы удалось убрать этого тупицу-царя и поставить у власти людей, пробившихся к богатству и уважению собственными стараниями и умом. Но только эта мысль мелькнула в голове, как Казаков, раскаявшись, перекрестился. Нет, нет! Не потому, что ему расхотелось свергать царя, пожалел его, а вспомнились ему эти глупые французы. А если и здесь, прогнав царя с престола, народ не утихомирится и начнет тоже устраивать коммуны? Да сохранит Бог Россию от этой напасти! Этого только не хватало – чтоб в стране верховодили холопы! Уж лучше пусть царь сидит себе на престоле хоть тысячу лет, если даже он и дурак. Какие бы крамольные мысли ни овладевали им, но то, что он, Казаков, в конце концов, решил оставить царя на престоле, удовлетворило, успокоило его. Он прошел вглубь кабинета и сел под портретом царя Николая за стол.

Да, если б по уму, то, конечно, его не начальником округа надо было сажать, а, по крайней мере, военным министром, а то и наместником Его Величества на Кавказе. Но и это неплохо – ведь многие такие, как он, остались там, внизу, на самых первых ступеньках нелегкой служебной лесенки. Пусть и звучит не очень солидно, начальник округа, но он теперь, по существу, – как царь над двумя народами.

Убедив себя в том, что он, какой-никакой, но все же царь, полковник задумался о том, как же его примут подвластные ему народы, да

чем его одарят. Но как бы он ни напрягал свой многоопытный ум, никак не мог себе представить – чем же могут одарить его, обрадовать эти туземцы. Шашлыки, белые бурки, башлыки? А что он станет делать с ними? А-а-а! Кинжалы, золотые кинжалы, пояса, нагрудники! Как он мог забыть об этих вещах?! Каждый глава рода – индейцы их называют вождями, а эти как, интересно? – даст мне в честь моего вступления на должность – да скажи: на престол, какая разница! – по одному золотому кинжалу, матушке – по поясу, Луизе – по нагруднику, да и сыну – что-нибудь такое – неплохо будет? А сколько у них родов, интересно? Татары, говорят, живут в пяти ущельях – по одному роду в каждом ущелье, наверное. А черкесов, говорят, побольше. От них побольше, может, и перепадет, господин полковник, а?

И куда он запропастился этот, как его там, Эрбелиани или черт с рогами? Обещал же утром представить его служащим управления! Хы, князь ведь! Спит, конечно. Государство ли у него на уме – как бы не так. Небось до полуночи... И только мысли полковника добрались до полуночи, как тут же открылась дверь, и в кабинет вошел Эрбелиани. Увидев Васо Илларионовича, высокого, большеюкого, чернобрового бравого генерала, полковник Казаков, невысокого роста, лысеющий, мигом забыв о том, что еще минуту назад в мечтах он был и военным министром, и наместником на Кавказе, вскочил из-за стола и, словно новобранец, гаркнул радостно:

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – и весь облик его тотчас же переменялся – теперь он не был похож на грозного владыку, а выглядел скорее верным псом, который рад хозяину, виляет хвостом, снует у ног и трется о голенища сапог.

– Спасибо! И вам здравия желаю. Вы уж извините меня, господин полковник – я немного запоздал, – сказал Эрбелиани, тут же вышел из кабинета и вскоре вернулся опять. – Попросил служащих управления собраться в зале, чтобы познакомить вас, если не возражаете.

– Как изволите, ваше превосходительство!

– Конечно же, господин полковник, после Тифлиса наша скромная слобода вам, наверное, не понравится. Но первое впечатление, как говорят, обманчиво – вы особо не огорчайтесь. Поживете малость, увидите, убедитесь сами – здешняя природа гораздо красивее парков и бульваров больших городов. Один только Эльбрус чего стоит – золотая корона Кавказа! Горы, леса, полные дичи, чистые реки – одно великолепие! А если вы к тому же и охотник – так вам просто повезло! Да и горцы – народ трудолюбивый, покладистый. Что я вам говорю – читали сами, небось, поручика Лермонтова? Только, к сожалению, скучновато немного – абреки, вот, вывелись. Но это ведь должно радовать, а не огорчать начальника округа. Так ведь, господин полковник?

– Так точно, ваше превосходительство! Что нет абреков – это очень даже хорошо. Но только мне верится с трудом – разве есть на Кавказе места, где нет абреков, нет разбоев и краж?

– Здесь это не особенно-то в моде. Случается иногда, косяк от табуна угонят, овец там с десяток-другой, но и то не среди своих. Стараются

озоровать, как правило, в чужих краях, в чужих землях. Или горцы с низины угонят косяк лошадей, или разбойники отсюда – отару овец у горцев. Но это бывает редко. Как правило, я уже говорил, норовят вдали озоровать. В Дигорию, скажем, в Грузию, в Карачай набеги устраивают. Чем дальше утонишь косяк или отару, тем легче замести следы. Но пусть и это вас не огорчает, господин полковник, – такой промысел у горцев тоже выходит из моды. Караульные, милиция, большие штрафы, коллективная ответственность сел, куда ведут следы украденного скота – все это свело на нет и подобное удалство. Все меньше и меньше становится людей, желающих гнить в Сибири из-за нескольких лошадей или гурга овец.

– Дай-то бог!

В этот момент вошел писарь округа и доложил:

– Васо Илларионович, все в сборе.

– Идемте, господин полковник, – пригласил Казакова Эрбелиани и сам первым вышел в залу.

Все служащие управления стояли в ряд, словно военные на смотре. У многих на плечах виднелись погоны, но не меньше было и чинов в гражданской одежде.

Когда в залу вошли генерал и полковник, тут же смолкли разговоры, и все молча смотрели на них.

– Доброе утро, господа! – поздоровался Эрбелиани и, не выслушивая до конца приветствия, продолжил: – Я пригласил вас сюда, дабы познакомить с господином полковником Казаковым, назначенным начальником Нальчикского округа. Потом, конечно, вы познакомитесь и поближе, но я хотел бы сказать несколько слов о господине полковнике. Полковник Казаков – один из героических участников Русско-турецкой войны, человек, служивший верой и правдой царю и Отечеству в то нелегкое время. Во время войны он был помощником начальника штаба той прославленной дивизии, что пленила Османа-пашу. После подписания мирного договора с Портой некоторое время находился в наших войсках, расквартированных в Болгарии. Потом был на важных должностях в штабе Кавказского военного округа в Тифлисе и в канцелярии его превосходительства наместника на Кавказе. По рекомендации помощника наместника на Кавказе по гражданской части его светлости Льва Васильевича Панаева господина Казакова, всю жизнь верой и правдой служившего царю и Отечеству, на должность начальника округа назначил сам наместник на Кавказе. Итак – прошу любить и жаловать!

– Мог бы сказать просто и ясно – Панаева тошнило каждое утро при виде его тупой лысины, вот он его и выжил! – сказал на ухо Исмаилу подпоручик Донских, его первый помощник.

– Тише! Еще услышит!

Вот генерал начал знакомить полковника с каждым служащим в отдельности, начиная с трех своих бывших помощников. Тот, к кому подходил Васо Илларионович и называл имя и должность, легким поклоном, вернее – кивком головы, приветствовал полковника словами:

– Здравия желаю, господин полковник!

Вот генерал с полковником приблизились к группе служащих 2-го Горского участка.

– Капитан Исмаил Наурузович Аланбиев – начальник второго участка, герой Шипки и Плевны, кавалер Георгия.

– Вы в каком полку служили, капитан? – впервые после входа в зал заговорил полковник.

– Во втором Терском казачьем полку, господин полковник...

– Он был командиром роты в моем батальоне, – ответил вместо капитана генерал.

– Ах, вот как?! – наверное, всерьез удивился полковник. Потом он подумал о том, что было бы неплохо что-то сделать или сказать согласно требованию поговорки: «Если хочешь угодить хозяину – брось кость его собаке». Но где отыскать эту «кость», чтобы кинуть капитану и тем самым угодить и генералу. И, слава Богу, – нашел-таки! – Молодец, молодец! – восхищенно произнес полковник. – Вы тоже, наверное, грузин?

– Никак нет, господин полковник, я балкарец, – ответил Исмаил.

Так как мысли полковника в этот момент были заняты только генералом – как бы ему угодить, – то он не обратил особого внимания на частичку «ец» в слове «балкарец». Посчитав это следствием несовершенного знания русского языка капитаном, тем более что голова полковника была заморожена созвучием слов «Балканы», «Болгария», «болгарин». И он, святая душа, удивленно спросил:

– Интересно! Героически сражаясь, освобождаете свою Родину от неверных турок, а сами оказываетесь в такой дали, капитан, – почему?

Лицо капитана заметно переменялось, он слегка побледнел, среди служащих пронесся невнятный шепот. Полковник растерялся, он не знал, что случилось, почему это все вдруг стали какими-то серьезными, с лиц исчезла беззаботность и легкость, всегда присущие подобным церемониям.

– Господин полковник! – чуть заметным наигранно-беззаботным тоном сказал генерал, чтобы не заострять внимание собравшихся на глупом вопросе полковника. – Капитан Аланбиев – не болгарин. Он уроженец этих мест – балкарец. Вам, вероятно, не доводилось до сей поры слышать об этом народе – о балкарцах.

– Прошу прощения, капитан! Я действительно не слышал о том, что на Кавказе есть такой народ. Еще раз прошу, капитан, извините!

– Не стоит извинений, господин полковник. На Кавказе живет много народов, и вашему сиятельству ни к чему их всех знать! – ответил Исмаил.

На то, что Исмаил, обращаясь к полковнику, употребил слово «сиятельство», вместо обычного «господин», и что он это сделал нарочно, заметил все, кроме самого полковника. Ему сейчас было не до «уколов» Исмаила – ему хотелось каким-то способом выйти из неловкого положения, в которое он попал.

– Очень рад был с вами познакомиться, господин капитан. Желаю вам дальнейших успехов по службе! – торжественно-радостно произнес он, пожимая руку Исмаила, не вполне осознавая то, что делает.

Но как только он благополучно, как думал, отделался от капитана и подошел к очередному служащему, сознание полковника вдруг вновь вернулось к слову «сиятельство». И только теперь понял он, полковник Казаков, весь яд этого слова, сказанного капитаном. Понял, и гнев охватил его. Как, как он посмел, и на что это похоже?! Бьюсь об заклад – этот туземец тоже князь! А как же иначе – всякий кавказец, пробившийся кое-как в люди, непременно должен быть князем! Ну, погоди ты, господин князь-капитан, ты у меня... И тут полковник заметил, что он, в гневе не расслышав слов генерала, стоит, уставившись в лицо очередного служащего, как истукан. Опомнившись, выдал из себя улыбку, что-то сказал этому служащему и заспешил за генералом.

– Вот они, орлы, господин полковник, с кем вы и будете работать вместе, – сказал генерал, когда, наконец, обошли всех. – У кого есть вопросы, господа? – спросил он потом, обратившись к собравшимся.

Вопросов ни у кого не было.

– А вы хотите что-нибудь сказать, господин полковник, – спросил Эрбелиани, обратившись к Казакову.

– Я хочу сказать, господа, только одно – будем же все вместе верно и усердно служить царю и Отечеству! Успехов вам!

– Спасибо, господин полковник!

– Постараемся! – послышалось несколько негромких выкриков служащих.

– Тогда все свободны, господа! – объявил генерал. – Исмаил Наурузович, а вас прошу остаться.

Все разошлись.

– Господин полковник, – сказал Эрбелиани, когда они остались втроем, – если вы не возражаете, я хотел бы взять с собой капитана Аланбиева. Балкарское общество только что закончило строительство колесной дороги из гор в долину. С превеликими трудностями. Через два дня мы едем туда, на торжества. Капитан сам из этого ущелья. А вы сами не сможете найти время на поездку с нами?

– С удовольствием, господин генерал! Сочту за честь!

– Вот и хорошо. Торжества, как обычно у мусульман, в пятницу состоятся, а мы выедем в четверг утречком. Готовьтесь! До свидания, господин полковник!

– До свидания, господин генерал!

– Ой-ой-ой, – в первый же день! Разве можно вот так – словно камнем по голове? – спросил, смеясь, Васо Илларионович, еле дождавшись того времени, когда они остались одни на улице.

– Да сгоряча ляпнул, честное слово! А то чего мне обижаться на то, что эта штабная крыса до сих пор не знает о том, что есть на свете и такой народ – балкарцы? Но ведь и обидно, с другой стороны, – прошло то уже несколько дней, как он приехал, мог бы и поинтересоваться: что, мол, за народы такие, коим мне в дальнейшем повелевать придется!

– Народами не знаю, но тобою-то он точно поинтересуется. Одни рожки да ножки от тебя останутся! – рассмеялся Васо Илларионович.

– Не боюсь я этого волка – нечего мне терять! Все, что он может

сделать, – выгнать меня с работы. Ради бога! Я и так раскаиваюсь, что покинул отчий дом, горы.

– Это мы еще посмотрим, как это он сумеет тебя с работы выгнать! А я на что? Пока я жив, ничегошеньки он с тобой не сделает. Все это ты из головы выбрось, а поскорее строй дом. Так будет лучше и для тебя самого, и для сына. А Казаковы да Пятковские – они будут приходить и уходить. Как ты говорил? Вода утечет, а камень останется. Так вот, Эрбелиани, Пятковский, Казаков – это все вода. Они уйдут, утекут. А ты, твой сын, твой род – это уже камни. Вы здесь останетесь и здесь будете жить! Так что плюнь на Казакова и основательно поселяйся здесь, в долине, нечего прятаться в горах. Это мой тебе наказ! Попробуй только не выполни, выпорю, как мальчишку, – я ведь старше тебя!

– Еще бы не быть старше – с золотыми-то погонами! – сказал, смеясь, Исмаил, делая вид, что не понял, в каком это смысле употребил слово «старший» Васо Илларионович.

– Куда бы ты ни поворачивал это слово – все равно я старший. Иди и жалуйся, куда хочешь! – нашелся и Васо Илларионович.

– Васо Илларионович, скажи честно – разве ты прав? Ты же прекрасно знаешь – я переехал сюда только из-за тебя, думал – рядом будем жить, вместе работать. А ты оставляешь меня, уезжаешь. Хорошо это?

– Нехорошо. И я знаю это, но ты на меня не обижайся, ладно? В этом проклятом мире не так уж легко жить без хорошей должности, если нет у тебя большого богатства. Не так разве? Исмаил, давай со мной во Владикавказ, а? Какая ни есть, но столица же, черт побери. И тебе найдем хорошую работу, а Алимю – тем более, а?

– Нет, нет! Ты что? Так я совсем оторвусь и от своих, и от народа, и от отчей земли.

– Вечно ты – мой народ, моя отчая земля! Народ-то твой – всего лишь горсточка, земля-то твоя отчая – голые скалы да камни!

– А что поделаешь, друг мой? Много ли, мало ли – мой народ; хороша ли, плоха ли – моя земля. Кого ты видел, чтобы менял своих родителей, если даже они и не очень хороши, на других?

Васо Илларионович обнял Исмаил за плечи и, словно успокаивая ребенка, с легким упреком в голосе сказал:

– Что ты за человек. Чуть что – сразу в серьезность ударяешься, начинаешь обижаться – я же просто так, в шутку сказал!

***

Теплой и доброй оказалась весна 1886 года для Большой Балкарии, словно сам Всевышний внял молитвам людей и сделал ее такой, какую они и просили. К концу марта распогодилось, и установились ясные солнечные дни, люди радовались, но одновременно были готовы и к тому, что, конечно, зима еще постарается разок-другой насолить, но, видно, весна одолела ее в первой же схватке – холода так и не вернулись, а тут и май подоспел. И стало ясно – зима в этом году уже не сможет совершить набег.

Что такое год среди сотен и тысяч лет – один только миг! И этот год,

видно, стал тем счастливым мигом для Большой Балкарии, когда сам Аллах пожелал ей оказать свое милосердие, оградив ущелье от всех бед и напастей, открыв туда дорогу лишь добру и благу. А то почему же в этом году и погода, и судьба были так милостивы к Большой Балкарии?

Одного только пороху сколько дало государство, не взяв ни копейки, а если б его пришлось покупать – ого, сколько денег потребовалось бы. А в марте, словно они с неба посыпались, людям раздали «гамаровские» деньги, благодаря которым многие семьи избавились от долгов, от тревог и забот в связи с неуплатой государственных налогов. И даже время яростной борьбы зимы и лета, когда зима, говоря: «Если б не солнце, что бьет мне прямо в лицо и слепит глаза, я бы показала этому лету – людей без скота его оставила бы!» – бросается в последнюю схватку, прошло совсем необычно: зима бежала без оглядки под теплыми лучами весеннего солнца и скрылась где-то далеко на севере, где и живут холода. Теперь она будет там отсиживаться, зализывая свои раны и набираясь сил, как раненая волчица, до самой поздней осени.

И вот пришел май – сын лета – веселый и красивый, молодой и трудолюбивый. Пританцовывая и напевая какую-то задорную песенку, он без особого труда всего за неделю навел во всем царстве шик и блеск: перво-наперво содрал и выбросил вон серые, изрытые клыками кабанов, вытоптаные копытами овец, а потому ставшие за зиму сплошным грязным тряпьем покрытия долин и косоголов, лесных полей и земель вокруг селений, и расстелил везде светло-изумрудный мягкий ковер, а потом взялся за горы – он обошел их все, одну за другой, сдувая с них накопившуюся пыль и усердно натирая их серебряные шлемы – и они засверкали-зазвенели, словно хрустальные; наконец, он взялся и за небо – мягкой фланелевой тряпочкой осторожно снял с чаши неба всю осевшую за зиму копоть и сажу от печных труб всех двадцати селений Большой Балкарии, потом мягким чистым полотенцем протер как следует небо с обеих сторон – и оно засветилось чистой бездонной голубизной, радуя глаз и сердце. И люди, увидев всю эту сказочную красоту, поняли: не-е-ет, что ни говори, а жизнь эта – все-таки хороша! Сколько б ни старались нелегкая судьба горца, наполненная вечными невзгодами и заботами, словно это ущелье камнями, да холодные ветры иссушить, словно вяленое мясо, его душу, отнять живость его ума, сковать его тело, но им это никак не удастся – балкарец, как только выпадает малейшая возможность, вновь выпрямляет спину, с удивлением и радостью, будто увидел впервые, смотрит на свои гордые красавицы-горы, на серебристый водопад, что украшает гору Кюннум-кая, как драгоценный нагрудник невесты, с удовольствием прислушается к героической мелодии Черека. И засуетится он, не зная, куда деть свои душевные щедроты – человечность и доброту, – которые в этом проклятом мире не особенно-то ценятся. И если в такое время выпадает денек, когда можно будет цеть и поплясать, пошутить и посмеяться – больше горцу ничего и не надо!

А этот день, 21-ый день мая, был именно таким днем не для одного горца, не для одного селения, а для всей Большой Балкарии. Изменив поговорку: «Когда хочешь, где хочешь, можешь быть, но во время бал-

дражюза¹ дома будь!» в «Когда хочешь, где хочешь, можешь быть, но во время курманлыка в селе будь!» – люди еще заранее тщательно готовились к торжеству. Многие даже с кошей постарались к этому дню прибыть домой. Пятеро-шестеро мастериц в каждом селе варят бузу. Теперь-то, конечно, уже не варят – еще вчера и позавчера они, процедив, сдали готовую бузу в бочках организаторам курманлыка – Ахмату из Мусуковых, Алию из Мисировых, сельским старостам. А суеящиеся сегодня спозаранок – это джигиты, ответственные за мясо, да женщины с девушками, которым надо испечь достаточное количество улкумов и хычинов. Видно, никогда в их жизни не будет более ответственного, важного дня – шутка ли, не ударить лицом в грязь, хорошо и сытно угостить всех собравшихся на курманлык, среди которых будут и почетные гости со всех ущелий Балкарии, да еще из Нальчика и Кабарды! Хотя и было сказано, что курманлык начнется где-то к полудню, но уже с утра Большая равнина на левом берегу реки Ишкарты стала заполняться народом. Никто без дела не стоит: кто стелет кийизы на лужайке в ряд; кто кладет на расстеленные кийизы подушечки в красных, желтых и оранжевых атласных наволочках, чтобы усадить старших и почетных гостей; кто раскатывает тесто и режет его на лоскутки; кто относит и сыпает эти лоскутки в кипящее масло в больших котлах; кто стоит возле этих котлов и проволочными шумовками на длинных ручках переворачивает краснобокие улкумы, а уже готовые вылавливает и бросает в огромные корзины, которые стоят тут же, рядом; и у джигитов дел хватает – они разделяют туши бычков и баранов, принесенных в жертву в честь окончания строительства дороги, моют их внутренности, готовят из них жалбауры, жерме и сохта, отбирают мясо на шашлыки и режут его на куски, а подростки и ребята помогают им, осмаливают головы и ноги животных, принесенных в жертву. Вновь прибывающим джигитам поручается развести костры под огромными котлами с мясом и довести его до готовности. А немного в стороне, то здесь, то там, группы девушек и джигитов уже начинали танцы...

А когда появились заночевавшие у Аланбиевых, у Карабиевых, у Мисировых, у Мусуковых, у Мамаевых и во многих других домах зажиточных людей почетные гости, а вместе с ними и почти все уважаемые люди Большой Балкарии, на месте торжеств народу уже было полным-полно. Казалось, и во всей Большой Балкарии не найти человека, который бы остался дома в это время – здесь были все: старики и дети, мужчины и женщины, и, конечно же, джигиты и девушки. Можно подумать, что здесь на отдых остановилась кочующая орда – у берега реки в больших котлах варилось мясо, повсюду бегали детишки, обжигаясь и улетаая горячие пышные улкумы, деловито сновали джигиты и девушки, занимаясь порученными им делами.

Эрбелиани, прибывший на его место Казаков, Исмаил из Аланбиевых и Крым из Карабиевых были в никогда еще не виданных в горах парадных военных формах, и народ, восхищаясь, глазел на них. В особенности удивляли людей серебристые шелковые плетеные веревочки, что

1 Балдражюз – период неустойчивой погоды во время ранней весны.

спускались с плеч к поясу у Казакова и Исмаила – никто не мог уразуметь, к чему бы они? Но, конечно же, в центре внимания всех был Эрбелиани. Еще бы – слышать-то слышали, что есть на свете люди, большие военные начальники, которых зовут генералами, но чтобы увидеть своими глазами, прямо перед собой, совершенно живого генерала – такая честь еще никому из этого ущелья не перепала, за исключением, быть может, нескольких джигитов, которые были на войне.

– Черт побери! Если уж быть князем, то вот таким и надо быть, а то ходит наш Крым тоже в князьях, а сам – чабан чабаном!

– Тейри, наш Исмаил тоже не хуже него, хотя и должность у него не такая большая. Алан, а для чего у них эти шелковые веревочки, интересно, на что они могут пригодиться?

– Да пусть сгорит дом у того, кто это знает!

– Что, теперь этот генерал пол-царем¹ стал?

– Держи рот пошире! Будет тебе пол-царя сюда приезжать.

– А что – у него живот, что ли, заболит от того, что он сюда придет.

Не знаю, но так говорят.

– Он стал начальником Терской области. Теперь под его рукой находимся мы, Кабарда, Дигория², Ингушетия и Чечня.

– Ничего, и это не маленькая должность.

– Пошел бы, если б предложили?

– Если бы пошел, думаешь, хуже них руководил бы, что ли?

– Ладно, скажи честно, что бы, к примеру, сделал ты?

– По крайней мере, дал бы Балкарии хоть клочок земли, где можно пасти скот.

– Ой ли! Боюсь, что кроме взяток ты бы ни о чем не заботился.

– Не бойся – уж от тебя-то ничего бы я не взял.

– А что ты у меня возьмешь, если ничего у меня и нет. А вот я начал бы с того, что прогнал бы Крыма с должности.

– А что он тебе такого сделал?

– Не мне одному, а всем нам он ничего хорошего не сделал. Не слышал разве, что раздал своим родственникам и друзьям в собственность общественные земли – и Желтую равнину, и окрестности Барсучьей скалы, и Ынцытты, а сам отхватил земли у Верхних озер.

– Что ты говоришь?

– То и говорю. Не знаешь разве, что богатые дома, навроде Мусуковых, Залимхановых, Мамаевых, Сабыровых, захватывают и присваивают себе во многих местах общественные земли. И все это не без ведома Крыма, конечно же, и не без пользы для него. А вот от всего этого избылиа, что мы видим сегодня, ты думаешь, он не урвал, что ли, свой куш?

– Да оставь ты! Зачем уж сегодня-то, в такой радостный день, портить себе настроение пустой болтовней? Давай лучше есть и пить, петь и танцевать – стоит ли в такой красивый день в навозе копаться?

– И то правда! Черт с ними – что мы можем поделаться? Жизнь, данная бедняку, так же бессмысленна, как и коровьему помету у дороги – яркое

1 Пол-царя – так балкарцы называли наместника царя на Кавказе.

2 Дигория – этим словом в балкарском языке обозначается не только сама Дигория, но и вся Осетия.

солнце. Давай хотя бы здесь, в этот радостный день, не будем говорить о таких вещах, не будем расстраиваться. Пройдем немного вперед – отсюда и слов-то не расслышать. Смотри, кажется, генерал и Науруз-бий о чем-то заспорили!..

А генерал с Науруз-бием действительно спорили о том, кому открывать торжества. Науруз-бий считал правильным, если это сделает генерал, начальник области, уважаемый всем обществом человек, а генерал протестовал, говорил, что такая честь должна быть предоставлена только одному из уважаемых жителей самого Балкарского общества. К тому же Эрбелиани, как-никак, тоже был горцем, а потому, в конце концов, сумел привести, хотя и в шутливой форме, но вполне убедительный довод:

– Ты оставь эти свои попытки – вынудив меня сказать слово раньше старших, унижить мое достоинство. Лучше, как старший, возьми дело в руки и исполняй свои обязанности. Начальствовать я буду там, куда и направлен, а здесь я – гость!

После этого Науруз-бию ничего не оставалось делать, как сказать:

– Хорошо, да сделает Аллах так, чтобы уронить твое достоинство кроме меня никто и не пытался! – и взял бразды правления торжествами в свои руки. Он занял место таматы в середине почетных гостей и оказался между генералом и полковником. Стоявшие поблизости балкарцы поняли, что Науруз-бий собирается открывать торжества, и передали, чтобы прекратился шум и гам. И тотчас же над толпой полетели слова: «Прекратить шум! Науруз-бий будет говорить!». Одна минута – и тут же установилась тишина. Только еле слышатся голоса детей, играющих вдалеке, у берега Черек-реки. Даже и шапа, которым никакие законы не писаны, кроме их собственных, и то перестали греметь чашками да подносами, громко давать поручения своим подручным – они на время оставили свои дела и тоже приготовились слушать.

– Жамауат! В прошлом году, начиная строительство дороги, мы сделали курманлык, просили Аллаха, чтобы день, когда мы начали дело, был добрым и чтобы мы с такой радостью его завершили. И вот собрались здесь, чтобы порадоваться вместе тому, что дорога наша построена, построена без человеческих жертв, без беды и боли. Внял, вероятно, нашим молитвам, великий Аллах – слава Аллаху!

Более тысячи человек в один голос произнесли:

– Шукур Аллаха – слава Аллаху!

Науруз-бий продолжил:

– Аллах сказал так: «Постарайся – помогу!» Тысячекратное спасибо нашим парням-джигитам, что очень постарались и сумели в такой короткий срок выполнить такую большую, такую сложную работу. О великий Аллах! Да пусть их жизнь будет длинной-длинной, радостной-радостной, а проказница смерть пусть заблудится в горах и не найдет к ним дорогу, пока они сами не устанут жить-поживать на этом свете! Слава нашим джигитам!

– Слава джигитам!

– Организовать и осилить такое большое дело нашему народу было

нелегко. Да не пошлет Аллах на него большего испытания, большего труда, пусть сделает его жизнь в дальнейшем изобильной, спокойной и мирной! Слава нашему народу!

– Слава народу!

– Извините меня, жамауат, что я долго говорю, но я хочу представить вам наших почетных, уважаемых гостей. Да не лишит великий Аллах их своей милости и самыми трудными днями в их жизни пусть будут дни, подобные сегодняшнему дню, когда они переносят тяготы пути, следуя на курманлыки, на свадьбы, на другие торжества! И там где живут, и там где работают, пусть их авторитет будет высоким, как небо, и дай Аллах им крепкого здоровья.

– Добро пожаловать!

– Аминь Аллах! Пусть будут уважаемы и Аллахом, и людьми!

– Разрешите теперь представить вам каждого из них.

– Просим, просим!

– Наш самый почетный гость, человек, который многим помог нам в строительстве дороги, один из сыновей братского грузинского народа, князь Васо Эрбелиани, генерал, начальник Терской области!

– Дай бог ему здоровья! Спасибо ему. Добро пожаловать! – слышались возгласы.

– Прибывший на должность начальника нашего Нальчикского округа полковник Николай Казаков!

Собравшиеся и его приветствовали возгласами и аплодисментами.

– Во главе группы гостей из Большой Кабарды приехал князь Бийберт Кажоков!

Многие удивились, что знаменитый на всю округу кабардинский князь оказался не такого уж богатырского сложения и вида, но приветствовали его также радушно и горячо.

– А прибывших наших братьев из Хулама, Чегема и Баксана Аскербия и Эдильбия из Шахболатовых, Барасбия из Сүйюнчиевых, Исмаила и Хамзата из Батырбиевых, вы и сами, конечно, знаете. Мы и им от души говорим: «Добро пожаловать!». Дай Аллах, чтобы и мы ездили к ним только по радостным случаям!

– Аминь Аллах!

– Добро пожаловать!

– Пусть будут живы и здоровы везде, куда бы ни поехали!

И в этот момент джигиты-шапа, начиная с гостей и старших, стали разносить бузу в деревянных чашах.

– Теперь, позвольте мне сказать два-три слова о нашем курманлыке и на этом завершить – не стану вас долго мучить, да и гости, наверное, устали. Да благословит Аллах наш курманлык!

– Аминь Аллах!

– Да пусть после сегодняшнего дня жизнь нашего жамауата будет радостной и счастливой, чтобы нам пришлось почаще собираться на курманлыки да на свадьбы!

– Аминь Аллах!

– Впереди времени много – будем петь и смеяться, танцевать и шу-

тить, а сейчас, сказав: «Бисмилляхи!» – давайте начнем наши торжества, попробуем – получилась ли буза у наших мастериц, вкусны ли хычины, да что приготовили джигиты-шапа! – и с этим тамата отпил из большой чаши несколько глотков бузы и передал ее, главную чашу торжеств, Хаждаюту из Карабиевых. И каждый из старейшин сочтет за честь отпить бузу из этой почетной чаши...

– А теперь, аланы, спасибо за долготерпение – расслаживайтесь и угощайтесь! – сказал тамата, и люди, сколько могли уместиться, сели на кийизы, разложенные в несколько длинных рядов. Вскоре джигиты-шапа на чистом льняном полотне, расстеленном посередине кийизов на всю длину ряда и служившем скатертью, стали раскладывать подносы с хычинами и улкумами, с мясом и свежим сыром, небольшие чашечки с тузлуком. А перед почетными гостями и старшими появились подносы и с деликатесами – с сохта, с жерме, с жалбаурами и шашлыками.

Когда люди немного перекусили, Науруз-бий предоставил слово генералу Эрбелиани.

Васо Илларионович встал, взял в руку, как и положено, чашу с бузой. Конечно же, встали и все, оказывая ему честь.

– Многоуважаемые господа! – сказал он. – Сегодня мы собрались здесь, в Балкарии, на торжества в связи с окончанием строительства колесной дороги в долину. Это была грандиозная работа, это был, несомненно, подвиг, который совершили вы. Итак, вы проложили дорогу, разрывая горы, через которые и птицам-то нелегко перелететь. Но дорога эта – не просто дорога, а дорога в новую жизнь. Теперь балкарцы по этой дороге будут ездить не только за зерном, керосином и мануфактурой, но – я в этом глубоко убежден – и за знаниями. А вместе со знаниями в вашу жизнь придет свет, придет радость. Эта дорога вас, до сих пор отгороженных от всех в своем ущелье, приведет в большой и прекрасный мир, где живут многие народы – в мир нашей Отчизны, в мир России. Теперь не двое-трое одиночек, а много ваших джигитов и девушек смогут получать знания в Петербурге, в Москве, в Казани, в Харькове, в Ростове и в других городах России.

Чтобы порадоваться вместе с вами, сюда приехали и русские, и кабардинцы. У вас нет плохих соседей-народов, хотя плохие люди могут и быть. Я считаю так – и балкарцы, и кабардинцы, и русские должны из своей среды убрать плохих людей и жить в мире и дружбе. А эту чашу я поднимаю в честь подвига балкарского народа!

Когда Исмаил из Аланбиевых закончил переводить слова Эрбелиани, все бурно зааплодировали, поднялся одобрительный шум.

И все пили бузу стоя, как и генерал, сели лишь тогда, когда он сел. Науруз-бий дал некоторое время, чтобы люди смогли перекусить, перекинуться друг с другом несколькими фразами и следующим предоставил слово полковнику Казакову. Тот тоже встал, взял в руки чашу с бузой.

– Во-первых, я поздравляю ваше общество с окончанием строительства дороги! – сказал он. – Во-вторых, хочу сказать, что и я верю, что в ваши темные и дикие села, как сказал его превосходительство го-

сподин Эрбелиани, теперь придут и знания, и культура. А раз так, то я верю, вы станете достойными слугами царя и Отечества. Пусть эта дорога приведет вас к порядку и миру!

Когда Исмаил перевел сказанное Казаковым, люди из уважения к его сану почетного гостя немного поаплодировали, но, судя по ропоту и отдельным, ясно слышным репликам, были недовольны.

– Какую культуру он хочет сюда притащить?

– Да – слишком уж много времени прошло с тех пор, как мы перестали быть слугами! Спешим и падаем, чтоб опять ими стать – держи рот пошире!

– Ишь ты, шустрый какой – всех нас решил в кулов превратить!

– Да пусть собака помочится на твои порядки и на тебя самого – раз у тебя не хватает ума что-то другое сказать!

– Да разве у того, у кого и вида нет, ум бывает? Вы посмотрите на его нос – это же мороженая картошка! И он еще хочет нас учить уму-разуму, приучать нас к каким-то порядкам!

– Они о чем-то желают спросить? – обратился Казаков к Исмаилу.

– Нет – они просто обмениваются одобрительными словами по поводу вашего выступления, – ответил Исмаил.

Когда Науруз-бий дал слово князю из Большой Кабарды Бийберту Кажокову, тот сделали знак сопровождавшим его джигитам и те тотчас же вывели на полянку красавца-жеребца золотистой масти под седлом и двухгодовалого черного бычка.

– Вы сами прекрасно знаете наш общий обычай – мы не можем приходить на курманлык, на той к своим родственникам и соседям с пустыми руками, – сказал Бийберт-бий. – Не пришли мы с пустыми руками и на это радостное событие в жизни наших братьев-балкарцев. Этот жеребец – подарок почетному тамате вашего жамауата – Науруз-бию! А этот бычок – к вашему курманлыку от нас! – тут он вновь подал знак и джигиты подвели коня поближе. Бийберт-бий взял жеребца за уздцы и передал его Науруз-бию.

Джигиты Бийберт-бия передали, как и положено, джигитам-шапа бычка, им же доверил своего жеребца и Науруз-бий. После этого Науруз и Бийберт вернулись на свои места.

– Дорогие братья-балкарцы! – продолжил слово Бийберт-бий и вновь все стали внимательно слушать. – Мы с вами издавна живем по соседству. Как вы сами говорите, в одном животе кишки и то, бывает, урчат друг на друга. Так и между нами, чего скрывать, бывают иногда и какие-то недоразумения и мелкие стычки. Но давайте сегодня не будем вспоминать об этих мелочах. А добрым словом отметим то, что у нас есть общего и хорошего. Вы когда-нибудь слышали о том, что в каком-то кабардинском селе не оказали подобающие почести балкарцу, пришедшему туда в гости? Нет, не слышали, потому что такого не было и не будет! Да что там говорить о гостеприимстве, когда мы уже давно и кровно породнились! А раз так – пусть исчезнут, уйдут навсегда мелкие дразги и распри меж нами, а обретут силу и мощь обычая все хорошее, что есть между нашими народами – это и добрососедство, и честная ку-

пля-продажа, и кровное родство между нашими родами, намыс и хурмет по отношению друг к другу!

Теперь слово о сегодняшнем курманлыке. Дай Аллах, чтобы тяготы строительства этой дороги были бы самыми тяжелыми и последними трудностями в жизни вашего ущелья! Пусть отныне у вас будет всегда благоденствие, изобилие и мирная, спокойная жизнь! Да благословит Аллах ваш курманлык, да ниспошлет всем вам крепкого здоровья!

Народ долго и горячо аплодировал искренним и правильным словом Бийберт-бия.

– Тейри, черкес тоже знает, что такое адет-намыс!

– Не скажешь, что говорить не умеет!

– Языком ворочает ум. Говорить умеет – значит умен!

– И Науруз-бий неожиданно стал обладателем кабардинского скакуна!

– Дождь – и то над озером!

– Не такое уж оно и озеро!

– По крайней мере, он, наверное, побогаче, чем ты!

– Еще бы!..

После выступали гости из Баксана, Чегема, Хулама, Крым и Добровольский. И они от души поздравили жамауат Большой Балкарии в связи с окончанием строительства дороги, высказали много добрых пожеланий. Когда уже все поели и попили настолько, что, как говорится, «ветер теперь не унесет», начался той. Он длился до вечера и весь следующий день.

Лишь на третий день к полудню жамауат Большой Балкарии провожал своих почетных гостей.

– Счастливо оставаться! Дай бог всем вам в дальнейшем спокойной, мирной жизни. Пусть всегда осуществляются ваши планы и мечты! – сказал на прощание генерал Эрбелиани.

– И вам всего хорошего! В добрый путь! – напутствовал уезжающих Науруз-бий.

В переднем фэзтоне ехали Васо Илларионович с Исмаилом. Рядом скакал Алим. Исмаил, заметив некоторую грусть в глазах сына, подозвал его поближе.

– Сын мой, почему-то мне показалось, что ты малость взгрустнул, – сказал он.

– Тебе показалось, отец. Мне совсем не грустно! – ответил Алим, улыбувшись.

– Не поддавайся грусти! Ты еще молод – смотри вперед веселее!

– Не волнуйся, отец! – крикнул Алим и, тронув коня, ускакал вперед.

А Исмаил, прекрасно зная, что жизнь, как и эта дорога, трудна и опасна, с тревогой смотрел вслед сыну. Какова же будет она, дорога жизни, и для его сына, и для нелегкой судьбы народа?

1980-1985 гг.
г. Нальчик.

Нурия БЕЛОМОИНА

Нурия Беломоина умеет рассказывать волнующие истории. Ощущение чарующей легкости не перечеркивает несомненной основательности невозможной глубины. Легкое дыхание, непринужденность свободы, упрек вздоха, пунктир нежности. Удивительное свойство: из как бы незначущих подробностей создать образ вечности. Легкий испуг человеческой непроходимости доказывает: каждый из нас – отпечаток вечности, у женского импрессионизма её прозы – онтологическая глубина.

*Анатолий Омельчук,
литературный критик,
заслуженный работник культуры РФ*

ДЕНЬ-КОЛЬЦО

(отрывок из повести)

Я в марте всегда грущу. В марте ушел папа...

Десять последних дней мы провели вместе. Этот срок назвал он:
– Приезжай, мне оставаться после 19-го – ни-ни...

Мама потом заметила:

– Как будто у него был билет на поезд на это время!

***

Сколько себя знаю, папа всегда был рядом. Кроме последних двадцати лет, когда сбежала из-под его опеки – хотелось пожить собственным умом. Иначе он подстилал «соломку» везде, где я могла упасть. Дочь, урожденная им в 44 года, неизменно казалась маленькой...

Помню себя совсем крохой – может быть, года полтора, – папа надевал на меня носочки в сиреневую полоску, платье с переливающимся узором и хлопал в ладоши: пляши! Ты голубка теперь... А я верю и рада стараться!

Он носил меня то на плечах, то на голове. Или ляжет на спину, ноги согнет в коленях, посадит меня на носочки, и подбрасывает, и подбрасывает. Я хохочу! А уж на руках подбрасывал – до самого потолка!

Спала я тоже с папой – до пяти лет. Укладывая, мои руки возьмет в свои, ножки сожмет между колен, чтобы не шевелилась, и начнет рассказывать. День – сказку, день – историю.

В детском сознании все переплелось: пушкинский петушок, предсказатель будущего, возвышался, конечно же, над древней Казанью. Будущее хану предвещала и дочь-умница Сююм-бикэ. Ее образ, в свою очередь, сливался с Прекрасным Иосифом из Библии, любимым сыном Иакова. Это он разгадал злему фараону сны...

И все персонажи отцовских рассказов – это была я... ведь папа часто повторял: «Будь умницей, если хочешь, чтобы я тебя любил».

Ум был лучшим достоинством в глазах отца. И потому он хотел дать мне имя той самой казанской княжны. Моих сверстниц звали новомодно Эльмирами, Регинами, Альбинами... А у меня традиционное имя с фарси – Нурия. Обижалась на маму: за что я-то страдаю?!

– А если бы Сююм-бикэ? – возражала мама. – Или Нури-Эсма? Это я еще как-то отстояла первое имя бабушки, иначе отца было не переубедить...

Бабушку-тезку я не застала – она умерла за три года до моего рождения. О ней рассказывает мама – со смешанным удивлением, восхищением и непониманием. Как-то она застала свекровь, семидесятилетнюю старуху, – так мама полагала в свои двадцать лет – танцующей перед зеркалом!

А поводом было новое платье. И духи! – папа часто дарил ей подарки, торопился воздать сыновний долг. Когда деда сослали в Туркестан, детей хотели забрать для коммунистического перевоспитания. Старшие – тетя, дядя и папа – разбежались по разным городам, лишь бы не в приют, а бабушку с двумя малютками выселили из дома. До возвращения папы на родину – через четверть века! – она так и скиталась по чужим углам.

Несколько рассказов отца о том времени прочно врезались в мою детскую память. Сразу после побега он торговал питьевой водой на железнодорожной станции в Бугульме. Бежал осенью, без вещей, да и то, что было на нем, со временем обменял на еду. Когда подморозило, босоногого мальчика в одной рубахе колотило не на шутку.

Одна сердобольная русская женщина, наблюдая страдания двенадцатилетнего сироты, предложила стать ее сыном. Детей у нее не было, а, видимо, хотелось.

– Я кричал: нельзя! Мне нельзя! – рассказывал папа. – Был соблазн обрести дом, но воспитание не позволяло. «Ты же кяфер, это грех!» – отвечал я ей, а сам просто ревел...

Женщина, вероятно, привязалась к нему сердцем – из дома принесла сапоги, теплую одежду, еду. Тем и спасла отцу жизнь.

В детстве очень хотелось поделиться всем, что у меня есть, с этим мальчиком. Трудно было отождествлять его с папой, но он был близкий и родной...

А еще хотелось сказать «спасибо» той доброй женщине...

***

Мое же детство было вполне благополучным. Мы жили в просторном доме с большим яблоневым садом. У папы была машина

«Победа» и мотоцикл «Урал». Дома из мебели стояли дубовые шкаф и стол, кожаный диван, венские стулья, на окнах висели бархатные портьеры – всё основательно. В чулане не переводились туши мяса, мешки с рисом, мукой. И непременно бочки с квашеной капустой, солеными огурцами, медом. Папа даже хлеба покупал по пять булок за раз, чтобы всего было вдоволь!

По специальности папа был военным летчиком. Учился в Уссурийске по поддельному паспорту. Как и его брат – в Казанском финансово-экономическом институте. До начала финской войны они скитались по всему Советскому Союзу – от пожара до пожара, – получая, как погорельцы, новые документы. Но вскоре обнаруживались настоящие жильцы, и приходилось скрываться дальше.

Тетя вышла замуж, сменила фамилию, тем самым избежала участи братьев. Ее брак вряд ли был по любви...

Эта самая тетя хотела, чтобы я пошла в музыкальную школу – слух есть, и голос тоже... вдруг сценическое будущее?

А папа возмутился: «Мой ребенок?! Развлекать публику?! Никог-да!»

Хотя домашние концерты, когда я выступала на стуле, слушал с удовольствием. Он и сам играл на баяне, и пел замечательным баритоном. В основном, грустные татарские песни. И если только выпьет, запевал «Калинку» или «По диким степям Забайкалья».

Со временем папа отказался от курения и спиртного, стал вести праведный образ жизни. Молился пять раз в день, постился. Редко-редко, и то укрывшись одеялом, – чтобы Бог не видел? – сбивался на русские частушки или какую-нибудь веселую моряцкую песню. Мама в такие минуты озадаченно округляла глаза и тихо вопрошала: «Еще чего?» А папа прервется тут же и говорит:

– Душа тоскует... понимаешь? Душа...

О том, кем мне быть, родственники спорили часто. Сама, конечно же, мечтала стать артисткой – как и многие девочки моего детства. Или певицей. Или и то, и другое вместе. Моей главной фантазией было прямо в кинозале подняться с места, побежать по спинкам сидений и с ходу влететь в кадр! И повернуть сюжет в нужное русло! Зрителей потрясти своими талантами так, чтобы говорили: надо же, ведь она только что сидела здесь! А мы и не догадывались...

***

Однако папа был против каких бы то ни было иллюзий относительно будущего.

– Ты пойми, – говорил он доверительным полупшепотом, – нам не дадут! Не позволят! Это не наше время и не наша страна... Правительствo – сволочь! Грабит собственный народ...

Но я же хочу стать артисткой-певицей-ученым-писательницей-журналистом!

– И я хотел, – продолжал папа. – На небо спокойно смотреть не мог – так хотелось летать... Не дали же! Фашисты... Выбери что-

нибудь для жизни. Женщине хорошо быть бухгалтером, например.

Бухгалтером! Скажет тоже... Это как у него в конторе тетки, что ли? Толстые, с накрашенными губами и в синих нарукавниках. Кудрявые все, как близнецы... Не-е-ет, я такой не буду!

Если для жизни, то... тогда уж геологом. Или... архитектором. Ну, на крайний случай учительницей литературы!

***

На вопрос о будущей профессии маминым подружкам отвечала совершенно иначе.

– Я буду работать на кондитерской фабрике. И есть все время шоколад! – выдавала бойко. И, самое главное, искренне.

– Тебя что же, любимый папочка не кормит шоколадом? – тетки явно дразнили.

После некоторого замешательства – ведь кормит же – добавляла:

– А я хочу коробку шоколада! Чтобы он не кончался.

– О-о-о, столько на работе есть нельзя, – подзадоривали меня дальше, – уволят!

– Тогда... куплю коробку с первой же зарплаты, – не терялась я.

Много лет подряд – и когда училась в институте, и когда уже работала, – встречая меня, мамины подруги регулярно спрашивали: купила я все-таки свою коробку шоколада или нет?

Я – не купила. Купил папа. Когда сдала первую сессию и приехала на каникулы. Коробка оказалась гораздо более скромных размеров, чем я представляла. В ней было плиток двадцать или тридцать, уже не помню. Он преподнес ее скромно, не подчеркивая, что осуществляет мою подзабытую детскую мечту: «Кушай после обеда, полезно для мозговой деятельности».

Я послушно отламывала понемногу, заучивая интегралы и дифференциалы. Последние плитки даже подернулись серым налетом несвежести – так надолго хватило этого шоколада...

***

Телевизор купили тоже в марте. Год какой был, не помню, кажется, я уже училась в школе.

Спорная была покупка: папа сопротивлялся. Он утверждал, что это дополнительный источник скверны. А мама переживала: дети растут обделенные... Говорят, хорошие фильмы показывают.

Споры я слышала, но понять, о чем речь, не могла: телевизора еще не видела! В кино, конечно, мы ходили часто. Но тогда трудно было представить, что это чудо может быть домашним. И рукотворным! – Нажал кнопку и вот оно!

Мама, видимо, не очень верила, что уговорит отца. Потому никоим образом не дала нам, детям, понять о важной покупке – мало ли... сорвется.

И вот плетусь я с улицы – очень хорошо помню свое настроение в тот день, – надоел посеревший снег, колючий ветер. Мне еще при-

шлось обходить жутко большого быка – на нашей улице не редкость, – набрала в валенки снега. Вдобавок зудились ладони – весенний авитаминоз, сколько ни ешь моркови...

Дома родители копошились вокруг большого серого ящика с надписью «Рекорд». На все вопросы в один голос отвечали: «Сабр!» (Терпение).

Легко сказать... тем более, я смутно стала догадываться, что... из него, может быть, птичка вылетит!

***

Нет, не птичка. В одну секунду в наш дом ворвалась другая жизнь! На экране девушки с розами на лбу собирали яблоки! И пели удивительными (как сейчас понимаю, оперными) голосами!

– Это кто?! Это где?! – закричала я от неожиданности.

– Украинки... Украина, – ответил папа сдержанно. Было очевидно, что в споре с мамой он проиграл.

Боже мой... живут же люди! У нас зима, у них – лето! Яблоки, конечно, и у нас растут, но мы же не собираем их в красивых платьях! Зацепишься за сучок, порвешь...

А у этих красавиц такой заботы, похоже, нет... И розы... Зачем им на лбу розы?! Чем непонятнее, тем больше хочется! Ленты по бокам тоже пусть будут!

Невыносимо было смотреть на чужое лето на исходе надоевшей зимы. Телевизор я поняла как окошко, которое открывается каким-то волшебным образом, и показывает жизнь других. Сию минуту.

Это тогда у меня возникла мысль: раз на свете есть Украина, где круглый год райская жизнь, ее надо найти!

С того дня и до конца детства на вопрос «кем хочу стать», я отвечала: «Украинкой!»

А потом лишь стеснялась этого, но в душе продолжала хотеть...

***

Не скажу, что испытывала неудобства от того, что татарка. Папа постарался в пользу культуры и истории – с национальным достоинством все было в порядке.

Да я и сама была круглой отличницей. Еще бы, мне школа дорого досталась! Для зачисления в первый класс двух месяцев не хватило – я же родилась в ноябре. Так верила, что примут! Ведь читать и писать умела, и была акселератка, как тогда начали говорить о долговязых детях. Увы...

Это был тяжелый год. Дома оставаться одна боялась, в детский сад уже не брали. До обеда, пока брат с сестрой в школе, мама просила присмотреть за мной соседку. Иногда отвозила к своему брату в деревню. Жизнь у дяди – отдельная история. Хоть и обходились там со мной как с хрустальной вазой, я очень скучала по дому. Но время пребывания в деревне зависело не от моих капризов, а от того, на

сколько хватит отца – жить без меня...

И когда, наконец, пошла в школу, была готова принять все ее условия. Учеба давалась легко, сложнее было подчиниться дисциплине вольный образ жизни. Но я очень старалась жить правильно. По двадцать минут жевала утренний бутерброд, потому что столько длился завтрак маленького Володи Ульянова. Хлеб уже совсем размякнет во рту, а я смотрю на часы, прежде чем проглотить – надо растянуть время.

Помню, как после очередного чтения о жизни Ульяновых я «отделилась» от семьи. В тот раз учительница процитировала, что «... Володя ел из отдельной чашки», что «...у него была отдельная посуда».

Дома достала из посудного шкафа тарелку, чашку, ложку и водрузила эту композицию на самую верхнюю полку в гостиной, где раньше стоял портрет бабушки – не перепутали бы! Родители долго не могли убедить меня «вернуться». Потом папу осенило, что книга эта была написана после революции для просвещения неотесанных мужиков! Которые ели из общего котла.

– Эх, засоряют ангелу мозги, – вздыхал он.

В восемь вечера, как правило, папа громко читал житие святых. Не знаю, как старшие брат и сестра, а я слушала библейские истории как сказки. Ничего общего с нашей жизнью в них не было, а до прозрения мне было далеко. В моем восприятии история пророков легко уживалась с увлекательными историями пиратов или даже с любовными историями. Если таковая попадала в руки.

В дедушкиной мечети – уже без минарета – располагалась теперь библиотека. Там работала приятная на вид женщина, но суровая по нраву. Я прибегу с прочитанной книгой – скорее дайте новую! – она не верит: что-то быстро читаю. Заставляла пересказывать содержание... Лишь после этого подбирала мне очередную книгу и просила не спешить.

Жажду впечатлений трудно было утолить: успевала прочитывать книги и брата, и сестры. Как же иначе – где-то большая жизнь, Украина (!), а я буду в час по чайной ложке к ней подбираться?!

***

Но... все прогрессивное было связано с телевидением. В девять вечера смотрели программу «Время». Папа громко объявлял момент тишины. Сам почему-то садился подальше от телевизора. Если кто помнит времена Брежнева, в начале всегда – сводки с полей, заводов, буровых скважин. Цифры-цифры... Мы, дети, лишь пережидаем – потом будет художественный фильм! А папа сильно волновался...

Сначала смотрел и качал головой, потом начинал вздыхать. На пятой минуте перечисления успехов не выдерживал: «Нет правды на свете! – То встанет, то сядет и, обращаясь к маме, говорит: – Ложь! Ну ведь ложь все это! Неужели никто не видит?! – Заберется ногами на стул, сядет на спинку и уже оттуда вскидывает руки. – Совести у

них нет! Фашисты... Все! – кричал в конце, – выключайте телевизор! Всем спать! Такое телевидение вас только развращает!»

Мы, без сил против воли отца, ложились в постель – с фонариком – и читали под одеялом ...

***

Одно время я увлеклась Максимом Горьким. Не потому, что нравился или посоветовал кто-то, нет... На хорошие книги в библиотеке была очередь. Пока ждешь, надо было что-то читать.

А еще Горький был без ударений. В татарской школе вся литература испещрена ударениями. Без них трудно правильно произносить. Папа же говорил: учи русский так, чтобы знать лучше самих русских! Тогда у тебя будет шанс показать и ум, и другие способности.

Вот я и читала Горького. Вслух. Когда дома одна. Смотришь в книгу, и аж земля уходит из-под ног – ориентиров-то нет! Но я была решительна, как будто наверняка знала, что произносить надо так, а не иначе... Пока читала, видимо, не только язык выучила – успела заразиться революционными идеями. Папа откровенно горевал: что из меня будет? Дома – одна мораль, в школе – другая...

Вот с таким бардаком в голове я вступила в свою юность...

***

С этих самых юных двенадцати лет, как потом я узнала, началось мое диалектическое «отрицание отрицания».

Папа, как пережиток капитализма (привет Горькому!), на продажу выращивал зеленый лук. На православную Пасху, а потом и на майские праздники, он пользовался огромным спросом. Базар в Бугульме заваливали зеленым луком, и он весь распродавался! На пирожки.

Весна в Поволжье капризная, чтобы лук вырос к Пасхе, надо поколдовать над ним. Это было по отцовской части, а мы включались на последнем этапе предпродажной подготовки.

Папа подкапывал лук, отряхивал корни от земли и в больших тазах подтаскивал его в баню. А мы – мама, сестра и я (брат обычно прогуливал это мероприятие), – убирали пожелтевшие перышки, подрезали корни. И непременно в прохладном помещении, чтобы не завял, и осторожно, чтобы не полопались нежные перья. И так, пучок за пучком, килограммов двести за раз! Тяжелый труд...

Но игра свеч стоила. За удачный базарный день можно было заработать сто рублей! Среднемесячный заработок по тем временам. Отец обещал нам всем по желанной покупке и слово свое держал.

Но мы все равно неохотно поддерживали его рыночные затеи. А их было достаточно. После лука начинались ранние огурцы. Потом морковь. К осени другая забота – куда деть яблоки. А весной – картошку...

Сельский образ жизни нам не очень нравился. Тем более что у нас была квартира в центре Альметьевска! Папа там ночевал лишь

один день, прежде чем решить, где жить:

– Чтобы я согласился на общежитие! – он так называл многоквартирные дома. – Один сосед орет пьяные песни, другой храпит! Нет уж. Я – в своем доме! На своей земле! И добровольно ее не покину!

Так мы остались жить в деревне. Десять километров, которые отделяли от заветного города, так и не были преодолены нашей семьей – квартиру сдали государству...

***

Но посещение самого рынка – это было интересно. Хотя брал нас папа неохотно. Во-первых, нужно было вставать в четыре утра. Пока нас поднимут, пока погрузка – уже полпятаго. Надо было торопиться, чтобы занять хорошее место...

Папа мог в одну минуту передумать ехать на ближайший рынок в Альметьевске и отправиться за пятьдесят километров в Бугульму – «Бугульма наша!». Он ее всегда предпочитал, несмотря на отдаленность – наши корни оттуда. И к началу базарного дня в шесть утра успевал доехать и разложить товар на витрине.

Рядов лука, помню, бывало видимо-невидимо. Покупатели ходили от продавца к продавцу, пробовали перышки, качали головой, рассуждали. Папа не ждал, когда к нему подойдут, а зазывал по всем канонам рынка:

– Подходи народ, свой огород, половина сахар, половина мед!

Я в такие минуты пряталась под стойкой – стыдно. Ну какой мед в луке? Вранье же... И что мы за барыги такие?!

Улыбку на лицах покупателей папа все же вызывал. Его хороший русский тоже играл немаловажную роль.

Уж не знаю, отчего зависит удача, но на базаре она сразу дает о себе знать. С легкой руки первых покупателей распродался или пропадал наш труд. При любом исходе часам к восьми папа давал денег и отпускал гулять – купить воды, булочек, ирисок.

Мой первый самостоятельный поход по базару закончился в цветочном ряду. Продавали удивительной красоты тюльпаны! С ними нельзя было расстаться... Я ничего лучше после украинских яблок еще не видела... Забыв про жажду и несостоявшийся завтрак, скупил у бабушек все, на что хватило денег. И вернулась к папе с видом, как будто жар-птицу поймала. Его лицо сначала вытянулось от неожиданности, а потом он изрек огорченно:

– Эй, балакай¹, как ты будешь жить в этом мире? Сначала – хлеб, потом – музыка...

***

На самом деле, красоты в моем детстве хватало.

Взять хотя бы восход солнца в холмах. Это незабываемое впечатление, когда день уже наступил, а солнце все еще интригует...

1 Балакай – деточка (татарск.).

Только в первую секунду появления из-за вершины можно увидеть его огромный оранжевый диск. Потом оно становится огненным шаром с трудно различимыми границами.

Вечером так же внезапно садится за холмами, и наступает бархатная темнота. Когда луна кажется больше и звезды ярче...

И этот бенефис солнца я наблюдала в окно каждый день.

Из дома выйду на крылечко – рядом моя собственная клумба. Папа отвел мне землю – метр на полтора – для экспериментов. Одноклассница Дания (с ударением на последний слог) поделилась семенами цветов – родственники прислали из Ташкента. Я не очень верила, что из них что-то вырастет. Но семена проклюнулись, быстро пошли в рост, и даже вытянулись до метра. И дружно зацвели! Это оказались шафраны и циньи, как потом я узнала. А тогда были просто разноцветным чудом, к рождению которого я была причастна.

Отец возле них останавливался надолго и перебирал свои четки:

– Хвала Аллаху... из одной и той же земли из крошечных семян рождаются такие несхожие растения... такой невиданной красоты...

Дальше на пятнадцать соток начинались папины эксперименты: яблони, скрещенные с грушей, сливы, привитые к вишням...

Сад родился благодаря или наперекор обстоятельствам. Родители работали в городе, на нефтяных предприятиях, жили в пригородной деревне. Раз они имели неплохой заработок, землей пользоваться для пропитания не имели права! Так, во всяком случае, решил сельсовет.

Ну и отрезали нас от земли! Неважно, что ей никто другой не мог пользоваться – участок-то на нашей территории! – главное, чтобы мы пользу не извлекали. И так живем как буржуи... недобитые.

Под пользой подразумевалась, вероятно, картошка. Второй хлеб страны. И когда папа засадил участок фруктовыми деревьями, власти ничего против не имели – баловство.

Апорт, полосатый анис, башкирский красавец, антоновка... И еще много других забытых названий... Они звучат как язык детства. Яблони – на удачу, яблони именные – каких только у нас не было...

Ранетка цвела первой розоватым цветом. Еще без листьев, покрывалась роем пчел и гудела, как живая. Папа подводил меня, трусиху, к ней и стоял рядом как гарант. А сам, к моему ужасу, подсаживал пчел на руки и ноги. Так он лечил непроходимость сосудов, заработанную в лагерях. Положительный эффект, очевидно, был – со временем врачи сняли страшный диагноз.

Плоды сначала краснели – кислые еще! Потом начинали сизеть... И лишь когда станут цвета фуксии, они наливались медовой сладостью. Уже глубокой осенью такая благодать все еще радовала глаз...

Ох, не только русский мужик ленив и нелюбопытен, татарин тоже... Папа предлагал и соседям сажены яблонь, груш, вишни... Но многие ограничивались привычными рябиной, черемухой, акацией... А их дети лазили потом к нам в сад, ломали яблони – к глубочайшему возмущению отца.

***

Когда мы, дети, разъехались, сад стал обременителен родителям. Много паданки, мух... Деревья спилили собственноручно.

Но по одной яблоне каждого сорта, а так же вишню, иргу, крыжовник, восьмидесятилетний папа потихоньку пересадил ближе к дому, для мамы:

– Ты молодая, и останешься, когда я уйду. Но и ты состаришься, будет трудно ходить... А так выйдешь, и хоть по ягодке сорвешь – для души...

***

Размять пожилые ноги и любоваться природой папа ходил каждый день три километра пешком. Как раз до ближайшего холма. С него все видно как на ладони. «...Вот это пасека твоего деда», – показывал на лес. – ...А это – деда поле пшена» – кивал на склон...

Это ощущение, что вокруг – моя отчизна, моя земля, мои горы и лес – осталось во мне навсегда...

***

Позднее, когда я вышла замуж в Сибири и у нас появилась машина, мы с мужем и дочерью стали ездить в Альметьевск на авто... Путь не близкий – тысяча двести километров. Преодолев легко его первую треть, муж просил меня о чем-нибудь рассказывать, чтобы не уснуть за рулем.

Я подкармливала его кислыми апельсинами для бодрости и рассказывала...

Начиная с Челябинска: «Это наша ногайская прародина... отсюда Пугачевым был вывезен мой прапрадед... – После Уфы перед Октябрьским: – ...О, это уже наша историческая земля, Волжско-Камская Булгария... – От Бугульмы до Альметьевска: – ...Ну, Бугульма вообще наша!».

Однажды муж, возмущенный до глубины души, выдал:

– Блин... пол-России своим татарам оттяпала... А поле-то русское!

Я ему:

– Какой абсурд... Один дурак ляпнул, другие повторяют. Ты можешь представить себе итальянское поле? Или французское? Ты еще скажи «русское небо» ... Где, интересно, тогда татарское?

Он захлебнулся от нехватки аргументов. Оглянулся вокруг в поиске подсказки и внушительно произнес свою историческую фразу:

– Березы не трожь! Березы – наши!

МИР САЛАДИНА

Каждый из нас, впервые приезжая куда-нибудь, старательно оглядывается по сторонам. Оно и понятно: что уготовило новое место – удачу и радость или провал и разочарование. Кто встретит нас первым? Каким будет этот человек? От этого зависит слишком много. Если человек окажется добрым и достойным, то приехать захочется еще и еще. А потом пройдет время, и новое место станет близким и родным.

Когда я впервые ехал в Нальчик, где-то в районе Нарткалы солнечные лучи перекинули через дорогу редкой красоты радугу. Из окна вагона казалось, что локомотив увлекает длинный состав под разноцветный мост. Я воспринял это как добрый знак и не ошибся: на вокзале меня встречал Саладин Жилетежев. Я сразу почувствовал тепло, которое исходило от этого человека, и все отлетело прочь: и бессонная ночь в душном купе, и надоедливый стук колес, и тряска на перегонах.

Так начался день из числа тех, что выпадают нечасто, но запоминаются на всю жизнь. Так началось мое знакомство с Кабардино-Балкарией. Саладин повез меня на Чегемские водопады. Когда мы приехали на место, начался сильный дождь. Вода вымывала камни и, падая, они громко стучали по крыше маленького кафе. На обратном пути трассу перерезал самый настоящий сель. Фыркающий синим дымом бульдозер боролся с ним как мог, расчищая путь, однако его усилий хватало лишь на то, чтобы пропустить пару машин. Дождь лил, не переставая, и дорогу моментально заливало жидкой грязью, перемешанной с камнями.

Однако эта нечаянная задержка нас ничуть не огорчила. Мы говорили и не могли наговориться. Я спрашивал, он отвечал. Вдумчиво, неторопливо, спокойно. Говорили о республике, о прошлом и настоящем Кавказа и, разумеется, о поэзии. Сама собою возникла тема литературного перевода.

На следующее утро Саладин зашел ко мне в номер, молча положил на стол подстрочный перевод своей поэмы «Мухаджирство» и отправился по делам. Я принялся читать, но запнулся на первой же странице. Речь шла о страшных трофеях времен Кавказской войны.

*– Собратья, порохом и потом
Лихие дни спяли нас,
Чтоб русским кесарям в угоду
Покорным стал седой Кавказ.
Довольно тратить время даром,
Зазря разбрасывать слова,*

*Ведь завтра может стать товаром
Отрубленная голова.
Дорога к золоту открыта
На этой гибельной войне,
Коль можно голову джигита
Продать по выгодной цене.*

Так я перевел поразивший меня отрывок много позже, а в тот момент мне пришлось пережить сильнейшую душевную смуту.

Подобные реалии сознание крепко связывало с колонизацией Северной Америки. На нашей земле они казались просто невысказанными... Так или иначе, все свое непонимание я списал на пресловутые трудности перевода и решил выслушать объяснения автора.

Здесь я вынужден сделать небольшое отступление. Мы все – дети империи. Ее можно называть Российской, можно – Советской, но это не меняет сущности. А одна из главных, сущностных особенностей империи состоит в том, что ее огромный аппарат денно и ночью заботится о надлежащей чистоте лишь парадного входа. Задний двор при этом пребывает в запустении и небрежении. О подлинных и мнимых успехах твердят без устали. О преступлениях, без которых империя, увы, развиваться не может, предпочитают молчать. В полном соответствии с этим неписанным законом история планомерного истребления коренного населения Западного Кавказа осталась табуированной. Причем табуированной настолько, что выросло несколько поколений граждан, которые ничего не знали об этих событиях. Не знали даже те, что с детства проявляли серьезный интерес к исторической науке.

Когда Саладин вернулся, я засыпал его вопросами, а он словно ждал этого. Отвечал в своей манере: вдумчиво и неторопливо. Теперь, по прошествии времени, я затрудняюсь определить наверняка, поразило ли тогда меня сильнее то, что он рассказывал, или то, как он рассказывал. О невероятных страданиях, перенесенных его народом, он говорил спокойно. Но это не было спокойствием равнодушного человека. Я внимательно слушал повествование скорбящего, у которого просто не осталось слез. Истинная скорбь не имеет ничего общего с истерикой. Ее лицо – это сухие глаза и рот, едва приоткрытый в беззвучном крике. Но именно от такого немого плача мороз продирает по коже.

И до, и после встречи с Саладином мне часто приходилось общаться с представителями народов, переживших геноцид. Очень многие из них, обсуждая страшные события далекого и не очень далекого прошлого, давали волю эмоциям. Говорили с агитацией и озлобленностью на страну, на своих соседей, на весь этот несовершенный мир, наконец. Саладин – человек редкий. Чувство злобы настолько несовместимо с его натурой, что, общаясь с ним, невольно вспоминаешь слова великого Януша Корчака: «Я никогда никому не желал зла, я не знаю, как это делается».

Я пообещал перевести поэму и через несколько дней вернулся

домой, в Новочеркасск, предвкушая интересную работу, даже не подозревая, насколько сложной и кропотливой она окажется. До сей поры я переводил лишь английскую поэзию с оригинала. Работа с подстрочником оказалась намного сложнее, пухлая рукопись пугала своим объемом, но стихи завораживали.

*Здесь не даёт скучать о лете
Коротких зим веретено...
Здесь свежий воздух на рассвете
Пьянит сильнее, чем вино.
Здесь всё как в сказках и былинах,
И слёзы ваших бурных рек
На свет рождаются на вершинах,
Где никогда не тает снег.*

Вторая часть называлась «Плач волны». Переводить ее оказалось намного легче, потому что эта история слишком хорошо известна в местах, где я родился.

Несколько столетий главную роль в ратных затеях России играло казачество. К глубокому сожалению, колонизация Кавказа также осуществлялась не без участия моих земляков. Казаки и горцы были достойными соперниками на поле брани, только силы оказались не равны. Однако завоеванные земли не принесли счастья их новым хозяевам, потому что, развиваясь и преобразовываясь, империя не щадит никого. Спустя полвека с небольшим после исхода адыгов, трагическое действие повторилось, правда, с другими участниками.

*Вновь волнам отданы наказания
К сырým утёсам мчатся вскачь,
И ветер налетает сразу,
И вновь над морем слышен плач.
Опять валы везде и всюду
На белых гребешках своих
Несут неведомо откуда
То причитание, то крик.
Рыданье на морском просторе
Стрелой пронзает облака...
Все знают: это голос горя,
Порой не зная языка.
Но нынче морю тесно с нами
А если так, то быть беде,
И мне встревоженная память
Картины пишет на воде...*

Не в силах противостоять смуте, охватившей Россию, казаки отступали, и берег Черного моря стал последним рубежом. Стоя на переполненных палубах, они навсегда прощались с Родиной и смо-

трели, как кони плывут вслед за кораблями, взявшими курс в сторону Золотого Рога.

*Смешно вытягивая шеи
Заморским чудищам под стать,
Хотели кони поскорее
Фелюги быстрые догнать.
В фелюгах люди уплывали
Куда-то от земли своей,
И слёзы крупные стекали
Из глаз доверчивых коней.
В тот миг, когда рыдали кони,
Ломая волны на плаву,
Все слышали, как море стонет,
И небо плачет наяву.*

Эти строки не просто близки и понятны всем, они доказывают, что настоящая поэзия не бывает местечковой. Поэт, как бы он ни был предан своему народу, своим традициям, своей истории и культуре, всегда переступает тесные национальные рамки и становится всеобщим достоянием.

Если развивать эту мысль, можно прийти к выводу, что нет литературы русской или французской, чеченской или кабардинской. Есть Литература мировая – единая для всех. Только получить в нее пропуск удастся не всем.

Мировая литература, мировой разум, единая земля... Свои философские рассуждения на эту тему Саладин Жилетежев облек в самую сложную стихотворную форму из всех существующих ныне и написал венок сонетов под названием «Земля и человек».

В наши дни венок сонетов – явление крайне редкое. Сегодня мало кто решается написать четырнадцать стихотворений по четырнадцать строк, тесно переплетенных между собой, и завершить это диво достойным магистралом. Многие считают эту форму слишком архаичной, громоздкой, неудобной для автора, ограничивающей творческую свободу. Но, судя по всему, Саладин чувствует себя свободно и легко. Почему?

Я полагаю, все дело в способности дисциплинировать и упорядочивать собственное мышление. Тому, кто овладел этим искусством, сложность формы идет только во благо. Она вызывает к жизни нестандартные образы, метафоры, рифмы. Она же помогает превратить серьезный монолог в не очень веселую, но очень мелодичную песню.

*Так повелось в начале всех времен:
Острой копья пронзает детский плач,
Острой меча пронзает вдовий стон
В пылу случайных воинских удач.
От первой искры вспыхнули огни,*

*И человек решил, что все постиг,
Но сколько зла наделают они,
Он не подумал в тот короткий миг.
Шло время, внуки внуков родились,
Сменялись годы радости и смут,
Мы это называем словом «жизнь»,
Что на Земле нашла себе уют.
Где станем мы мудрее мудреца,
Когда себя познаем до конца.*

Саладин верен этому постулату. Он идет по пути самопознания всю жизнь. Идет, испытывая не только радости успеха, но и невероятную боль, которой на его долю выпало слишком много. Однако даже горечь утрат не изменила его существа. Он по-прежнему любит людей, любит этот мир и не жалуется на судьбу, которая была к нему несправедлива. Только иногда все тот же беззвучный плач пробивается в его стихах.

*Я знаю отныне, что жить мне не стоит,
Но случай безжалостный мзду не берет,
Ты шла по земле за моею спиною,
А здесь почему-то пробилась вперед.*

Сегодня я считаю Нальчик своим вторым родным городом. Здесь я навсегда полюбил Кавказ и его жителей, здесь я полюбил литературный перевод, помог мне в этом мой друг, Саладин Жилетежев, и за это я ему бесконечно благодарен. Вот только иногда я со страхом думаю, что было бы, если бы тогда ранним утром на вокзале меня встретил кто-то другой.

Саладин ЖИЛЕТЕЖЕВ**ВЕНОК СОНЕТОВ***Памяти жены*

1

«Всему есть свой срок, – в этом наше везенье», –
 Так часто ты мне говорила, смеясь, –
 «Мы землю храним для других поколений,
 Чтоб жизнь продолжалась, чтоб не прервалась».

И если однажды хватило бы силы,
 Ты всех созвала, не забыв никого,
 И счастье отмерила, и одарила
 Далеких и близких, друзей и врагов.

Скорбя об ушедших, ты страстно желала
 Наполнить добром и слова, и дела,
 Ты знала, что сроку отпущено мало,
 Но, зная об этом, на свете жила.

Ты верила: множить печали не стоит,
 Ведь жизнь, словно кружка с холодной водою.

2

«Ведь жизнь, словно кружка с холодной водою», –
 Сказав так, Всевышний тебя мне послал,
 Чтоб верный хранитель был рядом со мною,
 Чтоб мир мой и душу своими считал.

Мы жили свободно, мы жили умело,
 Не зная, что значит «твое» и «мое»,
 Где горечь созрела, где радость поспела –
 Секретов не ведало наше житье.

К законному праву с бедой и удачей
 Быть первым во всем я, конечно, привык,
 И вдруг ты решила устроить иначе,
 Решила сама, без советов моих.

И жизнь моя стала золой от поленьев, –
 Я стал в этой жизни безжизненной тенью.

3

Я стал в этой жизни безжизненной тенью:
Подобный исход не приснится во сне,
Себя раздавая без капли сомненья,
Ты вечное горе оставила мне.

Приученный к верной, заботливой силе,
Я наполнился силой до самых краев,
И что же ты нынче со мной сотворила? –
Я понял впервые бессилье свое.

Все в мире торгуют, и все покупают:
Товары с небес, и товары со дна,
И только у смерти природа такая:
Ни денег, ни связей не знает она.

И вот, не замеченный смертью простою,
Я знаю отныне, что жить мне не стоит.

4

Я знаю отныне, что жить мне не стоит,
Но случай безжалостный мзду не берет,
Ты шла по земле за моею спиною,
А здесь почему-то пробилась вперед.

«Уйти, попросившись, и проще, и легче,
Без слез, без упреков и старых обид,
С рожденья мы знаем, что век наш конечен,
Что он быстротечен и мраком покрыт», –

Ты так говорила, и, может быть, скоро
Мы вместе осилим холодную тьму,
И вместе окажемся в Судную пору,
И кто-нибудь спросит тебя: «Почему?»

Душой расплатиться была ты готова,
Чтоб я не расстался со светом и словом.

5

Чтоб я не расстался со светом и словом,
Ты много стерпела житейских невзгод,
И я не боялся напастей суровых,
Наверное, зная, что помощь придет.

Срослись наши души в огромное древо,
И радость моя оказалась твоей,

Мы вместе не знали ни скуки, ни гнева
В едином объятье корней и ветвей.

В едином порыве, в едином движенье
Ни часу я не был тогда одинок,
И что есть на этой земле вдохновенье
Познать без тебя я бы тоже не смог.

Так, взявшись однажды с тобою за руки,
Мы дали зарок не изведать разлуки.

6

Мы дали зарок: не изведать разлуки,
Так Бог рассудил, нам ли спорить с Творцом?
Одни на двоих и восторги, и муки,
И солнце, и дождь, и дорога, и дом.

Родительский долг до конца отдавая,
За дело любое ты, молча, бралась,
И будничных дней оголтелая стая
Теряла над нами извечную власть.

Глубокой зимой я не чувствовал стужи,
И ветра, покуда была ты со мной.
Не знал я, что в тайне себя ты разрушишь,
И жизнь мою выкупишь страшной ценой.

Быть вместе, и только, под солнечным кровом –
Не нужно мне было подарка другого.

7

Не нужно мне было подарка другого,
Кого-то земные богатства слепят,
А я, как в беспамятстве, снова и снова
С наивным восторгом смотрел на тебя.

И только лишь думы о бренности нашей
Под сердце вонзали холодную сталь,
Но нынешний день продолжал день вчерашний
И вел нас с тобою в туманную даль.

И если зажегся огонь постиженья,
Дорога в грядущее будет проста,
И двое пойдут под небесною сенью,
И следом за ними пойдет красота...

Нам чувства даны, словно верные слуги,
Кто думал, что мы растворимся друг в друге.

8

Кто думал, что мы растворимся друг в друге,
Пока мы еще не встречались с тобой...
Ты сделала выбор, и замерли звуки,
И краски подернулись пылью густой.

Решила сама... Что за странная дерзость?
К чему заведенный порядок менять?
Ты душу свою превратила бы в крепость,
И в крепости этой хранила б меня.

И я бы сорвался, как камень со склона,
В надежде с тобою увидеться вновь, –
Не чувствует страха, не знает законов
Бессмертная тайна – земная любовь.

И там, где душа одолела преграды,
Два любящих сердца пульсируют рядом.

9

Два любящих сердца пульсируют рядом,
И тают тревоги, как мартовский лед.
Взаимной любви непрístupной громадой
Я был защищен от житейских невзгод.

И словом твоим, и случайным движеньем
Я жил и не чуял порою земли,
И всюду сквозило твое отраженье,
И все подражали ему, как могли.

Усталости бросив отчаянный вызов,
Со мной ты делилась добром от души,
Я каюсь, бывали мужские капризы
Лишь с тем, чтоб улыбку твою заслужить.

Я думал, светлеет земля год от года,
Покуда ты служишь моим небосводом.

10

Покуда ты служишь моим небосводом,
Полуденным солнцем, Полярной звездой,

Я знаю, что будет в любую погоду
Негаснувший свет над моей головой...

Как горестно мне говорить слово «было»...
Прекраснее самых отчаянных грез,
Ты в сердце осталась, и новые силы
Я черпаю в нем, коль уж так довелось.

Я помню твой голос, слова, уговоры,
Я помню родного дыханья тепло,
Как беды любые казались мне вздором,
И виделось крошечным встречное зло.

Рукой благосклонной судьбы не разъяты.
Мы были, как две половинки граната.

11

Мы были, как две половинки граната –
Две медных монеты в одном кошельке,
Семейных раздоров глухие раскаты
Бездумно гремели от нас вдалеке.

Мой брат для тебя был роднее родного,
Подарком небес был нечаянный гость,
И я не припомню, чтоб доброго слова
Кому-то из них у тебя не нашлось.

Но главное слово рефреном звучало,
Лишь мы оставались один на один,
Опять и опять, начиная сначала,
Ты пела семь звуков, семь нот: «Саладин».

В плену друг у друга мы прожили годы,
И в этом плену обретали свободу.

12

И в этом плену обретали свободу,
Родня удивлялась: как им повезло!
Дом – полная чаша, где уйма народу
Гостила, завистникам глупым назло.

И не было щедрым застольям предела,
И долгим беседам о сем и о том,

Хвалили тебя, и душа моя млела,
Как млеет ребенок, согретый теплом.

Посланье беды и печали постылой
Мне редко в глазах удавалось прочесть,
Но как же ко мне ты, порою, спешила,
Чтоб первой доставить счастливую весть.

Храня в очаге благодатное пламя,
Ты славилла Бога за то, что он с нами.

13

Ты славилла Бога за то, что он с нами,
За то, что дает пропитанье и кров,
И эти слова распускались цветами
В бескрайних чертогах забот и трудов.

Я верил: мне все в этом мире подвластно,
Лишь стоило нам друг на друга взглянуть,
Поэтому вешками дней ненапрасных
Отмечен старательно пройденный путь.

И счета не зная делам неотложным,
Которых от века великая тьма, –
Чтоб сложное мне показалось ничтожным,
Ты с ними привыкла справляться сама.

Не зря мудрецы нас учили веками –
В душе человека должно быть, как в Храме.

14

«В душе человека должно быть, как в Храме», –
То было источником жизни твоей,
Ладони легко становились столами,
Накрытыми щедро для наших гостей.

Ступни твои наполнились бережной силой,
И каждую мошку в траве берегли.
Я думаю, джинны тебя научили
Ходить по земле, не касаясь земли.

Теперь надо мною сгустились потемки,
И только лишь вера выводит из тьмы.
Мне хочется верить, что наши потомки
Однажды полюбят сильнее, чем мы.

Они будут лучше, честней, откровенней...
Всему есть свой срок – в этом наше везенье.

Магистрал

Всему есть свой срок: в этом наше везенье,
Ведь жизнь, словно кружка с холодной водою,
Я стал в этой жизни безжизненной тенью,
И знаю, наверно, что жить мне не стоит.

Чтоб я не расстался со светом и словом,
Мы дали зарок: не изведать разлуки,
Не нужно мне было подарка другого.
Кто думал, что мы растворимся друг в друге?

Два любящих сердца пульсируют рядом...
Покуда ты служишь моим небосводом?
Мы были, как две половинки граната,
И в этом плену обретали свободу.

Ты славил Бога за то, что он с нами:
«В душе человека должно быть, как в Храме».

СЕРЕНАДА С ВОЛКАМИ

Рассказ

Сын соседа вернулся из армии. По этому поводу у них была вечеринка. Меня тоже пригласили. У нас самый почётный гость – сосед. Он даже не гость, а как член семьи. Говорят, если нет родственника, что, и соседа нет? Поэтому соседу всегда самое почетное место за столом.

В доме, в большом зале, сели за стол. Я возле тамады. Он поднял бокал, произнес тост за возвращение молодого парня из армии, за добросовестное выполнение им своего гражданского долга. Пожелал много лет его родителям, мира и процветания отечеству. Вспомнил и о тех временах, когда сам служил. Рассказал несколько случаев из своей военной жизни. Потом выпил свой бокал. Сидящие за столом и слушавшие его тоже осушили свои бокалы. Затем перекусили. И каждый начал вспоминать о своей службе в армии.

Одни служили в танковых частях и поэтому хвалили танкистов. «Вот один танк – в поле воин. Это неприступная крепость. Когда он идет – земля дрожит. Не то что пехотинцы», – говорили они.

А те, которые служили в мотострелковых войсках, защищали себя. «Что там танкисты. Постоянно ходили в мазуте. Наши гранатометы за сотни метров пробивали ваши танки». Так отвечали бывшие пехотинцы.

А во дворе играла музыка. Молодежь танцевала. Девушки двигались мелкими шажками, как будто лебеди плыли по волнам. А джигиты то кружились вокруг них, как ветры на вершине Эльбруса, то приподнимались на носках. Красив горский танец.

На вечеринке одни танцевали, другие смотрели на них и хлопали в ладоши, третьи вели беседу. Так незаметно прошел час, другой. Вдруг к нам зашел высокий седоволосый мужчина. Он поздоровался, но руки никому не подал. Обычно когда здороваются, у нас подают руку. А этот руки держал за спиной. Первое впечатление было, что это от гордости, может, большой начальник или богатый бизнесмен. А может быть, депутат. Мы его не знали. Он был не из наших краев.

Но мы тоже люди гордые. Не стали протягивать ему свои руки. Сидели и молчали. Было свободное место возле меня, и тот, кто обслуживал наш стол, посадил его туда.

Новый человек, когда сажился, тоже руки держал за спиной. Я еще раз подумал, что он большой гордец. Но что-то мне подсказывало: это не так. Слишком добрым было его лицо. Что-то грустное и печальное было в его взгляде.

Официант поставил перед ним еду. В том числе одно из лучших блюд балкарской кухни – хичины из свежего сыра. Вы никогда не ели такие хичины? Тогда я могу только сожалеть об этом. Запеченный в тесте

свежий сыр, обжаренный на плите и обмазанный маслом хичин – просто объедение. Без хичина свадьбы, вечеринки и праздники – просто ничто. А быть там и не есть хичин – значит, тебя там просто не было.

И вот, когда официант поставил перед ним хичины, седоволосый обеими руками потянулся к ним. И тут мы увидели... О, Создатель!

У него на обеих руках был только один большой палец. Остальные были обрублены. Все посмотрели на него и не могли отвернуть взгляд. И с сожалением, оттого что плохо о нем подумали. А седоволосый спокойно съел свой хичин. Посмотрел на нас. Печально вздохнул. А потом перевел свой взгляд в сторону окна. Долго смотрел туда, как будто увидел что-то или у кого-то брал разрешение на свой рассказ. Потом снова перевел свой взгляд на сидящих за столом. Каждому посмотрел в глаза, как будто желал, чтобы больше никогда и никто не видел, не испытал то горе, через которое он прошел.

– Давно это было, – начал он свой рассказ. – В нашем дворе жил один скрипач. Порой он выходил за село, там, вдали от сельского шума, один, стоя на вершине невысокого холма, играл на скрипке. Недалеко, прячась за одиноким деревом, я наблюдал за ним. Он начинал играть медленно, как будто теплый ветерок гладил волосы влюбленных. Потом начинал играть быстро-быстро. Будто ураган тучи гонит перед собой, или коршун налетел на свою добычу и голубка убегает от него. А порой из его скрипки исходила такая душевная мелодия, хотелось вместе с ней улететь далеко, высоко...

Мне хотелось быть таким, как он. Чтобы и моя скрипка издавала такую мелодию, в каждый слышалось бы и пение соловья, звук падающего водопада, шелест листьев березы, журчание родничков, серебряный шепот влюбленных.

И я решил: окончу школу и обязательно стану скрипачом. Эта была моя заветная мечта. Я теперь думал только об этом. Когда я перешел в десятый класс, к нам в село переехала одна семья. У них была дочь, Зайнаф. Удивительно красивая. Черные кучерявые волосы спадали с плеч. Длинные ресницы – словно крылья ласточки. Смех – как пение бегущей горной речки. Лицо ее озарялось таким светом, как будто солнце и луна сидели на ее щеках.

С появлением в нашем классе новенькой что-то изменилось внутри меня. Я уже начал замечать красоту рассвета и цветов, растущих во дворе школы. Я столько проходил мимо них, никогда не обращая внимания, а теперь они как будто говорили: «Подари нас Зайнаф».

Раньше я не обращал внимания на девочек. Все время думал, окончу школу, поступлю в музыкальное училище и стану скрипачом. А теперь в моей жизни появилась Зайнаф. Когда мы выходили на перемену, она всегда была в окружении подруг. Я стеснялся подходить к ней и заговорить. Только издали смотрел на нее и любовался. А когда она обращивалась в мою сторону, я смущался и быстро уходил.

Кто знает, сколько бы так продолжалось. Может, я никогда не осмелился бы подойти к ней. Однажды, после уроков, Зайнаф сама подошла ко мне и сказала: «Ты не мог бы проводить меня домой. У наших сосе-

дей злая собака сорвалась с цепи. Они не смогли ее привязать. Я боюсь идти одна».

Для меня это было так неожиданно. Сначала растерялся. Не смог произнести ни слова, как будто какой-то комок сидел в горле. Потом чуть пришел в себя и еле слышно прошептал: «Да». И мы пошли вместе. Мне казалось, что, спрятавшись за свои заборы, люди смотрят на нас. Немного пройдя, чуть осмелел. Даже подумал про себя, что такое – злая собака, да пусть даже самый большой медведь выходит, я не побоюсь. С Зайнаф я пойду куда угодно.

Так, потихоньку, мы дошли до ее дома. Не знаю, откуда у меня взялась смелость, или от боязни, что такого момента больше может и не быть. Я сказал: «Давай дружить», – и быстро ушел. Но краем глаз заметил, как она смотрела в мою сторону.

С этого дня мы виделись с ней каждый день. На переменах были рядом. Я всегда провожал ее домой. И это не осталось незамеченным. Все мои друзья, одноклассники завидовали мне. Да что они, я сам себе завидовал. С трудом верилось, что такая удивительно красивая девушка согласилась дружить со мной.

У нас была одна учительница, Аминат Хасановна, про таких говорят – педагог с рождения. Она была нашим классным руководителем и учила языку и литературе. Мне казалось, что нам она уделяет больше времени, чем своей семье и детям. Она не только учила нас, но и жила нашей жизнью. И когда она поняла, что наша дружба вырастет в большую, красивую любовь, всех девочек посадила к мальчикам. До этого каждый сидел с кем хотел. Потом я понял, что это она сделала ради меня и Зайнаф. И когда моя Зайнаф садилась рядом со мной, я был так счастлив, я думал что солнце озаряет рассвет ради нас и что луна освещает темную ночь тоже ради нас. Цветы цветут и птицы поют тоже ради нас.

Мне мама давала с собой конфеты. Иногда одну. А я в школе их отдавал Зайнаф. Если конфета была одна, Зайнаф ломала ее пополам, одну половину возвращала мне. И ждала, пока я ее съем. Такие были у нас отношения. Это была любовь, чистая и красивая любовь. Для меня она была первой и последней, оставившей красивые воспоминания и глубокую рану в сердце, неизлечимую даже временем.

Последний год в школе был самым счастливым годом моей жизни. Со мной рядом была моя Зайнаф. Ни до, ни после у меня такого не было. Быстро закончился этот год. Окончившие школу мальчики и девочки радовались. Теперь они поедут в другие города, продолжают учебу, станут специалистами, перед ними уже открыта дорога в большую жизнь. А я бы хотел оставаться вечным учеником десятого класса, лишь бы Зайнаф была рядом.

Но жизнь диктует свои условия, независимо от твоих желаний. У нее свои законы. Мне пришлось уехать в город учиться. Там жил старший брат моего отца. Поехал к нему. Поступил в музыкальное училище. Зайнаф же осталась в селе. У нее не было возможности поехать учиться. Мы переписывались. Часто получал от нее письма. Как луч солнца, они согревали меня.

Учился я хорошо. Всю душу вкладывал в учебу. Какое счастье было для меня, когда впервые мне дали сыграть на сцене училища. В зале сидели преподаватели и студенты. Когда меня объявили, я сначала растерялся, но потом вышел и сыграл. Не знаю, как сыграл, но, судя по аплодисментам, все было не так уж плохо.

Уже на третий год учебы я был одним из лучших скрипачей училища. Исполнял произведения известных композиторов. Преподаватели ставили меня в пример другим студентам.

На последнем курсе неожиданно перестала писать Зайнаф. Я стал тревожиться. Написал другу, который жил в селе. От него получил известие, что ее семья переехала в районный центр. Адреса я не знал. А от нее писем не было. Так прошел год. Я закончил учебу и вернулся домой. Отец в честь этого устроил вечеринку. Пришли родственники и друзья, приехала моя любимая учительница Аминат Хасановна. Больше всех я обрадовался ей. Она много спрашивала об учебе, музыке и моих дальнейших планах.

Потом отвела в сторону и сказала: «Ты был моим лучшим учеником. Я всегда гордилась и сейчас горжусь тобой. Я так радовалась твоей любви к Зайнафу. Думала, что такая любовь может быть только в сказке. Но иногда жизнь диктует свои условия. Она бывает сильнее самой яркой любви. Я недавно была в районном центре и случайно видела Зайнафа с молодым человеком. Он ее муж. Знатный в районе комбайнер-тракторист. Мне больно говорить это, огорчать тебя. Но тебе лучше знать. Ты крепись, у тебя вся жизнь впереди. Начни все сначала».

Для меня это был удар в самое сердце. Мне было так больно. Я не знал, с кем поделиться. С тех пор как я узнал Зайнафа, она стала мне настоящим другом. Я так ей верил. Она предала меня.

Вечером я взял скрипку и вышел в огород. Начал играть. Струны моей скрипки издавали печальные мелодии. Даже не заметил, как вокруг меня собрались люди. Я долго играл, а они слушали. Потом подошла учительница, положила руку на плечо и сказала: «Пора домой».

Радость моя была омрачена. Побыл дома неделю, другую и уехал в город. Устроился в оркестре. Мы много ездили по большим городам, давали концерты. Росло мое мастерство, многие приходили слушать мою скрипку. Коллеги уважали. Но было такое ощущение, что главное в жизни я потерял.

Прошло пять лет. Я не встретил новую любовь. Да я и не стремился к этому. А разве бывает новая или старая любовь, первая или вторая. Она должна быть одна. Была у меня любовь и ушла.

Однажды, под новый год, наш оркестр пригласили в районный центр, где жила Зайнаф с семьей. Повесили плакаты и объявления. В центре моя фотография. Зима, снег кругом. Приехали мы в маленьком автобусе. Красивый, ухоженный маленький городок. Старый клуб. Во дворе высокие ели. В большом зале собралось много людей. Я смотрел на сидящих, искал глазами Зайнафа. Мою любовь. Узнаю ли я ее? Какая теперь она?

В зале было немного холодновато. В основном люди сидели в

пальто, шапках и платках. Трудно было кого-то узнать. Да и лет прошло сколько. Два часа продолжался концерт. Играли мелодии известных композиторов. Нам долго аплодировали. После концерта к нам многие подходили, говорили слова благодарности. Подбежал подросток, протянул сложенный листок и сказал: «Это передала одна женщина». И ушел. Бумагу я положил в карман и как-то о ней забыл. И когда уже возвращались, в автобусе, вспомнил. Достал и начал читать. Эта была записка от моей Зайнаф. Она писала: «Посмотрела концерт. Очень понравился. Ты стал настоящим виртуозом. Я очень рада за тебя. О тебе я рассказала своему супругу. Он хороший. Разрешил тебя пригласить домой. А еще у нас есть мальчик. Его я назвала твоим именем. После концерта обязательно приходи к нам. Мы тебя очень будем ждать».

Меня как будто током ударило. Будто от долгого сна очнулся. Значит, она тоже меня помнит. Какая-то радость появилась в душе. И я хотел снова увидеть ее – мою Зайнаф – любовь мою.

А наш автобус едет по снежной дороге. Наверное, от села уже отъехали километров пять-шесть. Я держу записку и смотрю на нее, как будто вижу себя и Зайнаф, сидящих за одной партой. И ничего не было, ни долгих лет учебы, ни концертов. Нет даже холодной зимы и покрытой снегом дороги.

Коллега заметил: «Друг мой, эта записки так тебя согрела, что даже щеки покраснелись. Скажи мне, кто она?» Вместо ответа я попросил остановить автобус. Решил вернуться обратно. Кругом снег, холод. Уже смеркалось. Коллеги начали отговаривать. Но когда поняли мою решимость вернуться обратно, смирились. Водитель сказал, что отвезет меня. Но я отказался. Столько времени ждал встречи со своим прошлым. Что такое пять-шесть километров. Пройду пешком.

Я отпустил автобус. Взял свою скрипку и пошел навстречу...

Кругом была степь, покрытая снегом. Ни одного деревца или кустарника вблизи. Даже бугра нет. Лишь вдали видны огоньки маленького городка, и следы автобуса на снежной дороге.

Я иду по автобусному следу, напевая под нос какую-то мелодию. Легко иду, как будто ветер несет меня. На небе ярко светят звезды. Хочется сорвать одну из них и подарить Зайнаф. Наверное, километра три прошел.

Вдруг неожиданно, со страшным свистом налетел буран, закружил снег. Стало темно и очень холодно. Куда бы спрятаться? Здесь даже камня нет. Ровная степь, как будто линейкой начертили. И дороги не видно, замело снегом. На шаг в сторону ничего не видно. Куда идти теперь? Налево или направо. Останавливаться нельзя. Ветер и холод до самых костей пробирают.

Тогда я пошел, став спиной к ветру. Но в степи ветер не только в одну сторону дует, он все время меняет свое направление. Я шел, спотыкаясь, падая, снова вставал и снова шел. Остановиться было нельзя. Замело бы снегом. Идти тоже было очень трудно. По колено в снегу.

Глаза забиты снегом, усы обледенели, еле-еле передвигаю ноги, дышать трудно, щеки холод кусает, как будто сотни иголок вонзились

в мое лицо. У меня было шерстяное кашне, связанное матерью, я снял его с шеи и обмотал лицо, только глаза чуть открытыми оставил. Стало полегче.

И я снова пошел. Наверное, не столько шел, сколько, прячась от ветра, кружился на одном месте.

Сколько так продолжалось, не знаю. Может, час, а может, два. Мне они показались вечностью. Но я шел, не останавливаясь. А ветер все сильнее свистел и кружился вокруг меня. То снегом заметал, то бил в спину, как будто хотел меня свалить, чтобы я больше не встал. Порой я падал на колени. Но снова вставал и снова шел. И про себя думал: «Врешь, не возьмешь. Я не такой слабый. Не на того напал». И снова шел.

Мне казалось, что все ветры прошедших зим собрались здесь. И с воем волчьей стаи набросились на меня, и хотят за что-то отомстить. Но я иду, не останавливаясь. Мне вдруг захотелось лечь на землю и чуть поспать. Немного полежу, отдохну, потом встану и пойду. И тогда я вспомнил сказку, которую мне в детстве мама рассказала. Как-то ветер, холод и сон поспорили, кто из них самый сильный. И решили испытать себя на человеке. Вот они встретили человека вдаль от дома. Первым налетел ветер. Хотел свалить. А человек повернул к нему спину и пошел по своей дороге. Не достигнув цели и потеряв свою силу, ветер отошел в сторону и уступил очередь холоду. Тот заморозил землю и воздух, покрыл ветки деревьев инеем. А человека хотел превратить в сосульку. Ведь холод, он самый сильный. Кто перед ним устоит. Даже вершины гор он превращает в лед. А человек собрал хворост. Разжег три костра. Сел между ними. Открыл свою торбу. Вытащил оттуда хлеб, сыр, айран и, как ни в чем не бывало, начал есть. И холод тоже отступил перед человеком. Он тоже не достиг своего. И ушел в сторону. А сон был мягкий, тихо подошел, погладил человека нежно, он и уснул. И тогда ветер и холод набросились на человека и заморозили его.

Вспомнил я эту сказку. Думаю, сон, я сильнее тебя, и пошел навстречу ветру. И когда ветер начал хлестать меня по щекам, сон быстро отступил. Так, борясь с тремя «соперниками», я не заметил, сколько времени прошло.

Неожиданно ветер утих, небо прояснилось и появились звезды. И снова я увидел вдаль огни маленького городка. Обрадовался. Быстрее бы добраться туда. А то совсем замёрз. И я направился в сторону огней. Дороги не видно. Я пошел напрямую. Снег по колено. Иду медленно. Устал очень.

Вдруг услышал вой. Такой душераздирающий. Я еще не успел обернуться, а уже мурашки побежали по спине. Что-то было страшное в этом вое и зле. Но деваться некуда. Я обернулся. О, Создатель наш! По моим следам шла волчья стая. Их было семь. Они шли цепью по моим следам. Потом останавливались, выли, как будто звали других своих сородичей.

Я замер на мгновение. Посмотрел в сторону. Негде было от них укрыться. В этой проклятой степи даже одинокого дерева нет. А до городка уже рукой подать. Может, остался километр или чуть больше. И

я поспешил. Старался шагать быстрее. Однако ноги стали тяжелыми, свинцовыми. Будто прилипли к земле. Стараюсь идти вперед. А мне кажется, что ноги тянут меня назад.

Волки подошли совсем близко. Я не знал, что делать. От отчаяния громко закричал, и вдруг эти страшные создания остановились и разбежались в разные стороны. Я обрадовался. Даже подумал, не так уж и страшны эти волки. И уверенно пошел в сторону городка.

Не прошел и ста метров, как снова прозвучал душераздирающий вой. Я снова обернулся. Теперь, поодаль друг от друга, выстроившись полукругом, волки начали меня окружать. Два крайних двигались быстрее других, они забежали вперед и перекрыли мне дорогу. Другие начали приближаться. Круг медленно сужался. Теперь они не выли, а медленно приближались. Ближе всех был вожак. Он смотрел прямо на меня. Смотрел и шел. Я видел его глаза. Они были красные, страшные. Когда щелкал зубами, мне казалось, что искры сыпятся. Разинутая пасть казалась воротами ада.

Мне было страшно и обидно за себя. За что мне такое наказание и за что такой конец? За какие грехи? Я ведь только начинаю жить. Знаю, что пришедший в этот мир, увидевший свет, должен его рано или поздно покинуть. Бессмертных нет. Великие пророки и властелины миров не смогли остаться здесь. А я, кто я такой? Просто песчинка в огромном мире. Но я хотел жить. Во всяком случае, не так рано и не так уйти из этого мира.

Маму стало жалко, она будет горько плакать. Я был для нее светом очей. Я иногда думал, что она живет ради меня. После меня она долго не проживет. А отец пойдет в степь. Будет искать волков и истреблять их. Это будет его последнее занятие.

Я так думал, а волки подходили ко мне все ближе и ближе. Мне нечем было обороняться. Даже перочинного ножика с собой не носил. От отчаяния взял чехол бросил в жоака. Что мог сделать чехол скрипки голодному волку. Он просто увернулся. Но обозлился еще более. Тогда я просто повернулся к нему спиной. Делай, что хочешь.

А с этой стороны два хищника подошли совсем близко. У них уже слюны текли. Готовы были наброситься на меня. Тогда, уже не зная, что делать, как встретить то, чего я не хотел, начал играть на скрипке. Я играл серенаду. Эта была первая мелодия, которую я научился играть. Думал, вот закончу учебу, приеду домой, поженимся с Зайнаф, я буду каждый вечер играть ей эту мелодию.

Хищникам оставалось сделать один прыжок. И они будут рвать с меня живого плоть. О, Всевышний, создавший мир, весну, лето, цветы и любовь, помоги мне выдержать эту боль!

Я закрыл глаза. Представил, что летним вечером сидим мы с Зайнаф во дворе на скамейке, я играю ей серенаду, а она, повернувшись ко мне, слушает музыку.

Как только прозвучали первые звуки, волки начали выть. Я подумал, что они готовятся к прыжку. Но что-то слишком долго они выли. Я играл, а они выли, глубоко и протяжно. Я открыл один глаз, потом вто-

рой. О, Бог мой, вокруг меня сидели волки, подняв головы, и выли в такт музыке. Как я играл, так они и выли. Мне казалось, что они подпевали. И была в их вое какая-то грусть. Может, они пели о своей печальной волчьей доле.

Не помню, сколько времени я играл. Пальцы замерзли. Я хотел их согреть. Остановил игру. Взял скрипку под мышку, руки спрятал в карманы. Как только остановилась музыка, волки снова стали подниматься. И тогда я понял: пока играю, буду жить.

Зимняя ночь, ярко горят на небе звезды, дует холодный ветер; запорошенный снегом скрипач играет на скрипке, а вокруг сидят волки и, подняв головы к небу, поют, может быть, о славных охотах или о горестной волчьей жизни.

Уже начало светать, заголосили петухи, залаяли собаки... Вдруг слышался шум трактора. С зажженными фарами он шел в мою сторону. Между нами был километр или, может, еще меньше. Пока он доехал до меня, показалось, что прошла целая вечность.

Из трактора вышел мужчина в шапке, тулупе и валенках, с ружьем в руке. Сделал пару выстрелов, и звери кинулись прочь.

От холода мои руки одеревенели. Левая примерзла к скрипке, а правой я только водил смычком вверх и вниз. Во всем теле была страшная дрожь. Не знаю, как я не упал и не стал пищей для волков. Я не мог двигаться. Как будто примерз к земле. Тракторист помог мне подняться в кабину, накинул на меня свой тулуп, и мы поехали. Когда подъехали к его дому, вышла женщина и спросила: «Ахмат, что ты так быстро вернулся?» И, увидев меня, бросилась навстречу. «Боже мой, что с ним, где ты его нашел?» Я узнал этот голос. Из тысячи голосов я узнал бы этот голос. Эта была моя Зайнаф. Та самая, которую я любил и потерял.

– Здесь, недалеко. Серенаду играл волкам. Ты лучше приготовь горячей воды, – ответил мой спаситель. Что было потом, я не помню. Очнулся в больнице. Рядом сидели мать с отцом и Зайнаф. Увидев, как я очнулся, мать и Зайнаф заплакали. Отец сказал: «Ничего сынок. Главное, что ты остался жив. Ты мужчина, ты сильный, ты мой сын. Все будет хорошо. Мы всегда будем рядом с тобой».

Полгода я пролежал в больнице. Врачи долго боролись за мою жизнь. Им удалось спасти меня, но пальцы, кроме одного, удалили. Вот такова моя история – скрипача без пальцев.

Пока седоволосый не закончил свой рассказ, ни один человек не встал с места, не шелохнулся. Мы даже не заметили, что музыка была отключена.

Когда он остановился, в зале была такая тишина, наверное, каждый слышал биение своего сердца. Никто не хотел уходить. Молчание нарушил я: «А как твои родители, как в дальнейшем сложились судьба Зайнаф?».

Он задумался. «Мои отец и мать всегда были рядом. Благодаря им я не опустил руки. Хотя пришлось забыть игру на скрипке, я стал учителем. В прошлом году, в течение короткого времени, оба ушли в мир иной», – сказал он грустно. А потом какая-то искорка появилась в его

лице. Улыбнулся и сказал: «А Зайнаф, моя Зайнаф, с тех пор со мной. Мы больше с ней никогда не расставались. Она сегодня тоже здесь, в другой комнате, с женщинами сидит. А было так. Когда я еще лежал в больнице, пришли Зайнаф и ее муж. Разговор начал он, супруг Зайнаф и мой спаситель. Он сказал: «Я очень люблю свою супругу. Она мне рассказала о вашей любви. Не из жалости к тебе, а ради той большой любви я оставляю Зайнаф тебе и ухожу. Если Богом суждено было мне тебя спасти, то зачем я должен отнимать у тебя любовь. Мне такой грех не нужен. Это она меня тогда отправила на поиски. Мы долго ждали тебя. Легли поздно, но вскоре она разбудила меня и сказала: «Я слышу звук скрипки. Здесь что-то не так. Поезжай на тракторе. Может, они где-то застряли. И вот я приехал. Не я, а она тебя спасла. Отныне она будет рядом с тобой. Я верю, что ты хороший, и моего сына вырастишь настоящим и смелым человеком, как ты сам».

У нас с Зайнаф родились еще два сына. Теперь их три брата. Они часто навещают моего спасителя. Но, вы нас извините, уже поздно, нам пора идти...»

Он вышел во двор, и мы вслед за ним. Седой позвал молодого человека, что-то ему негромко сказал. И тот пошел в комнату, где сидели женщины. Через минуту оттуда вышла удивительной красоты женщина: высокая, стройная. Волосы ее уже были немного в серебре.

Они тепло попрощались и пошли. Она слева от него, шагая в ногу. Мне показалось, что их сопровождал какой-то свет. Может, они были ангелами или кем-то не из мира сего.

Перевод с балкарского Асият Жабоевой

Ашамаз ШОМАХОВ

БОЖЕСТВЕННАЯ ПТИЦА ЛАЛИ

Сказка

В далекие времена, когда сказка не отличалась от были, жил-был молодой парень по имени Асуф. Он любил природу и часто ходил в лес, чтобы понаблюдать за животными, но никогда не вмешивался в их жизнь. Он всегда старался оставаться незаметным наблюдателем, замечая, как соловьи вьют гнезда; как медведица играет с медвежатами; как рыба, поблескивая золотом чешуи, плещется в чистых горных реках, и все это создает прекрасное многообразие мира. Шелест листьев высоких деревьев дарил Асуфу состояние полета, а бабочки с многоцветными крыльями наполняли его сердце любовью к красоте жизни.

Асуф приходил в лес каждый раз, когда хотел уединиться от мирской суеты и почувствовать единую разумность сущего. В этом лесу он забывал все свои проблемы и обиды, житейские неурядицы и людскую скверну, здесь он находил покой и умиротворение.

Лес этот считался священным, в нем никто не охотился, не рубил деревьев и не сорил. Сюда приходили люди, ищущие гармонии с природой. Это было своего рода религией живущих в округе людей. Существовало поверье, что нарушившего порядок этого леса неминуемо ждет проклятье. Шла молва, что где-то там, за священным лесом, находится другой – темный, где нет гармонии и порядка, где звери поедают друг друга, где тьма давит и вызывает тревогу. Ходить туда считалось опасным. Откуда взялись такие убеждения и как они укрепились в умах людей, уже никто не помнил.

Когда Асуф приходил в священный лес, он начинал общаться с деревьями и животными на языке самой природы, и это безмолвное общение дарило ему радость взаимопонимания.

И вот однажды, расстроенный неожиданным расставанием с девушкой, на которой собирался вскоре жениться, Асуф решил прогуляться по священному лесу. Случайно он набрел на небольшое озеро, сверкающее прозрачной водой, а на берегу увидел прекрасную птицу, каких не видел никогда в жизни. Она стояла у воды и чистила перья. Вид ее был величав, во взгляде читались гордость и безмятежность. Поначалу Асуф подумал, что это павлин, так как он считал, что красивее птиц не существует. Но, подойдя поближе, заметил, что эта птица красивее самого нарядного павлина, ее перья сияли золотым блеском, излучая чарующий свет. Асуф замер в изумлении и некоторое время наблюдал за этим чудом природы. Красота птицы была так необычна, что нашему герою казалось, что всеми придуманными словами нельзя было ее описать, так как слова, хоть раз уже использованные в жизни, не были столь необычны и чисты, как это божественное создание.

Пораженный красотой и блеском птицы, Асуф решил нарушить правило, которое доселе неукоснительно соблюдал. Он вознамерился поймать ее и отнести в город, чтобы похвастаться этой диковинкой перед друзьями. Он подкрался к ней сзади, бросился и ухватил ее правой рукой, но оказалось, что излучаемый птицей свет обжигал, как огонь. Асуф, едва прикоснувшись к птице, со стоном одернул руку, она же взмыла вверх и быстро улетела. Крылья ее, рассекая воздух, издавали странные звуки, напоминая нечто подобное: ла-ли-ла-ли-ла-ли.

Рука Асуфа, обожженная огнем птицы Лали, так он назвал это удивительное существо, кровоточила и невыносимо болела. Он опускал руку в воду, но от этого боль не ослабевала. Он прикладывал к ране целебные травы, собранные в лесу, но боль не проходила, а лишь немного притихала. Вернувшись домой, Асуф наложил на руку тугую повязку, чтобы остановить кровь, но боль продолжала терзать его.

Долгие годы парень искал способ избавиться от этой боли. Рана всегда кровоточила, и потому Асуф вынужден был ходить с повязкой на руке. Он уже почти смирился с тем, что рана, причиненная огнем птицы Лали, не заживет никогда. Она всегда напоминала ему совершенную глупость – его желание поймать божественную птицу в священном лесу и нарушить гармонию природы. Асуф обошел всех лекарей, живущих в окрестных городах. Они пробовали излечить его разными способами, но в итоге были вынуждены бессильно развести руками.

И вот однажды Асуф попал к знаменитому старцу, который был сведущ в делах лечебных и знал тайны священного леса. Тот сразу догадался, что рука Асуфа была обожжена пламенем божественной птицы Лали, живущей на заоблачном острове. И рассказал, что в былые времена эта птица часто являлась людям, и видевшим ее всегда сопутствовала удача. Но шли годы, и нравы людей менялись, и вот теперь появились желающие пленить божественную птицу Лали, и потому она отделилась от людей, уединившись в своем обиталище.

– Как же мне излечить мою руку? – спросил Асуф.

– Лекарство от болезни можно найти там, где ее причина. Тебе нужно найти божественную птицу Лали, только она может излечить рану, причиненную ее огнем, – ответил старец.

– И как же мне ее найти?

– Тебе предстоит нелегкий и опасный путь. Но, пройдя его, ты обретишь не только исцеление руки... – сказал старец, и Асуфу показалось, что он улыбнулся.

– Но где мне искать эту птицу?!

– Говорят, чтобы попасть в обитель этой божественной птицы, нужно пересечь священный лес, затем пройти через темный лес, куда, как считается, обычным людям ходить небезопасно. Дальше дорога сама тебе откроется, если глаза твои будут достаточно открыты, чтобы увидеть ее.

Асуф осознал, что путь к излечению только один, что надо искать Лали и просить ее избавить от последствий совершенной им глупости. Он решил идти к тому озеру, где встретился с божественной птицей. Для этого ему предстояло пересечь священный лес и попасть в темный.

Наш герой взял с собой кусок хлеба и немного сыра – на случай, если проголодается, и отправился в путь. Проходя по знакомым тропам, он видел ту же красоту, которая радовала его прежде, но прежней радости уже не находил, ибо то, что он познал на берегу озера, было намного прекрасней и затмило все, что радовало его до встречи с птицей Лали.

Он шел по лесу весь день, пока не понял, что заблудился. Как теперь выбираться отсюда, в какую сторону идти? Ответа он не знал. Уже темнело, и Асуф решил заночевать под старым дубом, но перед этим можно было и перекусить. Как только он открыл сумку с едой, послышался топот, затем – вой, эти звуки доносились из-за кустов на краю лесной поляны. Пробравшись к темным зарослям и раздвинув их осторожно, Асуф увидел лань, замершую в испуге, и двух волков, готовых наброситься на свою жертву. Он выхватил из сумки кусок хлеба и бросил его одному из хищников, второму бросил кусок сыра. Это неожиданное вмешательство отвлекло волков, чем тут же воспользовалась несчастная лань: отчаянный прыжок в сторону, и через несколько мгновений, мелькая между деревьями, она исчезла в глубине леса. Волкам только и оставалось, что проглотить и хлеб, и сыр и отправиться восвояси. Так наш герой остался без ужина.

Наутро, открыв глаза, Асуф снова увидел вчерашнюю лань. Приблизившись, она заговорила:

– Спасибо, добрый человек, ты спас мне жизнь. Ты спас и моих детей, без меня им здесь не выжить.

– Ты разговариваешь? – удивился Асуф.

– Да. В этих местах, куда вам, простым смертным, ходить опасно, все обстоит не так, как в вашем священном лесу. Здесь звери могут говорить, и живут они по другим правилам.

Асуф с трудом верил своим глазам и ушам.

– Напейся моего молока, – продолжала говорить лань. – Вчера ты отдал свой ужин волкам, чтобы спасти меня. Сегодня я тебя отблагодарю.

Молоко лани показалось Асуфу слаще меда и сытнее самых лучших блюд, которые он когда-либо пробовал.

Угостив своего спасителя, лань спросила:

– Кто ты и куда держишь путь?

– Меня зовут Асуф, я ищу птицу Лали...

– Это опасная затея. Еще никому не удавалось приручить ее, хотя пытались многие.

– А что это за птица и почему такие не водятся в нашем лесу? – заинтересовался Асуф.

– Она – единственная в своем роде. Это – ключ к счастью достойнейшего из живых. Но есть у нее одна беда – ее одиночество. Много недостойных охотится на нее, и поэтому она перестала появляться на людях. Люди в большинстве своем неразумны. Они хотят запереть в клетке то, что должно быть свободным, чтобы приносить радость. Птица Лали дарила счастье всем, кто ее видел. А сейчас она вынуждена прятаться, спасаясь от тех, кто хочет ею владеть единолично. Такое поведение некоторых алчных людей лишило счастья многих других.

– Я ее видел однажды и по глупости своей решил поймать, но она обожгла мне руку, и теперь я ищу ее, чтобы исцелиться. Согласится ли она помочь мне?

– Ты сам ее спросишь об этом. Но чтобы встретиться с Лали, тебе придется побороть змею, которая охраняет ее обитель. Сама она оттуда уже не выходит.

– Как же мне одолеть эту змею?

– Это необычная змея. Ее смерть – в ней самой. Только ее собственный яд может ее убить. Тебе нужно ее перехитрить.

– И как это сделать?

– Отправляйся к священному озеру. Там ты получишь урок, который пригодится тебе в борьбе со змеей.

– А где находится это озеро?

– Иди в ту сторону, где встает солнце. Когда настанет ночь, взглядишь в небо и найди самую яркую звезду. Повернись к ней и иди в этом направлении до самого утра. Так ты достигнешь озера. Желаю тебе удачи! – с этими словами лань исчезла. Асуф последовал ее наставлениям.

Он шел весь день, сильно устал и проголодался. Уже и сомнения стали одолевать его. Надо отдохнуть, решил юноша и присел на траву, прислонившись к дереву. В этот момент боль в руке усилилась, а сквозь повязку проступила кровь. Асуф, не зная, что делать, снял повязку и припал губами к ране, полученной от прикосновения к божественной птице Лали. И вдруг почувствовал прилив сил, боль утихла, и он продолжил путь, ориентируясь по самой яркой звезде на небосклоне. Утро застало его на опушке леса, – впереди виднелось озеро.

На берегу Асуф увидел большую рыбу, выброшенную волной на берег. Она была еще жива, и он бросился к ней, поднял и выпустил в озеро. Оказавшись в родной стихии, рыба заговорила:

– Спасибо, добрый человек. Ты спас мне жизнь. Кто ты и куда путь держишь?

– Я ищу божественную птицу Лали.

– Ее ищут многие плохие люди, и она больше не показывается.

– Я не причиню ей вреда. Мне нужна ее помощь, чтобы избавиться от раны, которую я получил по своему же неразумию.

– Но ее обитель охраняется волшебной змеей, которую невозможно убить.

– Лань из отдаленного леса предупредила меня об этом, но она также сказала, что обитатели этого озера подскажут мне способ, чтобы справиться с ней.

– Что ж, – сказала рыба, – ты спас мне жизнь, и я научу тебя, как победить змею. Заходи в воду, мы должны опуститься на дно озера.

– Но я не смогу дышать! Я утону!

– Утонешь, если будешь этого бояться.

– Но люди не могут жить в воде...

– А ты стань рыбой.

– Но как? Как я могу стать рыбой? – недоумевал Асуф.

– Таким, как есть, тебя делают твои убеждения. Поменяй их, и ты по-

меняешь свою реальность. Убеди себя в том, что ты рыба!

Асуф несколько раз повторил: «Я – рыба, я – рыба, я – рыба», – и бросился в воду, но тут же в испуге вынырнул.

– Ты не доверяешь себе, – сказала рыба. – Поменяй свое отношение к этой воде. Когда ты до глубины души поверишь в то, что только она может тебя спасти, а воздух может погубить, тогда ты сможешь стать рыбой.

Асуф вспомнил причину, по которой он начал путешествие. Рука его еще болела и кровоточила, а священный лес уже не радовал, и он понял, что должен идти до конца. Осознав это, он твердо решил, что назад дороги нет, и бросился в воду. Теперь он не позволял себе сомневаться, что вода спасительна, как воздух, и – вдохнул. В этот момент он превратился в амфибию.

– Прекрасно! – проговорила рыба. – Пойдем дальше, в глубину.

Асуф и рыба продвигались вместе. Красота подводного мира, его многообразие потрясло. Разновидностей рыб, оказывается, гораздо больше, чем обитателей священного леса, а игра света на их чешуе ничуть не уступает по красоте и многоцветию крыльям самых красивых бабочек. Он смотрел на рифы и водоросли, ракушки с жемчугами, на диковинные создания, не зная даже, как их назвать. Если раньше, соединяясь с лесным миром, он чувствовал единение со всем мирозданием, то теперь понимал, что священный лес – это лишь малая толика творений природы.

В этот момент юноша заметил, что на него с большой скоростью надвигается акула.

– Акула! Что акула делает в озере? – вскрикнул Асуф.

– Это необычное озеро. Здесь ты видишь то, что создается твоим воображением, – ответила рыба.

– Но я не воображал себе никаких акул!

– Создай спасение от нее. Сейчас это актуальней, – спокойно ответила проводница Асуфа.

– Но как?

– Я слышала, рыба-меч может победить акулу. Превратись в нее.

– Но я не умею превращаться! – сокрушался Асуф.

Здесь морской хищник настиг его, и он еле увернулся и быстро поплыл к рифам, чтобы укрыться.

– Но ты же дышишь под водой, – напомнила рыба.

Асуф призадумался: «Раз я смог убедить себя в том, что я могу дышать под водой, значит – могу поменять и свой облик. Нужно всего лишь поменять свое убеждение о своей природе».

Когда акула развернулась и снова направилась в сторону Асуфа, он собрался и молнией понесся в сторону нападающего хищника. За мгновение до столкновения он обернулся рыбой-мечом и пронзил акулу насквозь.

– Ну вот, – пробормотала рыба с апатичным видом. – А говорил, что не можешь.

– Так что же получается, я могу обернуться кем угодно?

– Ты – часть этого мироздания, – объясняла рыба, – а все многообразие на самом деле возникло из одного и того же материала. Все есть

энергия, и разница лишь в том, кем и как ты осознаешь эти части единого целого. Осознай себя рыбой, и ты – рыба. Осознай себя ветром, и ты – ветер. Осознай себя человеком, и ты – человек.

– Неужели все так просто?

– Все так сложно и все так просто одновременно. Все зависит от твоих убеждений.

Асуф был поражен открывшейся действительностью.

– А это действует только в вашем волшебном мире, где рыбы и лани могут разговаривать?

– Нет! – уверенно парировала рыба. – Наш волшебный мир и ваша обыденность созданы из одного материала и построены на убеждениях. Просто в нашем мире царят одни убеждения, а в вашем другие. Вот и все!

Они поплыли в сторону берега.

– Спасибо тебе, – сказал Асуф, выходя из воды.

– Теперь у тебя есть знание, с которым ты можешь победить змею. Применяй его с толком, и тогда ты достигнешь желаемого.

– Где находится обитель божественной птицы Лали? – спросил Асуф напоследок.

– Поднимись вон на ту гору, которая видна на горизонте. Там, на уровне облаков, ты найдешь повисший в воздухе остров. Это и есть обитель божественной птицы Лали. Но остерегайся змеи. Она хитра и опасна!

Асуф три дня и три ночи шел к горе, отдыхая лишь понемногу. Предвкушение скорой встречи с божественной птицей Лали толкало его вперед, а временами обострявшаяся боль в руке отгоняла мысль о возвращении назад. Когда юноша подошел к горе, он устроил привал и уснул. Прошел день, за ним ночь, прежде чем он проснулся и начал восхождение на гору. С каждым шагом его все меньше и меньше заботили мирские проблемы и все то, что он оставил в своем городе. Его разум очищался, а мысли приобретали новое, более высокое звучание. Он шел и восхищался красотой гор, насыщался энергией ветра и чувствовал приближение к небесам.

Достигнув небольшой ровной площадки, Асуф заметил лежавшую на земле птицу. Это был сокол со сломанным крылом. Юноша подошел поближе, сокол попытался подняться, но не смог, только застонал от боли.

– Что с тобой случилось? – спросил его Асуф.

– Я нарушил границы местности, в которой нам отведено жить, и столкнулся с законным обитателем здешней. Он сбил меня, поломав крыло, – отвечал сокол.

– Почему же ты покинул свои места? – поинтересовался Асуф.

Сокол сверкнул взглядом.

– Душа моя жаждала возвышения, но наше место на утесах, а горы – территория орлов...

Асуф нашел две палочки, оторвал от своей одежды тонкую полоску ткани, наложил на перелом и перевязал, чтобы крыло сокола могло срастись.

Сокол после того спросил:

– А ты куда направляешься, добрый человек?

– Я иду в обитель божественной птицы Лали.

– К ней многие стремятся, но не многие доходят. Тех же, кто осмелится приблизиться, убивает змея. Чего ты хочешь от Лали? – пронзительно взглядываясь в глаза Асуфа, спросил сокол.

– Когда-то я встретил ее в нашем лесу, но по глупости своей решил схватить, и пламя опалило мне руку. Теперь я ишу у нее исцеления.

– Что, вот так вот просто заявишься и попросишь?

– Да, именно это я и собираюсь сделать.

– Ты пострадал от своей же глупости, как и я сломал крыло – от своей. И ты, и я нарушили границы дозволенного, будучи неготовыми к тому, с чем столкнемся.

– С чем же я столкнусь, если встречу с божественной птицей Лали?

– А с чем ты столкнулся, когда встретил ее в лесу?

– Я обжегся. Но как мне теперь не обжечься во второй раз?

– Обожжешься ты или нет, зависит от того, с чем ты к ней придешь, – многозначительно произнес сокол.

– С чем же я к ней должен прийти?

– Если принесешь ей алмазные слезы младенца, ее пламя тебя пощадит. А теперь ступай, и пусть тебе сопутствует удача!

– Я не могу оставить тебя здесь одного. Ты не можешь летать, а орлы здесь появляются. Давай я возьму тебя с собой, – предложил Асуф.

– Я ценю твою заботу, – отвечал сокол, – но путь каждого индивидуален. Твой путь – это твой путь, и ты должен его пройти один. Если у тебя есть спутники, ты либо идешь не своей дорогой, либо твои спутники заблудились, или же ты никуда не идешь. Даже если на каких-то этапах твоей жизни у тебя будут спутники, на последнем рубеже, когда ты уже приближаешься к цели, ты останешься один. К этому надо относиться с пониманием и в таких случаях нужно ценить одиночество, ибо оно бесценно. Если я пойду с тобой, я буду лишь обузой. Да и не мой это путь. Лучше отнеси меня в мое гнездо, я буду тебе безмерно благодарен.

Асуф взял мудрую птицу и отнес в гнездо, добыл для нее подобающей еды и накормил. Затем он продолжил свой путь на вершину горы, где ему предстояло взойти на зависший в воздухе остров, скрытый за облаками.

Вот и вершина горы, облако, в котором скрывался остров – обиталище божественной птицы Лали. Наверх вела веревочная лестница, которую могли увидеть только те, чей приход ожидали на висящем острове. Асуф взобрался по лестнице и увидел огромный дворец, совершенно безлюдный, огороженный высоким забором. Во дворе рос ухоженный кустарник в виде различных птиц и зверей. Земля была засеяна разноцветными травами, создававшими причудливый узор. Посередине – сверкающий фонтан, который, казалось, остужал горячий воздух, – все вместе создавало чрезвычайно приятную атмосферу.

Из величественного белого дворца, с колоннами и барельефами, вышла девушка в белом платье с золотым поясом. Голова ее была украшена узкой короной из белых жемчугов, в ушах и на пальцах сверкали золотые украшения с драгоценными камнями.

Взгляд Асуфа привлекла необычайная красота девушки. Гладкая и чуть смуглая кожа, большие темные глаза, локоны каштановых волос, скользящие по открытым плечам...

– Я ждала тебя, Асуф, – произнесла она божественно сладким голосом, звучащим красивее самого красивого пения птиц.

– Я ищу божественную птицу Лали...

– Пойдем со мной, поужинаем, – предложила красавица. – Ты, наверное, голоден.

– Кто ты? – спросил юноша.

– Я – Сана, божественная гурия, – ответила красавица.

Асуф вошел во дворец, оглядываясь по сторонам, пораженный величием и красотой внутреннего убранства. Барельефы на белоснежных стенах были отделаны золотом, колонны поддерживали своды в больших залах, достойных дворцов самых могущественных королей мира.

Пройдя через зал, они вошли в комнату, где на стенах были фрески по мотивам морских и воздушных путешествий. На полу лежал ковер красного цвета, а вся комната была осыпана лепестками красных роз, еще не потерявших запаха весны, на окнах – темно-красные занавеси. Множество свечей освещали комнату мягким романтическим светом. Посередине стоял огромный стол, уставленный различными яствами. Сана усадила Асуфа на мягкий диван, отделанный шкурой леопарда, налила искристое вино и сама уселась рядом с юношей, игриво положив одну ногу на другую.

Асуф ел и пил, рассказывая про свое долгое путешествие. Сана изредка клала ему в рот виноградину, которую юноша принимал из ее пальчиков с большим удовольствием. Затем красавица-гурия села за арфу и стала играть и напевать сладчайшим голосом.

Гость наелся, напился и прилег на диван. Сана прилегла рядом и шептала ему сладкие речи, нежно поглаживая по голове и груди. И Асуф понемногу забыл, зачем вышел в путь, куда и для чего шел. Сана уговорила его остаться навсегда, и он уже хотел бросить все и жить в этом прекрасном дворце, вместе с прекраснейшей из женщин, которых когда-либо видел. Однако наутро Асуфа разбудила боль в руке, и он увидел рядом с собой спящую Сану. Опьянение прошло, и он решил сбежать, пока гурия спит. Но когда он выходил из дворца, увидел ее стоявшей в дверях.

– Куда собрался, мой дорогой? – пропела гурия сладким, завораживающим голосом.

– Мне нужно к божественной птице Лали, – ответил Асуф.

– А как же я? – жалобно посмотрела она на юношу. – Неужели ты меня бросишь одну?

– Я начал путь, чтобы встретиться с божественной птицей Лали, и должен дойти до нее, – уверенно произнес он. – Скажи, где она?

И тут Сана разгневалась и обернулась огромной шипящей змеей. От неожиданности Асуф немного растерялся, но, вспомнив наставления рыбы, тоже обернулся змеей и вступил с ней в схватку. Каждый раз, когда Сана пыталась его укусить, он изворачивался и сам кусал ее. Он впрыскивал в нее яд, но она не умирала. Тогда он обвился вокруг, чтобы задушить,

но не мог ничего поделывать. «Ее смерть в ней же самой, – вспомнились ему слова лани. – Только ее собственный яд может ее убить». И тут Асуф превратился в маленького зайчика, подскочил и укусил ее за хвост. Сана резко бросилась на Асуфа, чтобы проглотить, но он ловко отпрыгнул в сторону, и пасть змеи вцепилась в свой хвост. Тут же змея обрела образ прекрасной девушки, бледной и умирающей. Перед смертью девушка сказала, что ход к обиталищу божественной птицы Лали находится в пещере на холме, за стенами дворца.

Асуф покинул дворец и отправился к холму, на который указала гурья. Дойдя до вершины, обнаружил вход в подземелье, скрытый зарослями кустов и колючих деревьев. Он аккуратно раздвинул ветки, стараясь не пораниться, и вошел в пещеру. Перед ним была длинная лестница, ведущая вниз, так далеко, что он не видел другого ее конца. В некоторых местах были лестничные пролеты, где располагались своеобразные помещения, выбитые в камне. Спустившись до первого уровня, он оказался в комнате, в которой увидел себя, но в прошлом, некоторое время назад, когда его бросила невеста. «Я ухожу от тебя, – говорила она. – Моя любовь угасла».

Предательство любимого человека огнем распирало его грудь, огонь рвался наружу, но, не найдя выхода, ослаб и начал тлеть. В груди остался черный комок сажи. Асуф заметил, что этот комок и сейчас доставляет ему нестерпимую боль. Он не хотел больше его теревить, и уже подумывал выйти из пещеры и отправиться домой. Но снова вспомнил о своей цели. Боль в руке была сильнее, чем боль от сгустка сажи в груди. Воспоминание снова всплыло, огонь поднялся откуда-то снизу, заполнил его грудь и начал плавить черный сгусток. Асуф развел руки по сторонам, воздел лицо к небу и со стоном, вместе с пламенем, исторг из груди всю злость, сжигавшую его изнутри. Затем он потихонечку стал остывать, опустился на колени и заплакал. Кровавые слезы капали на его руку, и юноша понял, что простил бывшую невесту и отпустил ее в прошлое с миром и благодарностью за все хорошее, что она подарила ему.

Собравшись с духом, он начал спускаться по лестнице дальше. В следующем пролете он снова обнаружил себя, пятнадцатилетним, когда пьяный отец устроил скандал в доме и они сильно поссорились. Обида подступила к горлу Асуфа. Человек, которым он хотел гордиться, подражать ему, вел жизнь, далекую от представлений Асуфа о порядочности.

– Ты, юнец неопытный, будешь мне указывать, как жить? – отец зло треснул Асуфа по затылку. Юноше пришлось проглотить свою обиду, ибо не мог препариться он с отцом. Но серым каменным куском эта обида засела у него в горле.

– А-а-а! – вскрикнул Асуф. Глаза его загорелись яростью, он бил руками и ногами по стенам каменной комнаты, в которой находился. Выплеснув всю свою злость, он почувствовал, как освободилось горло, снова сел и заплакал. Обида на отца вышла у него мутными густыми слезами зелено-салатового цвета.

Затем, спускаясь по лестнице, Асуф попал в комнату, где перед ним развернулась другая сцена, где мать, за небольшую шалость, сильно от-

ругала его и заперла одного. Чувства брошенности и одиночества сковали его. Он свернулся калачиком и плакал до дрожи, ворочаясь на полу. Вскрикивал и ходил по комнате взад-вперед, потом снова ложился. Слезы сменялись злостью. Он хотел убежать из дома, но был слишком мал, чтобы одному куда-то идти.

Теперь Асуф испытал то же одиночество и ту же брошенность и почувствовал тяжелый холод в спине, тянущий его плечи вниз, сгибающий позвоночник. От ощущения беззащитности на него нашло отчаяние. Он сел на корточки, прислонившись к холодной стене скальной комнаты, и заплакал холодными солеными слезами. С каждой каплей его обида на маму проходила, спина выпрямлялась, и силы возвращались к нему.

Этот случай растворился, и обида на мать прошла, ведь было много других случаев, когда она проявляла любовь и заботу. После этого Асуф почувствовал себя бодрым и свободным. Ему показалось, что он расправил крылья, а спина выпрямилась. Радость и легкость переполняли его, а в темном коридоре пещеры он видел свет.

Там, впереди, оставался один лестничный пролет. Выйдя на ступеньки, он призадумался: «А стоит ли? Что меня там ждет?» Он не хотел терять состояния уюта и свободы, достигнутого избавлением от прошлой боли. Это было состояние, которое его устраивало. Но боль в руке снова напомнила о себе. Асуф решился идти дальше и быстро оказался в последней комнате. Там он увидел момент своего появления на свет. Состояние полной радости, тепла, заботы и защищенности, которое было в утробе матери, сменилось новой жизнью – открытой, незащищенной и полной неожиданностей. Он плакал так, как плачут все младенцы в момент рождения.

Асуф сел, подогнув под себя ноги. Смотрел и плакал. Он плакал от умиления, от обретенного опыта, от эмоций, которые обогатили его душу, позволив ей вырасти. Это были слезы благодарности за жизнь, которую ему подарили родители. Это были слезы любви, которую он теперь испытывал к жизни. Его слезы текли по щекам и, капая на пол, превращались в маленькие алмазы. Они сверкали чистотой, были крепки опытом и красивы цветами самой жизни.

Так он просидел некоторое время, затем собрал алмазы слез младенца и направился дальше, где был выход к обители божественной птицы Лали.

Асуф вышел на поляну, с которой были видны рощи, реки, горы и голубое небо. Казалось, вся красота мира сошлась в этом месте. Посреди поляны стояла божественная птица Лали, сверкая своим многоцветием, обьятая огненным светом. Асуф подошел к ней и сказал:

– О, божественная птица Лали! Я пришел попросить тебя избавить меня от ожога, который я получил от твоего огня, прикоснувшись к тебе по собственной глупости.

– Лали? – с улыбкой спросила птица.

– Люди тебя так называют, потому что крылья твои издают такой звук.

Божественная птица рассмеялась.

– Меня зовут Любовь, – промолвила она. – И огонь мой – это огонь настоящей любви.

– И как же мне избавиться от ожога этой любви? – поинтересовался Асуф.

– Ты хочешь избавиться от любви?

Такое определение его цели привело Асуфа в некоторое замешательство.

– Она доставляет мне боль.

– Ты можешь избавиться от боли в руке, и тогда будешь знать лишь мирскую любовь. Ту, которая угасла оттого, что невеста тебя бросила. Ту, которая тебя обольщала, чтобы забрать твою душу и пленить тебя...

– А какова настоящая, божественная любовь, дарящая свободу? – прервал ее Асуф.

– Она – как пламя. В ней сгораешь всецело, воссоединяясь с бесконечностью и всеединством. Настоящую любовь чувствуешь изнутри, она не нуждается в подпитке снаружи. Это твое состояние, которое ты излучаешь во внешний мир. Настоящая любовь стирает тебя самого, становясь твоей сущностью. И тебе придется выбирать. Либо я избавляю тебя от боли в руке, и ты отправляешься домой, чтобы вести мирскую жизнь, либо ты выберешь божественную любовь и сгоришь в моем огне полностью.

Асуф задумался и вспомнил весь путь, который прошел. Вспомнил свою жизнь и понял, что он уже другой человек, не такой, каким был, начиная путь. И юноша решил, что остается с божественной птицей Лали. Он понял, что безмятежность и внутренний свет, которые видятся людям как огонь, и что, по сути, является светом любви, – это та единственная жизнь, которой он хочет жить дальше.

– Я хочу сгореть в пламени любви и сам превратиться в любовь, – уверенно сказал Асуф.

– Тогда положи свою жизнь мне под ноги.

Асуф достал из кармана алмазные слезы младенца и положил под ноги Лали. И тут она обернулась прекрасной девушкой, с которой не могла бы сравниться ни одна земная женщина, и даже гурия Сана блекла на ее фоне. Светловолосая кудрявая красавица смотрела на него глазами синего неба. Она обняла его, и все тело Асуфа охватило пламя. Боль в руке слилась с всеобщим пламенем, превращаясь в блаженство. Теперь и он представлял собой Любовь, излучая изнутри свет, который может обжечь неготового к этому человека и подарить невероятное блаженство тому, кто готов положить на алтарь любви свою жизнь.

И остался Асуф жить вместе с Лали на зависшем в воздухе острове, скрытом облаками. Иногда он, как и его спутница, появлялся на людях, и видевшие его обретали земное счастье. Те же, кто был готов пройти путь до этого острова, обретали настоящую любовь и бесконечное счастье.

ЛЕГЕНДА О НАРЗАНЕ

В давние времена у одного кабардинского князя было много жен, но все они рожали только девочек. Прошло немало лет, прежде чем одна – самая любимая – подарила ему сына.

Радость князя была безгранична, и он пренебрег обычаем аталичества – решил сам воспитывать сына. К шестнадцати годам его наследник стал настоящим джигитом, метко стрелял, великолепно владел шашкой, мог на охоте с одним кинжалом пойти на медведя или кабана. Постиг он и все тонкости адыгского этикета. Но он должен быть еще и «европейски воспитанным человеком», – решил князь и отправил его на учебу во Францию.

Вернулся сын с инженерными знаниями и европейскими взглядами на жизнь. Глаз радовали его выправка, галантные манеры и неиспорченные низменными страстями тонкие и правильные черты юного лица. Блестящий жених.

По обычаям того времени отец юноши решил выбрать для него жену. Но сын сказал, что сам хочет отыскать её. Такое своеволие детей не было свойственно адыгам, но князь слишком любил сына и не стал настаивать на своем. Однако идут дни, месяцы и годы, а желанной всё нет. Ему уже двадцать пять, а суженой как не было, так и нет. Ну, не встретил её, и все тут! И внутренний голос подсказывал: поезжай на восточный базар и найдешь то, что ищешь. Он и поехал.

Восточный базар потряс его. Все было для него соблазнительно и необыкновенно: воздух, пропитанный ароматами пряностей, оружие с тончайшей отделкой, удивительно быстрые и выносливые скакуны, невероятной красоты изделия ремесленников, всевозможные ковры и тончайшие ткани, древние книги, – все, что можно пожелать и о чем можно мечтать.

Много времени провел сын князя на базаре, покупая арабских и ахалтекинских скакунов, дамасские кинжалы и сабли. В один из дней он повстречал здесь молодого человека, который привлекал всеобщее внимание одеянием, манерами, фигурой греческого бога, глазами, выдающими живой ум и незаурядную смекалку. Сыну князя захотелось, чтобы этот джигит был его соплеменником. Он подъехал к нему и поприветствовал на своем языке:

– Пусть будет счастливым твой день!

– И тебе пусть Тха (верховный языческий бог адыгов) подарит счастливый день! – ответил джигит.

Познакомились они и по обычаю того времени поклялись быть кунаками. Джигит рассказал историю своей жизни, и так случилось, что она в точности совпадала с историей названного брата. И он – единственный сын кабардинского князя, и у него в семье одни сестры, и он учился за границей, с той лишь разницей, что в Турции,

а не во Франции. И его родители настаивали, чтобы он женился на черкесской княжне, которую он никогда не видел. А рассказам о её «неземной красоте» он не верил. Более того, он тоже сам хотел найти себе будущую спутницу жизни. Все совпадало. Это окончательно сблизило молодых людей.

Настало время расставаться. Стали собираться кунаки в обратную дорогу. И на вежливое приглашение сына князя погостить у него джигит с радостью откликнулся. Он объяснил свое нежелание возвращаться в отчий дом тем, что престарелые родители опять будут говорить о необходимости жениться на черкесской княжне.

Приехали названные братья к князю и тут же послали гонца к родителям джигита – сообщить о его решении погостить у сына князя.

Хорошо быть гостем в адыгской семье. В его честь режут жертвенное животное, устраивают танцы и игры, одаривают различными подарками. Считается неприличным спрашивать о цели визита, сроках пребывания в семье хозяина. Другими словами, делают все, чтобы гость не скучал и чувствовал себя как дома.

В один из дней поехали названные братья на охоту и погнались за зайцем. И когда казалось, что они его поймали, он пропал, а на его месте стояла девушка необычайной красоты. Может быть, исчезновение зайца не было связано с чудесным появлением девушки, но это весьма впечатлило названных братьев. Да и красота девушки не могла оставить их равнодушными. Она была полноценным олицетворением кавказской красоты: светлая кожа и волосы, голубые глаза, точеная фигурка как будто впитали в себя всю красоту и гармонию мира.

Молодые люди представились, познакомились с девушкой и проводили её до дома. Прошло несколько дней. Между молодыми людьми легла легкая тень взаимной неприязни. Через ночь один из них уходит из дома и возвращается под утро. Потом исчезает другой. Когда им стало трудно поддерживать видимость дружеских отношений, они признались, что оба влюбились в девушку и по ночам ходят к ней на свидания. Они говорят ей о своих чувствах, веселят интересными историями, рассказывают о своей жизни. Все чинно и благородно. Но что же дальше? «Давай познакомимся с её семьей», – предложил один из них.

Сказано – сделано. Поехали они по знакомому адресу. Оказалось, что её воспитывают дедушка с бабушкой, она единственная любимая внучка, а родители её живут в другом месте. Они очень уважаемые люди из древнего кабардинского рода первостепенных дворян – тлекотлешей, не уступавших в знатности князьям.

Когда молодые люди приехали к ней в дом, она призналась, что любит их обоих, но ей нужно время, чтобы определиться окончательно. Когда же она призналась, что любит сына князя больше, другой сказал: «Клянусь всеми богами, я до конца жизни буду любить её, но уже как сестру».

Сын князя рассказал отцу о том, что он, в конце концов, нашел суженую. Обрадовался князь и послал сватов к родителям девушки.

Сыграли великолепную свадьбу. Князь решил подарить сыну свадебное путешествие в Аравию, в священную для мусульман Мекку. Он собрал богатый караван, охрану и благословил молодых на столь почетное и многотрудное путешествие. В своем счастье молодожены забыли о друге-джигите.

С глубокой печалью наблюдал он за всеми приготовлениями. Его вид расстроил молодую жену сына князя, и она предложила мужу взять его с собой в путешествие. Джигит с радостью согласился, сказал, что из вежливости ничего не говорил, а сам страстно мечтал поехать с ними. И они отправились в путь. По дороге успешно торговали товарами, приобретали нужные в быту вещи, молились в мечетях, которые встречались им на пути. И вот остается один день пути до Мекки. Вечером караван остановился, впереди была видна мечеть.

Новобрачный предложил: «Пока вы будете ставить шатры, я поеду и помолюсь в мечети. Меня туда внутренний голос зовет. А вы оставайтесь». Поскакал сын князя к мечети и долго не возвращался. Уже время вечерней молитвы закончилось, а сына князя нет. Беспокоится жена, переживает друг.

Жена думает: «Мой муж – общительный человек. Может быть, встретил кого или разговорился с муллой...»

Наконец джигит решил поехать за сыном князя. Подъезжает к мечети. Видит, к коновязи привязан конь, а сына князя нет. Очень странно выглядит и сама мечеть. Как будто никто не заходил туда лет двадцать или тридцать. И лишь следы сына князя выдают, что он там. Зашел джигит в мечеть и увидел обезглавленного сына князя, а между телом и отрубленной головой вбит меч.

Зычным голосом джигит вызывает на бой того, кто убил его названного брата. Тишина. Еще громче обращается он к невидимому врагу, но ответа нет.

Вдруг голос из-под купола говорит:

– Ты меня никогда не увидишь и не найдешь! Если не хочешь, чтобы тебя признали убийцей – отдай свою жизнь! О твоей любви к жене сына князя знают все и могут подумать, что это ты убил названного брата из ревности. Решайся – и избежишь позора, подумай о чести адыга!

После недолгих колебаний джигит соглашается. Из темноты летит меч, который отрубает ему голову. Он падает рядом с сыном князя. Меч втыкается между его телом и головой.

Долго ждала молодая жена названных братьев. Солнечный диск уже коснулся горизонта. Надо было на что-то решаться. Обращаясь к охране каравана, она решительно сказала:

– Никто, кроме меня. Я поеду на поиски мужа и его друга, а вы оставайтесь, ждите!

Прыгнула на коня и поскакала к мечети. Видит коновязь, двух коней. Заходит в мечеть, и страшная картина открывается ее взору. На полу лежат обезглавленные братья. Запричитала она, обратилась

к Всевышнему с мольбой – воскресить их. Ответа нет. Лишь эхо вторит её словами. Еще раз с мольбой обратилась она к Создателю.

Тот же голос из-под купола говорит:

– Там, в дальнем углу мечети, стоит кувшин с живой водой, побрызгаешь на раны друзей и они оживут. Торопись, женщина, если не успеешь до захода солнца, сила живой воды пропадет.

Все сделала она, как велел голос. И оба родных для неё человека ожили. Бросилась она на грудь к мужу и почувствовала неладное. Оказывается, она все перепутала и в спешке приставила голову мужа к телу джигита, а к голове джигита – тело мужа.

Тот же голос из-под купола вещает:

– Если немедленно не выберешь одного из них и не назовешь его мужем, оба умрут. Женщина выбрала – голову мужа и тело джигита. Благополучно доехали они до Мекки. Совершили необходимые ритуалы и отправились в обратный путь. И так случилось, что возвращались они через селение, где жила черкесская княжна, которую прочили джигиту в жены.

В честь гостей родители черкешенки устроили празднества. В программе торжеств были увлекательные соревнования по меткости в стрельбе, борьбе, полувоенные битвы конных и пеших отрядов и тому подобное.

Гостей обильно угощали вареной, жареной и приготовленной на углях бараниной, говядиной, домашней птицей, дичью. На адыгский треножный круглый стол подавали всевозможные супы, молочные и хмельные напитки, приправы на основе сметаны или кислого молока со специями, адыгский хлеб из пшена – пасту, мамалыгу, творог, различные сыры, фрукты, мед, всевозможные сорта чая из дубовой коры, сушеных плодов, листьев айвы, чабреца, зверобоя.

Торжества были в самом разгаре, когда сын князя увидел в кругу танцующих очень красивую девушку. Это была та самая черкешенка, которую прочили джигиту в жены. Объявили праздничный парный танец «Удж». Это единственный черкесский танец, где юноши берут за руки девушек, и только тогда появляется возможность близкого общения юноши и девушки, не нарушая сложившихся в народе этических норм.

Во время исполнения танца раскрылся новый этап взаимоотношений танцующих – сына князя с телом джигита и черкешенки. Их движения, взгляды, расположение в танце по отношению друг к другу выражали согласие в мыслях и чувствах.

Еще в древней Греции было известно, что стрелы любви, стрелы Амура, поражают сердце. С тех пор в народе говорят, что человек любит «не головой, а сердцем», и тот, кого сразили стрелы любви, находится в безысходном плену у этого чувства. И сердце джигита дрогнуло. Он влюбился. Голова сына князя, приставленная по ошибке к телу джигита, и его холодный рассудок говорили: «Ведь ты женат! Да и суровые обычаи нашего народа не одобряют супружеских измен». Но сердцу не прикажешь, и оно заглушало до-

воды рассудка сына князя. Выйдя из круга, он решил посоветоваться с другом. «Он тоже европейски воспитанный человек. Он тоже обладает широким кругозором и к тому же в совершенстве знает обычаи адыгов. К кому же еще обращаться?» – подумал он.

Молча слушал сына князя джигит, и не сразу нашелся, что сказать. Ведь к голове джигита было приставлено тело сына князя, а в его груди билось сердце, которое любило молодую княжну как свою жену. Это же сердце не хотело огорчать и своего друга. Надо было совместить несовместимое – помочь другу и страшно обидеть жену. Наконец он принял решение. «Тебе, – сказал он, – надо украсть черкешенку, а я помогу».

Вечером джигит попросил младшего брата черкешенки позвать её для серьезного разговора к колодцу недалеко от её дома. Когда она пришла, друзья набросили на неё бурку, перекинули через коня и понеслись прочь.

Через несколько минут в доме черкешенки опомнились и бросились в погоню. Суровая кара, а возможно и смерть, ждала похитителей. Преследователи стали настигать беглецов. Вскоре путь им преградила река.

Сын князя с черкешенкой начали переправу, а джигит остался на берегу. Завязался бой с преследователями. Неумолимая шашка джигита и точные выстрелы сделали свое дело – часть преследователей была уничтожена, другая ранена, а третья еще не поспела к полю боя. И тут один из раненых успел сделать последний выстрел, и джигит упал бездыханный. Но для беглецов все складывалось удачно. Они добрались до противоположного берега и стали недосягаемы для преследователей.

А в месте, где погиб наш герой, появилось много источников нарзана, несущих свои чистые и животворные воды в ближайшие реки. Причем русла этих ручьев всегда красные, как будто по ним до сих пор течет горячая кровь джигита.

ХАТТЫ

Устанавливая происхождение народа (этногенез), следует иметь в виду, что этническая преемственность может быть тройкой: физической, языковой и культурной. Физическая преемственность означает прямое биологическое происхождение от тех или иных предков и выражается в передаче определенных внешних (расовых) признаков. Языковая преемственность также указывает на историческую связь данного народа с этническими группами, которые были носителями этого языка (или его предшественника) на более ранних этапах истории. Наконец, культурная преемственность является наиболее расплывчатым и неопределенным понятием [16]. Так, культурные связи между народами Причерноморья прослеживаются со времен палеолита, являя схожесть и многообразие в течение многих тысячелетий, однако одно это не может служить доказательством их родства. К словам И. М. Дьяконова можно добавить и то, что с развитием генетики к перечисленным факторам, определяющим этногенез, можно прибавить четвертый и, возможно, самый важный из всех факторов – генетический. Именно генетическая общность позволяет установить наличие или отсутствие связей между теми или иными племенами. Я касаюсь этих вопросов потому, что исследования ученых позволяют предположить, что одними из предков адыгского народа были хатты. Возможно, это только предположение, хотя оно подтверждается рядом фактов. Попробуем рассмотреть эти факты и определить наличие связи между нашими народами.

В глубокой древности на территории Турции и Сирии существовала могущественная держава, которая была соперницей Египта и Двуречья – третья великая держава Древнего Востока. Эта держава называлась Хатти. Аборигенами этой страны было племя хатты, к которому позже присоединились другие, одним из которых было племя хеттов. За несколько веков существования страна достигла невиданного могущества. Ее границы простерлись с запада на восток от Эгейского моря до Евфрата и даже до Тигра, а с севера на юг – от Черного до Средиземного морей, по суше же доходили до Сирии. Несмотря на рост населения страны за счет других племен, хатты составляли ее значительную часть.

Впервые хатты упоминаются в документах Аккадского царства, сообщающих о походах их правителей в Малую Азию. Так, основатель царства Саргон (2316-2261 гг. до н.э.) направился в Малую Азию, чтобы помочь здешней колонии ассирийских купцов, которую притесняли власти лежавшего неподалеку города Пурусханда (предполагают, что он находился на равнине Конья). Согласно тексту предания, поход состоялся и был успешным. Еще один месопотамский правитель Нарам-Суэн, четвертый царь аккадской династии, тоже воевал на окраине Анатолии. Согласно преданию, он сражался с коалицией из семнадцати царей, среди которых был и царь Хатти по имени Памба. Как замечает английский историк Оливер Герни, «это позволяет думать о том, что по меньшей мере одна группа индоевропейских пришельцев уже находилась в области Хатти, хотя и не владела ею». Впрочем, достовер-

ность этого события неясна, хотя, по-видимому, именно Нарам-Суэн разрушил один из торговых центров Сирии – Эблу [9,111].

В эпоху раннего и среднего бронзовых веков, в период 2500-2000 гг. до нашей эры, хатты населяли центральную и юго-восточную части Анатолии. Древнейшее название Анатолии – «страна Хатти». Впервые оно встречается на клинописных табличках из Месопотамии периода Аккадской династии (около 2350–2150 гг. до н.э.). Такое название страны, согласно ассирийским хроникам, использовалось в течение 1500 лет, примерно до 630 г. до н.э. Центром страны было горное плато, которое природа оградила от внешнего мира горами и реками. Плато омывали реки Кызыр-Ирмак, или Галис (или Марассантия), и Сакарья (в древности – Сангариус), которые впадали в Черное море. В давние времена они были естественными разделительными линиями между государствами и культурными областями. Река Кызыл-Ирмак, начина-

ясь в горах на востоке, текла довольно далеко на юго-запад; затем, когда она подходила к соленому озеру, огибая гряду гор, преграждавших ей путь, река образовывала излучину, начиная течь в обратном направлении. Эта излучина очерчивала территорию, где жили хатты. Далее река, прорвавшись через горы в северо-восточном направлении, впадала в Черное море. Место проживания хаттов со всех сторон окружали горы: на юге – Тавр, на востоке – череда гор с Антитавром, а на западе и севере – ряд разрозненных горных хребтов. Прибрежные области к северу и югу сюда не включались, а западная половина полуострова длительное время находилась под властью соперничавшего с ними царства Арцава. Это царство представляло собой союз государств лувийцев, бывший то вассалом, то союзником, то врагом державы Хатти [22].

Приблизительное представление о масштабах Хеттского царства может дать описание, приведенное В. Замаровским в его книге «Тайны Хеттов». По его словам «Центром его (Хеттского царства) была область, ограниченная на западе линией, которая тянется от Анкары мимо озера Туз на юг, к самому Средиземному морю. На востоке, тоже приблизительно, ее граница проходила по течению реки Евфрат, на севере – вдоль Черного моря на расстоянии 100-200 километров от него, а на юге основная территория хеттов простиралась до современного Ливана. Временами границы этого царства достигали на востоке нынешних Грузии и Армении, на западе – Измира, на юге – Дамаска. Территория, ограниченная этими крайними точками, по своей площади была приблизительно равна современной Англии или Италии. Ее центр по своим размерам равнялся собственно Вавилонии и Ассирии и примерно вдвое превосходил населенную территорию Древнего Египта – это было великое царство».

Самым крупным центром Хатти был город Хаттусас, или Хаттуса. Хаттуса лежала на северном склоне одного из горных кражей, там, где плато начинало спуск к Черному морю. Два потока, текущие на север с этих гор по крутым, каменистым руслуам, встречались у подножья склона близ современной деревни Богазкей – самого древнего поселения в Хаттусе. Отсюда открывался прекрасный вид на долину, защищенную на севере только ближайшей грядой Понтийских холмов, лежащих в пятнадцати милях. Эта долина была местом, где скрещивались два самых древних торговых пути, один из которых вел от Эгейского побережья через нижнее течение Галиса к Сивасу и на восток, другой – на юг, от черноморского порта Амисуса (Самсун) к киликийским воротам. Киликийские ворота были самым известным проходом в горах Тавра. Историческая «страна Хатти» во 2-м тысячелетии до н.э. была государством, а позднее империей, созданной царями, правившими из этой горной цитадели [12]. В этих долинах в 8-4 тысячелетиях до н.э. возникли центры раннеземледельческих культур, где человек занимался земледелием и скотоводством, строил прочные дома, делал нарядные расписные керамические изделия. Хозяйственная жизнь и прикладное искусство достигли здесь довольно высокого уровня. Об этом свидетельствуют раскопки таких поселений того времени, как Чатал-Хююк и Хаджилар, представлявших собой крупные и благоустроенные земледельческие центры. Но недостаток земли, пестрый этнический состав и довольно высокая плотность населения приводили к конфликтам и межплеменным столкновениям. Чатал-Хююк оказался

одним из самых первых поселений на планете, возраст обнаруженных там фресок равен восьми тысячам лет [22].

После 2500 года до нашей эры в Центральную Анатолию стали переселяться индоевропейские племена, в числе которых были и хетты. Переселенцы представляли собой разные племена, некоторые из них были связаны родственными узами. Существует несколько гипотез, касающихся путей этого переселения. По одной из ранних гипотез, они проникли с северо-запада, с Балканского полуострова, через проливы Дарданеллы и Босфор. Однако, по мнению большинства исследователей, они пришли с северо-востока, из Причерноморья, через перевалы Кавказа. Перед вторжением в Анатолию они какое-то время жили к югу от Кавказского хребта. В качестве доказательства этой версии немецкий филолог Фердинанд Зоммер (первая половина прошлого века) приводил строки молитвы царя Муваталли: «Небесный бог Солнца, мой господин, пастырь человечества. Ты встаешь, бог Солнца, из моря и всходишь на небо». По-видимому, эта молитва была составлена до переселения индоевропейцев в Малую Азию, поскольку здесь они жили во внутренних областях полуострова, а в молитве, очевидно, упоминается Каспийское море, на западном побережье которого хетты могли жить некоторое время [9, 113-114]. Сравнительно недавно Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов выдвинули теорию, согласно которой первоначально областью расселения индоевропейцев – их прародиной – была область Передней Азии – от Южной Туркмении до Северной Месопотамии. Ее близость к Двуречью объясняет высокий уровень культуры индоевропейцев в раннем бронзовом веке. Предполагается, что будущие хетты перекочевали на незначительное расстояние – из Восточной Анатолии на запад. К этому времени внутренние районы Ана-

толии были уже населены. Анатолия, по замечанию американского историка Джеймса Маккуина, превратилась «в страну маленьких городов-государств» [9, ч. 2].

В Библии хетты впервые упоминаются в 19 веке до нашей эры, как дети Хета, жившего в Хевроне в Палестине. Библия, как исторический документ, особенно в том, что касается географии народов и царей, книга довольно точная. Если в ней и встречаются ошибки, то лишь по вине переписчиков.

Как сказано в Книге Бытия: «Авраам поселился в Хевроне (юг Палестины), переехав сюда из Египта: «И двинул Авраам шатер и пошел и поселился у дубравы Мамре, что в Хевроне, и создал там жертвенник Господу» (Быт. 13,18). Здесь встретил он хеттов: «... и говорил сынам Хетовым... я у вас пришелец и поселенец» (Быт. 23, 3–4). Хетты отнеслись к нему радушно, а после смерти жены Сары «...достались Аврааму поле от сынов Хетовых и пещера, которая на нем...» (Быт. 23, 20). Хеттеянин Ефрон (Эфрон) – сын Зохара (Цохара), владел пещерой Махпела в эпоху Тельца. Он отдал ее Аврааму во славу грядущей эпохи Овна». Это поле находилось вблизи Хеврона (Ханаана) – одного из древнейших городов Палестины. «От Ханаана родились: Сидон, первенец его Хет» (Бытие, 10,15), имя которого этот край сохранял до начала исторической эпохи. Недаром библейские словари, выпущенные в начале прошлого века, сообщали: «Хеттеи – народ ханаанский».

В то время хеттское царство еще не распространилось столь далеко на юг, поэтому можно говорить о том, что в Хевроне жило одно из хеттских племен, не пожелавшее объединиться и ушедшее на юг. Позже по Библии хетты населяли всю Сирию – вплоть до берегов Евфрата, а по данным профессора ассириологии преподобного А. Г. Сейса, опубликованным в 1880 году, вся горная страна, лежащая к северу от Месопотамии, включая Малую Азию, была населена хеттскими племенами. Хеттские объемные фигуры с обрамляющими их иероглифами и хеттские стелы были обнаружены в разных местах Тавра и Антитавра, Вавилоне, Сирии, Месопотамии [6]. Когда по прошествии нескольких веков сыны Израилевы вслед за Моисеем устремились в Палестину, хетты все еще жили там: «Амалик живет на южной части земли, Хеттеи, Иевусеи и Амирреи живут на горе...» (Чис. 13, 30). Исаб берет в жены хеттеянок (Бытие XXVI.34; XXXVI.2), Иерусалим – незаконный отпрыск аморрея и хеттеянки (Иезеюиль. XVI.3), женой царя Давида была хеттеянка, мать знаменитого Соломона; у Соломона были жены-хеттеянки (3-я книга Царств XI.1) (В. Бацалев, А. Варакин «Как были открыты хетты», Волков, стр.7-8). В Ветхом завете при перечислении племен, живших в Палестине до прихода на землю обетованную израильтян, указаны и хетты. Этот перечень племен приведен в книге Бытия (15.19-21) и в книге Иисуса Навина (11.10). То, что хетты являются исконно палестинским племенем, отмечается и в других местах Ветхого завета.

О том, что хетты были не малозначимыми племенами, а могущественным народом, вместе с А. Г. Сейсом цитирует Библию и миссионер в Дамаске, его коллега, преподобный У. Райт. В 7-й главе второй Книги царств приводимой им англиканской Библии говорится об осаде сирийцами (арамеями) израильской крепости Самарии. В одну из ночей у стен города «послышался стук колесниц и ржание коней, шум войска большого». Слышавшие это си-

рийцы сказали в страхе: «...верно, нанял против нас царь Израильский царей Хеттейских и Египетских, чтобы пойти на нас». Страх охватил их, и побежали они. В данном отрывке хеттский царь упомянут прежде царя египетского, «что является аргументом, доказывающим его значимость и подтверждающим то, что в Передней Азии, наряду с египетской и ассирио-вавилонской, существовала еще третья великая держава – хеттская.

Утверждения А. Г. Сейса и У. Райта о существовании Хеттской империи нашли поддержку со стороны архивных документов, обнаруженных на берегах Нила. На основании этого в 1880 г. А. Г. Сейс прочел в Обществе библейской археологии доклад, в котором уверенно заявил, что в древние времена вся горная страна, лежащая к северу от Месопотамии, включая всю Малую Азию, несомненно, была населена хеттскими племенами (17, гл. 1). Помимо Библии во 2-й книге Паралипоменой (I.17) говорится о том, что Соломон ввозил лошадей из Египта и продавал их «царям хеттейским и царям арамейским».

Когда исторические хроники Египта были расшифрованы, оказалось, что цари XVIII династии имели сношения со страной, называвшейся Хетта, начиная с тех лет, когда Тутмос III проник на север Сирии и перешел Евфрат в XV в. до н.э. Народ Хетты со своими многочисленными союзниками сражался против Рамсеса II в битве при Кадеше на реке Оронт. Эта битва с большими подробностями была описана египетским поэтом Пентауром. Тот же царь в более поздний период своего царствования заключил с хеттами договор, текст которого был высечен на стене великого храма в Карнаке. Народ Хетты в египетских текстах и хетты в Ветхом завете представляли собой один и тот же народ.

Первоначально пришельцы (хетты) расселились на новой для них территории, а затем постепенно смешались с местным населением. Возможно, были и отдельные столкновения между ними, о чем свидетельствуют обнаруженные следы разрушенных и выжженных городов и поселков, относящиеся примерно к 2000 году до н.э. В то же время многие хаттские князья сохранили свою власть и после появления чужеземцев. Почти полтора века индоевропейцы спокойно жили в Анатолии, прежде чем решились захватить власть в стране, приютившей их, чему способствовали раздоры среди хаттов [9, 111-113]. Хеттские племена возглавляли вожди, самым могущественным из которых был царь Куссара – Анитас, чьим именем начинался список 29 хеттских царей. Около 1800 года до н.э. Анитас двинулся большим войском против Хаттусаса, царя Хатти, разбил его хаттийских защитников, а сам город сравнял с землей. «Я взял его ночью приступом, – повествует он в храмовой надписи на древнейшем хеттском языке, копия которой представляет собой один из драгоценнейших клинописных документов Богазкёйского архива, – и на месте его посеял бурьян. Если кто-нибудь из тех, кто будет царствовать после меня, вновь заселит Хаттусас, пусть покарает его небесный бог Грозы!». Несмотря на это проклятье, спустя сто лет хетты отстроили Хаттусу и сделали ее своей столицей. Ученые полагают, что причина была в том, что город лежал в очень удобном месте на неприступной скале и его жители круглый год располагали питьевой водой из нескольких источников. Никто из последующих хеттских царей не причислял Анитту к своим предкам, очевидно, он

представлял другую династию, правление которой пресеклось [9, ч. 2].

Помимо хеттов, которые осели в центральных областях Анатолии, населенной хаттами, северо-восточные области страны заняли палайцы [9, ч. 1]. Первоначально в стране пользовались в основном хаттским, хеттским (несистским) и палайским языками, хотя отмечено присутствие восьми языков. Постепенно хаттский язык стал отходить на задний план, так как пришельцы не понимали его. Со временем он остался в религиозных отправлениях и текстах и постепенно превратился в «мертвый» язык. В деловой переписке цари пользовались тремя языками, в том числе и аккадским (вавилонским), являвшимся в то время международным языком.

Хетты не только уважали и сохраняли обычаи аборигенов, но и переняли их религию, многое из их более высокой городской культуры – технические достижения, организацию и термины государственной власти, мифологию и лексику. Так сложился многонациональный союз племен, который продолжал называться страной Хатти со столицей Хаттусой, население которой независимо от племенной принадлежности стало называться хеттами. Под этим именем они и вошли в историю [21, гл. 8]. Хеттские племена в культурно-историческом отношении были наиболее тесно связаны с племенами Эгейского моря и с древнейшим туземным населением северной части Передней Азии – хурритами. То, что, «в отличие от империи Древнего Египта, «страна Хатти» долгие века была конфедерацией стран», а следовательно, и народов, подтверждают археологические находки и теоретические работы ученых [6]. Постепенно страна, наращивая свою экономическую и военную мощь, стала одной из трех могучих держав Древнего Востока. Одной из причин этого могущества были богатства, которыми щедро одарила их природа.

Население Хатти занималось земледелием и скотоводством. Горные области западной Азии были колыбелью земледелия. Несмотря на то, что рельеф местности не позволял создать единую оросительную систему, для орошения садов и огородов прокладывали небольшие каналы. Здесь выращивали ячмень, пшеницу, эммер, полбу, горох, бобы, лен. Наряду с горноручьевым полевым земледелием было развито садоводство и виноградарство. Сады были богаты яблонями и грушами, оливковыми и гранатовыми деревьями. Большое значение приобрело пчеловодство. Во многих районах Хеттского царства разведение скота оказывалось выгоднее, чем земледелие. Интенсивно развивалось скотоводство, особенно разведение овец, коз, свиней, а также крупного рогатого скота. Этому способствовало обилие степных пространств, пригодных для пастбищ. Разведение мелкого рогатого скота, более подвижного в горных условиях, позволило перейти к выпасу на отдаленных горных пастбищах. Хетты слыли на Востоке прекрасными коневодами, их колесничное войско представляло собой грозную силу [29]. Долгое время в науке было распространено мнение о том, что лошадь не была известна Древнему Востоку до появления индоевропейцев. Однако имеются многочисленные свидетельства того, что она была известна в Двуречье в 3-м и даже 4-м тысячелетиях до н.э. В конце 3-го тысячелетия до н.э. в Месопотамии была введена легкая двухколесная колесница, сделавшая возможным боевое применение коня. Несмотря на это, основным транспортным животным оставался осел [16].

Горы Тавра, обрамляющие плато, были покрыты густыми лесами. Камень, кедр, лес и железо составляли природное богатство земли хаттов. В отличие от вавилонян у хаттов был в изобилии строительный камень, а в отличие от египтян – древесина, особенно кедр [17]. В лесах и степях водились львы, леопарды, волки, олени, кабаны, дикие буйволы, горные козлы, змеи, орлы [9, ч. 4]. Но основным богатством были полезные ископаемые, которыми изобиловала земля. Еще в третьем тысячелетии горы Киликийского Тавра славились серебряными рудниками, а также медью, свинцом и железом. Особое богатство представляло серебро, от которого, по мнению некоторых исследователей, происходило само название «хатти», означавшее «серебро». Все это явилось причиной бурного подъема ремесленного производства, металлургии и металлообработки, а также ювелирного дела. Это сделало жителей Малой Азии одним из самых передовых народов. Со второй половины 4-го тысячелетия до н.э. в передовых областях Ближнего Востока складываются первые культуры медного века (энеолита). В начале второго тысячелетия до н.э. здесь развивается и достигает высокого уровня металлургия бронзы (сплава меди с оловом). Бронза применяется для изготовления сельскохозяйственных и ремесленных орудий, оружия, высокохудожественной посуды [16].

В конце третьего тысячелетия до н.э. хатты первыми научились изготавливать железо и строго хранили этот секрет. Название железа в древних языках – «металл неба». В. В. Иванов объясняет это тем, что «это было метеоритное железо, и оно было очень дорого, потому что метеоритов было мало. И вот люди потом поняли, что металл, упавший с неба, можно выплавить и на земле. Это было потрясающее открытие. Это одна из первых попыток земным образом воспроизвести то, что раньше относилось только к небу» [19]. И малоазийские мастера стали специализироваться на изготовлении оружия и доспехов – делали мечи, кинжалы, боевые топоры, шлемы. В. В. Иванов в своей работе «История славянских и балканских названий металлов» впервые детально описал становление металлургии железа. Он подчеркнул, что в древности металлургия была неразрывно связана «с другими видами деятельности, которые только позднее дифференцируются, становясь отдельными ремеслами (гончарное производство, ювелирное дело, стеклодувный промысел)». Так, первоначально оксиды железа могли использовать гончары, ведь цвет глины меняется от их содержания. При производстве керамики, а также меди и бронзы древние мастера получали железо в виде шлаков, но относились к нему как к отходу производства. Хетты, переселившись в Анатолию, переняли у хаттов технологию выплавки железа и само название этого металла. Впоследствии это название проникло в хурритский и аккадский языки, а затем в языки многих других народов Евразии, например в греческий, славянские, литовский, древнекитайский языки. К этому названию восходит и русское слово «железо». «Греки до времен Эсхила сохраняли память о «халибах» – хатти, первых изобретателей железа и стали, живших на черноморском берегу Малой Азии», – отмечал В. В. Иванов. В то же время оказалось, что исконное кавказское название железа, восстановленное по данным адыгейского, убыхского, кабардинского языков, совпадает с хаттским. Культура хатти какое-то время распространялась с севера в Централь-

ную Анатолию. Она очень мало изучена, однако ее металлические изделия имеют большое сходство с найденными на Северном Кавказе [17]. Хатты, а позднее и хетты, использовали железные предметы в различных ритуалах; они служили символами царской власти. Так, известно сообщение о том, что царь Анитта получил от правителя хаттского города Пурусханды железные скипетр и трон. Сам хеттский царь именовался «великим царем из железа». Как показали советский хеттолог Г. Г. Гиоргадзе и его чешская коллега Я. Зигелова, хеттские мастера использовали несколько видов железа: обычное «железо», которое изготавливали из руды, «черное небесное» железо – так называемое метеоритное железо; оно было более крепким, чем рудничное, и «хорошее/чистое» железо (очевидно, сталь). В. Г. Ардзинба составил пространный перечень предметов, которые хетты изготавливали из железа: «Три типа трона, скипетр, калмус (посох, напоминающий авгурский), жезл, копье, символы, использовавшиеся в ритуале и культе: шарики (и кусочки) из железа, модельки яблок, языков, неба, земли, кораблей, дверей, алтари, различные виды сосудов, гвозди, подставки для статуэток. Из железа изготавливались различные украшения (для ношения на руке и ноге), серьги, нагрудные украшения; а также предметы хозяйственного, бытового назначения и оружие. Во втором тысячелетии до н.э. хетты стали монополистами в производстве железа. Это приносило им немалые доходы. Железо стоило в 40 раз дороже серебра и в 5-8 раз дороже золота. Хаттские правители строго оберегали монополию изготовления железа, а племена хранили в тайне районы его месторождений [9, ч. 4, 244-245].

Хатты были организованы в теократические города-государства и небольшие царства (княжества). Маленькие поселения появились 9-10 тысяч лет до н.э., через две-три тысячи лет стали появляться города [19]. Уже к концу III тысячелетия до н.э. почти все районы Анатолии покрылись сетью раннеклассовых городов-государств. По мнению И. Дьяконова, именно хатты и хурриты основали такие города, как Пурусханда, Куссара, Хаттуса, Самуха [9, ч. 2]. Центром таких государств был город с крепостью. Эти укрепленные пункты сделались центрами экономической, политической и культурной жизни местных народов. В некоторых городах-государствах появились колонии чужеземных торговцев, в основном из Междуречья и Северной Сирии. Колония, или, как ее называли, порт, возглавлялась «домом города». Главную роль в появлении торговых колоний играли ассирийцы и жители Северной Сирии. Ассирийские купеческие поселения были основаны в самом конце третьего тысячелетия до н.э. ассирийскими купцами, выходцами из города Ашшура. Они располагались к востоку от реки Галис, в области, впоследствии получившей название Каппадокии, с центром в Канише [17]. Однако торговля ассирийцев с Анатолией началась еще раньше. По оценке Экрема Акургала, ассирийцы стали проникать в Анатолию около 2500 года до нашей эры. В ту пору они славились не своими военными подвигами, а деловой сноровкой. Вся торговля Анатолии с Месопотамией была в их руках. Они обменивали свои товары – олово и ткани (прежде всего шерстяные ткани) – на медь и серебро и скрупулезно отмечали любые торговые сделки. С открытия фактории в Канише, здесь, в Центральной Анатолии, начинается «историческое время» – появляются первые письменные сообщения. Цен-

тром ассирийских колоний был Карум-Каниш, лежавший у подножия холма Кюльтепе («Пепельного холма»), на котором находился местный город. Расцвет торговли пришелся на период между 1910 и 1740 годами до нашей эры. Это была эпоха, которую историки называют «средним бронзовым веком». На протяжении многих веков в Центральной Анатолии выплавляли бронзу, поскольку здесь имелись месторождения олова. Со временем рудники истощились и тогда ассирийские купцы стали ввозить в Анатолию олово из Ирана. По оценке историков, они доставили сюда около ста тонн олова.

В стране хеттов был велик спрос и на ткани. Как полагают ученые, за все время торговли ассирийцы ввезли в Малую Азию около 150 тысяч кусков тканей. Их изготавливали ассирийские женщины или же переправляли транзитом из Вавилонии. Торговля была караванной. Товары везли на вьючных животных (дамасских ослах). Осел (или мул) был в то время здесь главным домашним животным. Недаром на найденной в Канише форме для литья металла осел изображен рядом с двумя богами. Караваны везли – буквально «через полмира» – драгоценные камни, медь, серебро, золото. В состав каравана входило до 300 ослов. Его сопровождали погонщики и грузчики. В пути через Северную Сирию приходилось пересекать горные хребты. Преодолевать перевалы зимой было трудно, и потому караваны отправлялись в дорогу лишь летом. Плохая погода, нападения разбойников и волков были главной опасностью. Ночевать старались на постоянных дворах (станциях). Известно около 120 названий станций, лежавших на пути из Северной Месопотамии в Восточную Анатолию. Правители стран и городов, оказавшихся на пути караванщиков, взымали с них пошлины. По прибытии в Анатолию опять же надо было уплатить пошлину. Часто купцы пытались провезти товар контрабандным путем. В случае поимки их ждал штраф или арест; их товары подвергались конфискации. Несмотря на трудности, торговля с Анатолией была делом очень выгодным. Привезенные товары продавали с большой прибылью. Доход составлял более ста процентов при торговле оловом и около двухсот процентов при торговле тканью. Даже за вычетом таможенных пошлин и транспортных трат купец оставался в таком выигрыше, что, вернувшись в Ашшур, мог сразу открывать новое дело. В Анатолии удавалось выгодно сбывать даже ослов, на которых везли товар. Занимались ассирийские купцы и ростовщицеством. Давая деньги в рост, они брали более тридцати процентов. Если местные жители не могли уплатить долги, их обращали в рабство.

Правители городов Анатолии тоже участвовали в торговле: они устанавливали пошлины и имели преимущественное право покупки всех ввозимых в их земли товаров. За это они обязались гарантировать безопасность торговых путей. В качестве валюты использовали золото и серебро, причем соотношение между ними составляло 1:8. Весовое соотношение между серебром и медью хорошего качества составляло 1:70, а между серебром и медью плохого качества – 1:200. Металл «аму-тум» ценился в 40 раз выше, чем серебро. Этим металлом, очевидно, было железо. Почти за тысячу лет до начала «железного века» оно считалось драгоценным металлом. Вывоз железа за пределы Анатолии, видимо, был запрещен. В дошедших до нас текстах неоднократно описывается контрабандный вывоз железа. Вообще же из Анатолии вывозили именно металлы, прежде всего серебро и медь. Здесь имелись

огромные запасы меди. По предположениям историков, Малая Азия могла быть основным поставщиком серебра (и частично меди) в Египет в период Древнего царства.

Отношения ассирийских купцов с местными жителями не ограничивались только торговлей. Проживая подолгу вдали от своей семьи, они обычно заводили на чужбине новую семью. Любили жить в роскоши. По словам археологов, в домах ассирийских купцов находят самые богатые и искусные изделия того времени. Там же, в домах купцов, хранились их архивы – корзины или керамические сосуды с клинописными табличками, а иногда документы и письма лежали прямо на полу. В Канише ассирийская колония занимала целое предместье рядом с верхним городом, где жила местная знать. Управлялась эта колония советом старейшин. Приезжие купцы регулярно переписывались с Ассирией [9, 118-119]. Справедливости ради необходимо отметить, что торговлю в Анатолии вели не только ассирийцы, но и аморейские купцы Северной Сирии, и купцы Эблы, приезжавшие сюда еще в III тысячелетии до нашей эры.

Ассирийские колонии могли существовать в Анатолии, пока там не было сильной центральной власти. Как только она появилась, иностранные купцы, получавшие огромную прибыль, были вытеснены из страны. Случилось это в XVIII веке до нашей эры. Тогда для Ассирии настали трудные времена. Войну с ней повел великий вавилонский царь Хаммурапи, а в Северной Месопотамии прежние торговые пути захватили хурриты. Торговля с Малой Азией замерла. Торговые пути переместились к югу, к городам на побережье Средиземного моря.

Государство Хатти являлось одной из первых цивилизаций с признаками имперской власти, объединившей разные народы силой военной мощи. Оно сложилось в центре Малой Азии в первой половине 2-го тысячелетия до н.э. и практически просуществовало шесть столетий. Обладая военным превосходством, хетты объединили под своей властью Малоазийские, Сирийские и Верхнемесопотамские регионы. Это стало возможным благодаря применению железного оружия, превосходящего по своим качествам известное тогда оружие из бронзы. В течение 200 лет каппадокийское хеттское царство главенствовало над другими государствами великой хеттской конфедерации (Г. Винклер, 1907). О мощи государства Хатти говорят и записи на обнаруженных ассириологами табличках. В них есть запись о том, что «Хаттусилиус 3 вмешивается в вечные распри между Вавилонией и Ассирией и «поддерживает» сторону Вавилонии, действуя так, что один из ее сановников сетует: «Ты нам пишешь не как брат, а приказываешь нам, словно рабам своим!». И верхом всего было открытие, что силой, которая уничтожила древневавилонское царство и свергла в 1594 году до нашей эры ее самую могущественную династию, династию Хаммурапи, были хетты» [17, гл. 1].

Хетты обладали рядом черт, выгодно отличавших их от других племен и подчеркивавших их благородство. Они поклонялись такому несметному количеству божеств, что это позволило назвать их народом «тысячи богов». В отличие от других завоевателей, хетты не расправлялись с богами покоренного народа: они включали их в свой пантеон и даже поклонялись им. Еще одна уникальная черта, очень не свойственная жителям именно того региона

– Малой Азии, Палестины, Сирии и Анатолии, – не подвергать побежденных не только пыткам, причиняющим боль и смерть, но даже моральным унижениям. Завоеванного и попавшего в плен царя того или иного народа «Великий царь» хеттов отпускал с миром и даже оставлял за ним его государство. С одним, правда, условием – чтобы тот вовремя и в надлежащем объеме платил дань [6]. Блестящие воины, избравшие способом ведения боевых действий только встречу с противником в генеральном сражении, хетты редко проигрывали битву. При всей своей воинственности они отличались мягким незлобивым характером, а те города, которые, по законам военного времени, необходимо было разрушить, разрушали, но при этом переселяли население этих городов на новое место. Существует значительно число исторических свидетельств о том, что хетты с некоторых вассалов брали дань в виде вооруженных отрядов и включали их в свою армию, не опасаясь бунта. До сих пор ученые не пришли к единому мнению об общественном строе Хатти. Ни в одном из обнаруженных за полтора столетия лет текстов не говорится впрямую, были ли в стране хеттов рабы. Население страны представляло собой, можно сказать, содружество наций. Хеттов нельзя было обвинить в национализме. Одной только официальной письменности в стране Хатти ученые различают восемь видов! Разнятся они не по способу письма (хотя их тоже два – иероглифический и клинописный), а по языкам.

Многие соседи хеттов, сохранявшие свою независимость (или хотя бы частичную независимость), теснились по морским берегам, а обширные внутренние области Малой Азии принадлежали самим хеттам, составляя основу их собственных территориальных, людских и материальных ресурсов. В 15 и 14 столетиях до н.э. хетты, в целях расширения собственных земель вплоть до Мраморного моря и верховий Евфрата, попеременно вели войны с хурритами и Митанни, а также с варварами, населяющими окрестности Понтуса (Каска) в 13 столетии до н.э., для дележа Сирии.

Отдельные попытки со стороны некоторых властителей подчинить себе соседние города наиболее отчетливо стали проявляться в XVIII веке до н.э., когда правитель города Куссара по имени Питхана и его преемник Анитта присоединили целый ряд городов, в том числе и будущую столицу Хеттского государства Хаттусу. Объединительную политику завершил четвертый преемник Анитты, Лабарна (ок. 1680-1650 гг. до н.э.). При нём границы государства достигли берегов Чёрного моря и включили северные склоны Таврского хребта. Для Хеттского государства были характерны сильные пережитки общинного быта, которые сказывались вплоть до ограничения царской власти; тенденции к централизации управления сменялись периодами борьбы за власть, в которой активное участие принимали члены царского рода. В этот период (XVI – начало XV веков до н. э.) Хеттское царство добилось ряда значительных успехов, в числе которых – присоединение Хальпы (Алеппо) и разгром Вавилона. В XV веке наблюдается ослабление Хеттской державы. Но в начале XIV века до н. э. происходит возрождение Хеттского государства, наиболее выдающимся царём которого был Суппилулиума (годы правления – 1385-1345 до н.э.), современник египетского фараона Эхнатона. Он восстановил контроль над прежней территорией хеттов, а также расширил её, выйдя непосредственно на средиземноморское побережье Ближнего Востока

[20, гл. 15]. В это время в Верхней Месопотамии возникла соперничающая держава, которую называли Митанни и во главе которой стояла индоевропейская династия, но страна по преимуществу была хурритской. Хурриты, восточно-анатолийский народ, оказали сильное влияние на хеттов. Суппелулиума победил Митанни. Расширение хеттских владений делало хеттов серьезными соперниками Нового Египетского царства, что повлекло за собой ряд войн. В этот же период Северная Сирия с ее процветающей торговлей и природными богатствами привлекала аппетиты еще одной могучей державы – Египта. В 1296 году до н.э. после ряда «встреч» далеко не дружественного характера хетты сошлись с египтянами на реке Оронт. Хотя ни одна из сторон не сумела одержать победу, хетты подтвердили свою мощь (по данным других источников – одержали победу). Сирия осталась разделенной между хеттами, которым досталась северная ее часть, и египтянами, которые владели южной частью.

Сохранился договор между хеттами и Рамсесом о мире. Он гласит: «Договор, который составил великий властелин хеттов, могущественный Хаттусилис, сын Мурсилиса, могущественного великого властелина хеттов, и внук Суцпилулиумаса, могущественного великого властелина хеттов, на серебряной таблице с Рамсесом Вторым, могущественным великим властелином Египта, сыном Сети, могущественного властелина Египта, и внуком Рамсеса Первого, могущественного великого властелина Египта: полюбовный договор о мире и братстве, который утверждает между ними мир на вечные времена». Договор оканчивается санкцией: «Кто нарушит слова, стоящие на этой серебряной таблице, которая имеет силу и для земли хеттской и для земли египетской, кто их не сдержит, пусть дом, и землю, и подданных того уничтожат тысяча богов хеттских и тысяча богов египетских!». Как равные, выступают здесь Хаттусилис и самый выдающийся властелин Древнего Египта! Но не только поэтому интересен их договор. Это первый дошедший до нас международный договор о вечном мире. Более того, это первый и на последующие три тысячи лет последний международный мирный договор, который никогда не был нарушен! Чтобы подкрепить дружеские отношения между династиями, Рамсес II женился на дочери хеттского царя Хаттусилиса (около 1250 до н.э.) [17].

Литература

1. «Мировоззрение древних ахтов, хаттов» Цикл статей «Мир культуры адыгов», АРИГИ, под руководством проф. Р. А. Ханаху.
2. *Алексеев В. П.* География человеческих рас. М., 1974.
3. «Батавы» Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Санкт-Петербург, Брокгауз-Ефрон, 1890-1907.
4. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Хаттский язык.
5. Аршба «Этнический состав населения Северо-восточного Причерноморья»). arshba>topic72.htmlpm.
6. *Бацалев В., Варакин А.* Тайны археологии. Радость и проклятие великих открытий, Издательство «Вече», 1999 («Великие тайны»).

7. Борхард Ю. Экономическая история Германии. Часть 1. С древнейших времен до конца Гогенштауфенов, Петроград, М. «Книга», 1924, глава 2, 4.

8. Ф. Браун. Классификация древнегерманских племенных языков. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона

9. Волков А. В., Непомнящий Н. Н. Хетты. Неизвестная империя Малой Азии, М.: Вече, 2004.

10. Гаршин И. К. «Дене-кавказские языки (сино-кавказские, палеоевразийские, атапские)» на сайте И. Гаршина.

11. Гаршин И. К. Реконструкция миграции коневодов Зауралья в Европу и Африку по данным археологии, лингвистики, ДНК-генеалогии и исторической экологии.

12. О. Р. Герни Борз. Хетты. Хилл, Оксфорд, 1952.

13. Грозный Ф. О «хеттских» иероглифах на стелах Тель-Амара. Вестник древней истории, № 1, 1937 г.

14. «Доисторическая Германия» материал из Википедии.

15. Дунаевская И. М., Дьяконов И. М. Хаттский (протохеттский) язык (Языки Азии и Африки). Т. III. М., 1979, с.79-83.

16. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хетты, лувийцы, протоармяне. Ереван, Издательство АН Армянской ССР, 1968.

17. Замаровский В. Тайны Хеттов. М.: Вече, 2000.

18. Захарян К. Дорога на Иордан. Ереван, 2012.

19. Иванов В. В. Целесообразность человека. Интервью с Ю. Латыниной.

20. История древнего Востока. М.: Высшая школа, 2003.

21. Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. Санкт-Петербург, 2007.

22. Кондратов А. М. Атлантиды моря Тетис. Ленинград: Гидрометеиздат, 1986.

23. Красноухова О. Следы Батавов. «Наука и жизнь» № 2, 2006.

24. Страбон. География. М., 1994.

25. Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. Сочинения в двух томах. Том 1. Анналы. Малые произведения. Л.: Наука, 1969, перевод А. С. Бобовича

26. Тихонова А. П. Хаттско-адыгские лексические параллели (лингвокультурный аспект языкового знака). Диссертация, журнал «Вестник Адыгейского гос. Университета». Серия 2: Филология и искусствоведение. Выпуск № 1, 2002.

27. Турский Г. История франков. М.: Наука, 1987, серия «Литературные памятники».

28. «Хеттское царство – упоминания в других статьях». Wiki-linki.ru>Citates/128005/4.

29. Чернышев А. Страны Древнего Востока. Хеттское царство. М.-Л., 1996.

30. Яралиев Я. А., Османов Н. О. История лезгин. Пелазги (3-2 тыс. до н.э.). Том 1, М., 2003.

ХАСАНИ

1

На каком-то перевале, меж эпох и меж веков,
 Люди всеу потеряли свой душевный чудный зов.
 Будто души испугались яви, где царит порок,
 И попрятались с печалью в глубину мечты и снов.

2

Я – как дервиш, что кружится по эпохам и векам,
 Где их каждый след разбросан по древнейшим
 языкам.

Там таджик и перс гордятся, армянин и грек творят,
 Там историю народов разобрали по рукам.

3

Потихоньку, полегоньку революция ушла
 На другие побережья, где толпа с ума сошла...
 Так кочует по руинам свет и отблеск перемен,
 То бунтуя, то танцуя, чтобы, все круша, жила.

4

Не ищи меня в Ташкенте, в Душанбе я, с той поры,
 Как спустился, став изгоем, с заколдованной горы.
 Я теперь мудрец бродячий, и хуржын мой не пустой,
 Я ступенька за ступенькой изучаю здесь миры.

5

К философии сообществ мы всем миром скачем вспять.
 А народы, кто-то с Богом, кто и без, на вахте спят.
 Там повсюду венценосцы величаво строят трон,
 То с верхами, то с низами, будто души колятся.

6

Для одних ты – чудо страха, для других ты – зло в любви,
 Будто в каждом человеке ты вселяешься в крови.
 Ты какой-то бессловесный, в ком улыбка и печаль,
 Ты – граница и начало, ты – как лунный вздох травы.

7

Дуракам везет повсюду – и они нам дороги,
 Потому что эти люди по природе не враги.
 Потому султан наш мудрый дураками дорожит,
 Он за них Аллаха просит: «О Аллах, им помоги!»

8

Будто заново родился после ссоры и борьбы.
Видно, жизнь играет в прятки, не боясь любой судьбы.
Что она творит упорно, размножая смерть и прах,
Будто мы эксперименты для вселенской ворожбы.

9

Если речь порой у друга и хвостата и длинна,
И кусается неожиданно и негаданно она,
Как же быть перед Аллахом тем, кто верил и любил,
И дарил за это силу, чтоб у жизни брать сполна.

10

Я твоих врагов приметил, мой любимый господин.
Ты теперь на белом свете не совсем уже один.
Я от всех твоих напастей защищу твою судьбу,
Только ты своей гордыни берегись, стыдясь седин.

11

Добротой врага не купишь: при добре он – хитрый пес.
Он с улыбкою посмотрит, задирать не станет нос.
Интересно, что коварство скрыто меж добром и злом,
И всегда оно лукавит, как в упряжке пленный бес.

12

Кому и чем мешаю, зачем страданье шлешь,
И от меня, земного, каких свершений ждешь?
Боюсь ли я чего-то – где радость, где печаль,
Когда душе смиренной свет благодатный льешь.

13

Страшно там, как нам сказали, где бедняк всегда бедняк
И найти молитву к Богу не всегда сумеет всяк.
Царство лжи – как призрак мира, а терпенье – как удел,
Где и смерть, и жизнь, кочуя, сеют в душах свой маяк.

14

Вновь Аллах прислал тайком женщину святую,
Что искал я среди звезд, диву неземную.
И она сказала так: «Вот я и явилась,
Чтоб посеять в душах свет, что с тебя срисую».

15

В нем и голод любовный, и обилье тоски,
И земные пороки от него далеки.
Что за чудо являешь, о Великий Аллах, –
Сердце трепетно шепчет, как журчат родники.

16

Мне с тобою в бренном мире тяжело как-то, в грех – легко,
Для очей ты где-то рядом, а для сердца – далеко.
Я тот странник из мгновенья, что блуждает и поет,
Что, в глубинах душ кочуя, прячет суд свой глубоко.

17

Для тебя еще не писан мой хвалебный рубаи,
Что хотел из соков жизни выжать в странствиях любви.
И молитвы не в подмогу – строить путь к твоей душе,
Им мешают маски жизни, да и все грехи мои.

18

В оазисе высшего смысла, где душам даруется путь,
Несметные образы Бога свое назначение ждут.
Начнется потом путешествие по звездным планетам вокруг,
А там эти дети природы и радость, и горе сплетут.

19

В замешательство сознаний к просветленью путь найдет
Тот, кто свет несет с собою и других с собой ведет.
Расширять пределы чувства, постигая дар любви,
Это, в сущности, надежда, где душа к кругам взойдет.

20

Я пришел к тебе молиться, чтобы Ты гнев свой умирил.
То, что я служу султану, Ты мне сам определил.
Во дворце богатом, шумном, я по-прежнему бедняк,
Как же Ты, являя милость, нас с султаном рассудил?

21

Век больных умом и телом – что же будет, мой Аллах,
Если в людях накопились зло, вражда, душевный страх?
Что за век ты нам подносишь, дай познать самих себя,
А не то нас ждет сиротство, и надеждам всяким крах.

22

Стрелец восходит, и луна сияет над образом бродячего жреца,
Который жил дорогами скитальца, как царь рабов, с отметиной борца.
И он, безгрешный и судьбой гонимый, взошел в зенит, где лишь душа горит,
А там кругом лишь звезды вереницей и око безутешного Творца.

23

Прежде чем взглядеться в завтра, где все скрыто в тайный знак,
Оглянись к вчерашним будням – там еще горит маяк.
В колеснице тайной жизни, называемой судьбой,
Мы сидим себе, рисуя, как космический бурлак.

24

Ты не грешен еще, ты как Божий росток,
Пусть течет твоя жизнь, как весенний поток.
Но дворец твой еще не построил Аллах,
Где начнется твой шаг, расширяя виток.

25

Ты, казнимый судьбой, ищешь в мире покой
И живешь наугад с горемычной тоской.
Что заботит тебя в этом мире, мой брат,
Где другие живет так же трудно порой.

26

Мне Салих-эфенди как-то, – пусть то будет не к беде, –
Так сказал: любая рыба не испортится в воде.
Так и люди, если в жизни могут жить, к истоку плыть,
Не испачкав ложной страстью бег времен в людской среде.

27

В заоблачном просторе мироздания я – лишь песчинка, Ты же – Властелин.
Но где же Ты, в таком просторе звездном, моя любовь, мой верный господин?
В земной казнимой суматохе жизни моя душа застряла меж небес,
И почему-то я себя жалею, где Ты один, а я вот здесь один.

28

Нам бы видеть то, что есть, а не то, что «хочем»,
Где плетем мы свой узор и над всем хохочем.
То ли в нас огонь и лед, как ковчег завета,
То ли мы самим себе голову морочим.

Раиса ДИДИГОВА,
народный писатель
Республики Ингушетия

Истинное величие Человека

С Нафи Григорьевичем Джусойты я впервые встретилась на юбилейном вечере, посвящённом памяти Кайсына Кулиева, в связи с 95-летием со дня его рождения, состоявшемся в городе Нальчике в декабре 2012 года. Его выступление на этом вечере меня потрясло. Он излагал свои мысли удивительно просто и сдержанно, но в каждом его слове ощущалась какая-то неизъяснимая сила человеческого обаяния. Казалось, эти слова, одно за другим, открывали таинства непостижимой глубины его души, которая вмещала так много переживаний.

Этот живой эмоциональный накал, который так тонко струился уже не только в словах, но и в глазах, полных слёз, и во взгляде, устремившемся в такую близкую для Нафи даль безмолвия, и во всём его облике, невыразимо органично вписывался в мудрость его высказываний, проявляя всю красоту и гармонию его внутренней сущности.

Говоря о Кайсыне Кулиеве, Нафи вспоминал Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова, Джемалдина Яндиева, Давида Кугультинова и других писателей, своих друзей, которые вместе с ним составляли ту прославленную могучую гряду. Он говорил о них, как о родных братьях, с утратой которых невозможно смириться, и он продолжает общаться с ними, всегда присутствующими не только в его памяти, но и в его сердце.

Нельзя было без содрогания слушать, когда Нафи говорил об ощущении своей вины за то, что их уже нет, а он один, оставшийся из них, продолжает жить, успокаивая себя уверенностью в том, что Всевышний продлил его жизнь для того, чтобы он как можно больше успел рассказать живущим о величии его почивших друзей.

Слушая Нафи, я размышляла о его собственном величии. И как-то по-особому воспринималась истина о том, что всё гениальное – просто. Наверное... потому, что подлинно.

В антракте, когда мне довелось вместе с председателем правления Союза писателей Ингушетии Вахой Хамхоевым лично пообщаться с Нафи, он с упоением рассказывал нам различные истории братской дружбы с ингушскими коллегами по перу Джемалдином Яндиевым и Идрисом Базоркиным.

И лишь позже, общаясь с сестрой Нафи Клавдией Григорьевной, мы узнали, что он приехал на тот памятный юбилейный вечер, несмотря

на тяжёлое душевное и физическое состояние, вызванное кончиной накануне его супруги. Он превозмог острую и неизбежную боль утраты, потому что не мог предать память друга.

Не в этом ли состоит истинное величие Человека?!

Возвысившийся, не роняя чести...

Нафи Джусойты

Утраты боль пронзительна всегда,
Особенно, когда в союз семейный
Вторгается разлука... навсегда,
Чтоб трепет уз хранить благоговейный.
От скорби не оправившись, тогда
Вы прибыли на вечер юбилейный.

Вы не могли в день памяти не быть,
И к образу не прикоснуться друга,
Кулиева Кайсына. Но кружить
Всё продолжала в сердце Вашем вьюга.

Всего Кавказа совестливый сын,
Вы снова проявили безупречность,
И справедливо отмечал Кайсын
В товариществе, в дружбе Вашу верность!

Вы обаяли скромностью людей,
Их лица выражали Вам признание;
Призывом к плодотворности идей
И к осмыслению всякого деянья,
Пренебрегая суетностью дней,
Писателей растрогали собрание.

Так просто говоря о простоте,
Вы совершенства сущность раскрывали;
О внутренней безмерной красоте
Друзей, ушедших в Вечность, вспоминали.

Пред памятью их светлую с тоской,
С любовью преклоняясь неизменной,
В том каялись, что Вы один – живой
Из той «гряды могучей» незабвенной.

Со свойственной душевной чистотой
Означили своё предназначенье:

Поведать миру о плееде той,
Что эпохальным видится явлением.

Их образы являя чередой,
Вы оживляли прошлое общение,
Чтоб каждой яркой приводить судьбой
Пример самозабвенного служенья
Народу своему, стране родной,
Восславив их гуманные свершенья.

И благостное Ваше существо
Во всём своём величии предстало,
Столь редкостное это естество
Энергией духовной потрясало.

Глаза искрились пеленою слёз,
Звучал Ваш голос грустью неизбывной;
То был порыв невоплотимых грёз
И скорбных интонаций звук призывный.
Воспоминаний тёплых дух объял,
Изяществом пленял язык Ваш русский,
Вы говорили, как объединял
Он круг собратьев неразлучных узкий,
Как с Вами в дружбе братской состоял
Яндиев Джемалдин – поэт ингушский.

Могущественной дружбы Вы певец,
Не терпящий ни суеты, ни лести,
Наследия бесценного творец,
Возвысившийся, не роняя чести.

Оставили неизгладимый след
Ориентиры ценностные Ваши,
И каждый Вами созданный сюжет
Посылком предстаёт непреходящим:

Ногкау¹ Ваш питает горский дух,
Доносится оттуда слово сердца,
Оно ласкает непрерывно слух
И позволяет в стужу отогреться.

Строками о войне исходит боль,
Терзая сердце стойкого солдата;
Застывшими рубцами давит соль,
О роковых напоминая датах.

1 Ногкау – родное село Нафи Джусойты.

Вдруг слышится иная тема строф,
Тональность изменяется звучанья;
Риторики не терпите оков
Вы, воспевая труд и созиданье.

В стихах играет живость красок вновь
И ощутимо свежее дыханье...
Там излучает лирика любовь,
Предполагая встречи и прощанья...

И следует легенда о Коста,
Где дух поэта, что поныне вьётся,
Через судьбу народа познаётся;
В ней высота духовного родства
Меж вами Вашим словом отзовется.

Надеждой одержим солнцеворот,
Всё явственней становится свеченье,
Счастливым предрекая поворот
Во временном, пространственном теченье.

И в возвращенье Урузмага Вы
Всё ищите с героем смысл жизни,
В перипетиях непростой судьбы
Блаженство постигая доброты
В преддверии его грядущей тризны.

Печалью застывает белый снег
В том горном умирающем селенье...
Замедлило как будто время бег,
Природу приводя в оцепененье;
Пристанище родное – оберег,
Очаг, родство хранящий поколений,
И душ людских спасительный ковчег,
Ласкающий сердца прикосновеньем,
Незримым или явным... «Человек!
Ты Родину свою предал забвенью?!
Она ведь не простит тебя вовек!» –
Ваш голос вопрошает с изумленьем;
Накал переживаний не померк,
Продолжился он в прозе сожаленьем.
Прочувствовав тепло родной земли,
Её неповторимое дыханье,
Вы неземную ей всегда несли
Любовь, а с нею – боль и состраданье.

И Вас уже волнует предков кровь,
Душа исходит сопереживаньем;
Ведь память генетическая вновь
Потомков возвращает к испытаниям,
Когда в борьбе за Родину и кров
Их предки подвергаются страданиям.

Потомкам было суждено узнать
Самим кровавых ужасов обличье...
В статьях спешите Вы разоблачать
Политиков безнравственных двуличье.

Великой называете бедой
В послании друзьям в страну безмолвия
Пылающий наш общий дом родной –
Кавказ, что райским виделся привольем.

С грядой высокой подлинных друзей
Вы делитесь идеей благородной
О том, как через творческих людей
Вернуться к дипломатии народной.

Поборников вражды как повернуть
К истокам человеческой природы,
Преодоления возвышая суть,
Враждующие примирить народы.

Вас будущность тревожит языков
Национальных. Для их сохранения
Условия озвучили Вы вновь:
Народов малочисленных сплоченье (!)
И солидарность лучших их умов...
И, если состоится единенье –
Важнейшая основа из основ –
Тогда, при благосклонном отношении
Великих наций к теме всех веков,
Возможно языков родных спасенье.

В Послании палитра мудрых слов
Потомкам выражает опасенье,
Извечно угнетавшее отцов:
Народа (!) с языком исчезновенье.
Вы убеждениям преданы своим,
Но кажется Вам... тягостные мысли,
Идущие из таинства глубин,
В стихии Инобытия зависли.

И пишете, что не дождётесь Вы
Ответного друзей почивших зова
Из тонкой невозвратной стороны,
Но кликать всё же будете их снова.

Субстанция эфирных голосов
Неслышно проникает в подсознание,
Мышления касается основ,
Чтоб умозреньем перейти в сознание...
Ответный Вы почувствуете зов,
Внушением он сменит ожидание.

И в Ваше одиночество тайком
Проникнет удивительная нега,
Пронзая душу памятным теплом,
Навеянным с невидимого берега.

Седин неотразимым серебром
Сверкая в пелене небес лучистой,
Возьмётесь за любимое перо
И изольётесь повестью искристой...

Талант Ваш многогранен и высок,
Необычайна искренность суждений,
Неподражаем и изыскан слог,
Неизмерима ценность достижений.

Вы веку обозначили свою
В истории родной литературы,
Исследований сложную стезю
Выстраивая в целостность структуры.

Внесли в драматургию зримый вклад,
Обогадивший слой культурный края,
Весь самобытный жизненный уклад
Народа своего отображая.

Способствуя сближению культур,
А значит – и сближению народов,
Открыли кладезь их литератур,
Возвысив ценность школы переводов.

И критикой неколебимой Вы
Влияли на судьбу литературы;
Воззрения Ваши принципов полны,
Несовместимых с властной конъюнктурой.

Борьбу неутомимую вели
И с критикой незрелой, но упорной;
Лишь Вы ей противостоять могли,
Руководимый истиной бесспорной.

В своей не сомневаясь правоте,
Настаивали на произведении,
Несущем в животворной полноте
Лишь подлинных традиций отраженье.

Надуманых не признавали схем,
Где бред нигилистический прописан...
В проблемах тех не видели дилемм,
В них нравственный устав для Вас был писан.

Роман в Вас отклик вызвал, между тем,
«Из тьмы веков» Базоркина Идриса,
Восторженный Ваш отзыв ценен тем,
Что истинным мыслителем написан.

Деяний Ваших благотворный свет
Путь озаряет новым поколениям,
Шагающим уверенно вослед
Гуманитарным Вашим устремленьям.

Ваш труд и всеобъемлющ и весом,
А сущностная глубина творений
В неповторимом блеске золотом
Высвечивает Имя Ваше, гений!

Январь 2013 года

НА ПОСТУ

Любая классификация условна, и, тем не менее, всех нас можно разделить на «физиков» и «лириков». Наш сегодняшний гость с детства увлекался точными науками, но, видимо, у судьбы на его счёт были совсем другие планы. Впрочем, дело тут не только в судьбе. Альберта Унагасова всегда привлекали дисциплина и порядок – именно это, в первую очередь, определило его выбор профессии. В начале девяностых выпускник физико-математического факультета КБГУ пришёл в органы охраны правопорядка и никогда об этом не жалел.

– Не могу сказать, что с детства мечтал о службе в милиции, но, как оказалось, это именно то, что мне было нужно, – признаётся он. – Все проблемы в нашей стране – от непрофессионализма. Как говорил профессор Преображенский, я хочу обедать в столовой, спать в спальне и оперировать в операционной. Если продолжить эту мысль, любой из нас должен соблюдать определённые правила и заниматься своим делом.

Он родился и вырос в обычной семье. Отец работал в райпо, мама была сестрой-хозяйкой в больнице. Альберт стал первым мужчиной из рода Унагасовых, надевшим форму. Позднее его примеру последовал младший брат и один из родственников, который тоже носит погоны.

В юности Альберт занимался борьбой, лёгкой атлетикой, и до сих пор немало времени уделяет спорту. В 43 года он выполняет нормативы, которые по плечу не каждому двадцатилетнему.

– Человек в форме должен поддерживать форму, – улыбается полковник.

Службу в органах внутренних дел он начал заместителем командира взвода патрульно-постовой службы. Выражаясь официальным языком, занимался охраной общественного порядка и обеспечением безопасности граждан. В этой структуре Унагасов проработал несколько лет. Времена были непростые, и криминальная обстановка, соответственно, напряжённая. Работа в милиции что ни день приносила новые «сюрпризы» – грабежи, драки, криминальные разборки... Молодой сотрудник столкнулся с изнанкой нашей размеренной и с виду такой благополучной жизни. Держать себя в руках стоило немало труда, но нашему гостю это удавалось. Именно тогда он понял, что милицейская форма ко многому обязывает.

– Проработав меньше года, я как-то сказал потерпевшему: «Вам спасли жизнь, могли хотя бы поблагодарить ребят, – вспоми-

нает Унагасов. – Один из старослужащих меня одёрнул: «Мы работаем не ради благодарности. Это наша обязанность». Впрочем, если выразаться точнее, мы не работаем, а служим – иногда 24 часа в сутки. Полицейский практически не принадлежит себе, и я всегда напоминаю об этом молодым сотрудникам.

Из ППС его перевели в отдельную роту охраны и конвоирования подозреваемых. Это была более серьёзная и ответственная работа. Достаточно сказать, что милиционер сопровождал Тимирбулатова – знаменитого «Тракториста». Братьев Вороковых, взорвавших автобус на нальчикском автовокзале. Насильников, бандитов, убийц, криминальных авторитетов. Особенно ему запомнились «смертники».

– Когда находишься с таким человеком в одном помещении – физически чувствуешь негативную энергетику. Преступнику, приговорённому к расстрелу, нечего терять, потому он особенно опасен и способен на всё. После вынесения смертного приговора человек меняется буквально на глазах, – объясняет полицейский.

Полковник Унагасов – противник смертной казни.

– Я всё понимаю – «око за око, зуб за зуб», но смертная казнь не решает проблему преступности. Говорят, что она может снизить количество убийств, но я в это не верю. По большей части, особо тяжкие преступления совершаются в неадекватном состоянии. Убийца себя не контролирует и не способен думать о последствиях. Пожизненное заключение даёт преступнику шанс раскаяться и переоценить свою жизнь. Общество обвиняет человека в убийстве и приговаривает его к смерти. Как это соотносится с моралью? Кроме того, никто не застрахован от судебных ошибок. Как известно, по делу Андрея Чикатило казнили двух ни в чём не повинных людей.

Чезаре Ломброзо предложил теорию, согласно которой преступник антропологически отличается от законопослушного гражданина. Наш гость всерьёз изучал работы итальянского психиатра, но считает, что истина всегда находится где-то посередине. За пятнадцать лет работы в конвойной роте Унагасов повидал немало нарушителей закона, и уверен, что теория Ломброзо работает далеко не всегда. Чаще преступника можно вычислить не по внешним особенностям, а по взгляду, мимике, жестам.

Сейчас полковник руководит отделом по работе с личным составом управления МВД России по городу Нальчику. Он признаётся, что знание психологии помогает ему в этой работе. В обязанности Альберта Унагасова входит отбор кадров, их расстановка и обучение. «Должность «расстрельная», – шутит он, но, как известно, в каждой шутке... Согласно новому положению, за грубое нарушение подчинённого несёт ответственность его непосредственный начальник. Тот, кто принял нарушителя на работу, тоже не застрахован от серьёзных неприятностей.

– Желающих служить в полиции сегодня очень много, но особенности нашей службы понимают далеко не все. Готов ли ты мо-

рально? Есть ли у тебя мужество, стойкость? Когда меня просят: «Устройте дочку на какую-нибудь «женскую должность», я отвечаю: «Женских должностей в полиции не бывает».

Переименование «милиции» в «полицию» понравилось далеко не всем. Это обсуждалось в СМИ, на форумах и в социальных сетях. «Главное не название, а содержание», – считает Альберт Унагасов.

По его словам, в современном российском обществе имеет место правовой нигилизм.

– Ещё Черчилль заметил, что законопослушный гражданин должен радоваться, когда полицейская машина работает. Отношение российских граждан к сотрудникам МВД неоднозначное, хотя в целом они работают неплохо. Есть, конечно, и перегибы, с которыми необходимо бороться. В случае, когда можно ограничиться воспитательной беседой, совсем не обязательно доставлять нарушителя в райотдел, – убеждён полковник.

Работа отнимает большую часть его времени, но, к счастью, близкие относятся к этому с пониманием. Альберт Унагасов женат. У него четверо детей. Супруга Асият по профессии медик. Они вместе уже 17 лет. Старший сын учится на юридическом факультете и собирается пойти по стопам отца. Средний увлекается хореографией, танцует в детском ансамбле «Нальцук». Младшие дети – близнецы – мальчик и девочка. Они совсем ещё маленькие, но вместе со всеми ждут папу по вечерам домой и провожают его на дежурство. Детей, как и подчинённых, он учит трём «С» – совесть, семья, страна.

Несмотря на дефицит свободного времени, наш гость – человек разносторонний. Он прекрасно говорит по-немецки. Следит за достижениями отечественных физиков. Любит историю и считает, что это лучший учитель, у которого плохие ученики.

– К сожалению, времени на чтение практически не остаётся, – сетует полковник. – После работы люблю прогуляться по парку – это для меня самый лучший отдых.

Хаишат КУНИЖЕВА**«Горит любимого окно...»**

Хаишат Кунижева, бесспорно, одна из самых талантливых поэтесс в современной адыгской словесности. Как об этом правильно заметила в своей книге «Писатели Кабардино-Балкарии» доктор филологических наук, известный литературовед и критик Светлана Алхасова: «Она (Кунижева) относится к числу тех авторов, в ком давно нуждалась кабардинская поэзия и кто сумел привнести в неё своё новое слово».

Сегодня я хочу познакомить читателей «Литературной Кабардино-Балкарии» с новыми стихами нашего постоянного автора Хаишат Кунижевой:

«Горит любимого окно,
Горит в уюте, хорошо...
Горит ещё моё окно
Горит ещё, горит ещё».

Пусть ещё долгие годы светит поэтическое окно нашей Хаишат, на радость почитателей и поклонников её светлого таланта.

*Муталип Бенпаев,
член редакционной коллегии журнала «ЛКБ»*

Счастье, что ждёт Асоль

I
Вокруг чайки кричали,
Проступала на спинах соль,
Но ждала тебя на причале
Нежно Асоль.

II
Счастье, что ждёт Асоль,
Счастье, что есть причал,
Что уходит разлуки боль
На левой стороне плеча.

Диалог

– Надо мною звездный полог
В семь небес...
– Подо мною твердь земная
В семь слоёв...

Когда-то скажут

А вы бессмертны, кто за мной,
Желая мне и многим зла?
Когда-то скажут и о вас:
– Метель могилу замела...

Полёты во сне хороши

Сыро, холодно, зябкость души
С фиолетовым чаем венчаю.
На расспросы подруг отвечаю,
Что полёты во сне хороши.

Стихи Фазиля

Стихи Фазиля я читаю,
Как будто стёкла в окнах тру,
Восточной гостьей привечаю
Его Абхазии звезду.

Дом, ступени

Дни и ночи, ночи и дни,
Тягомотину жизни тяни, –
Дом, ступени в снегу увязли,
Снится лето, в листве дуб, вяз ли?

Горит любимого окно

Горит Самойлова окно,
Горит Тарковского окно,
Окно ж Цветаевой Марины
Уж отгорело так давно.

Горит любимого окно,
Горит в уюте, хорошо...
Горит ещё моё окно
Горит ещё, горит ещё.

Женщину ту звали Леной

Пили черный кофе с пеной,
Девочку ту звали Леной.
Черный кофе с белой пеной,
Женщину ту звали Леной.

Черный кофе с белой пеной,
Ту старушку звали Леной.
Остаётся кофе с пеной –
Мир прощается с Еленой.

Я думаю о вещах

Двадцать минут шестого,
На улице наледь,
А в комнате черный кофе,
В чашечки мною налит.

Я думаю о вещах
Всегда пристойных,
И человеком жить на земле,
Всё-таки да стоит.

Оболочки облаков

С утра твержу, твержу:	Белесых облаков, где
Все суета сует,	Есть пропуски и строчки.
Я в этом нахожу,	И облака, что в ряд,
Что счастья в жизни нет,	О том же говорят,
Что души всех людей	Что счастья в жизни нет,
Покрыты оболочкой	Все суета сует.

***

Насмотрюсь до ряби на картины Брейгеля,
Кисть просит копии Ван-Гога на бумаге,
Доташусь до середины пути еле-еле,
А дальше вся жизнь – зигзаги.

В воздухе пахнет днями весенними,
Всюду светло до синевы и одури,
Клен на одной ноге и березы Есенина
Разрезают неба весенние контуры.

Дерево мое

Прошурши ты своей листвою	Всё надо мной стоишь,
Над моей седой головою,	Дерево мое доброе,
Дерево мое весеннее,	Шумящее зеленой,
Дерево мое лучистое,	Долго шурши с рассветами
Дерево мое веселое,	Над моей седой головой.
Самое на свете чистое,	Обо мне ходят слухи разные,
Дерево мое прекрасное.	Хоть по разу живем на свете.
Разрушая небесную тишь,	Ты же, дерево мое, прекрасное
Одинаковое ты и разное,	На закате и на рассвете.

Ты чья?

Улетают грачи,	Слышен голос ручья...
Уплывают облака.	Ты чья?
Вот так, вот так	Горя, радости или ничья?
Стучат часы,	

***

На улице холодно,	Кукурузных лепешек
На улице слякоть,	С сычужным сыром,
И мне не голодно,	А кому-то без матери холодно,
У меня мякоть	А кому-то без матери сиро.

***

В потоке правды маленькая ложь
Мелькнет и не запачкает картину.
Но спрятанный в рукав булатный нож,
Фатально ждет, когда подставят спину.

Ведь в прочном равновесии миров
Нет мелочей, все учтено до срока.
И внешне неспорченный покров
Скрывает след глубокого порока.

И этот нераспознанный изъян
Сливается с подобными. В итоге:
Произрастет невиданный обман,
Плебей в шелках, в раззолоченной тоге.

Ступая по истерзанной земле,
Что выжжена до каменной основы.
Плодится ложь в сырой, холодной мгле
Невежества души и пустословья.

В стремлении к предельной чистоте,
Прозрачности бесценного кристалла.
Прекрасна в первозданной наготе,
Ты, Истина, что есть всему начало!

***

Есть время для печали,
Есть время для тревог.
Ах, если б мы не знали,
Извилистых дорог,

Что уводили часто
От торенной стези.
И было как в ненастье
Среди людской грязи.

И лжи густая темень,
И равнодушья стынь.

И скупердяйства кремь,
И горечи полынь.

И острый нож измены –
По краешку ребра.
И резанные вены
Об острый край добра.

Прощеные обиды,
И память, как рубец.
Враги, что были квиты,
Забыты, наконец.

***

Какое странное явление –
Проникновение сердец.
Друг в друга без сопротивления...
И где ответчик – там истец.

И как горящая лучина,
 Что раздвигает темноту.
 Какая веская причина –
 Заполнить смыслом пустоту.

Какие смутные сомненья,
 Что обретают власть в ночи.
 Порой до белого каленья
 Они доводят без причин.

И только легкое касанье,
 С привычной нежностью десниц –
 Как будто новое признание...
 С чуть увлажнившихся ресниц

Спадет роса соленой влаги
 На полукружие ланит.
 Для сердца большей нет отваги,
 Чем этой верности гранит.

***

О как же сладок плод запретный!
 И всякий праздный люд
 Вкушает яства беззаветно –
 Семь окаянных блюд.

И сформированы пристрастья
 Уже с младых ногтей.
 И принадлежность к этой касте –
 До мозга, до костей.

Не опечалится рассудок,
 И не смутится дух.
 И каждый маленький ублюдок
 Уже с рожденья глух.

К чему вызывает голос тихий
 Нелепого стыда.
 И спит до срока где-то лихо
 Жестокая орда.

Но пасторальные картины
 До утренней звезды
 Скрывают мрачные глубины,
 Воронки черных дыр.

Непостижимые утраты
 Иного бытия.
 И не озвученные даты
 На острие копья.

***

Опять все признаки упадка,
 Хотя эпоха и не та:
 Отрыжка сытого достатка
 И без просвета нищета.

И уживаются смиренно,
 В тени беззастенчивых князей
 Рабы – коленопреклоненны,
 И божий храм, и Колизей.

Смешались в кучу кони, люди,
 От зерен плевел не разнять.
 И чью-то голову на блюде,
 По чьей-то прихоти опять

Несут. Из свежееотсеченной
 Главы кровь каплет на паркет.

И царь на ложе полусонный,
 И за окном уже рассвет.

И на стене перстом незримым
 Уже выводят письмамена.
 Финал сей жуткой пантомимы –
 Внизу под стенами война.

Да только оргия в разгаре,
 В бокалах плещется вино.
 Глаголом жжет упрямый Арий,
 Не зная страха и вольно.

Увы, но в гвалте лжепророков
 Не слышен праведников глас.
 Мы удалились от истоков,
 И отреклись – в который раз...

***

Удел всех прочих революций,
Когда поднимут гордо флаг, –
Косьба законных контрибуций
И упоение бродяг.

И в карнавале вакханалий,
В угаре пьяной солдатни,
Над сладким вьется рой каналов,
Что от пристойности вольны.

И сокрушители вселенной,
Напившись крови и вина,
Поставят снова на колени
Тех, кто не верит ни хрена,

Что одержимые Аттилы
Влекут бесполошно в Эдем.

Псевдонаучные гориллы –
Отцы раздутых теорем.

Но вновь и вновь сметает время
С лица истерзанной земли
Обандерленное племя,
Что дхарму ревностно блюди.

И новый вождь вздымает знамя
В призыве новых перемен.
И раздувает снова пламя
Кровопротитий и измен.

И повторяется сначала:
Война, победа, эшафот.
А во дворе висит мочало
И по цепи гуляет кот.

***

Хитрость – развитый ум дурака,
Средоточие сил интеллекта.
Как бурлит на порогах река,
Так шумит слог его диалекта.

Как гадливый змеиный клубок –
Микст из мифов, интриг и наветов,
Этот тесный для мыслей мирок
Не рождает здоровых сюжетов.

В притязаньях на солнечный луч,
Приловчившись толкаться плечами.
Не брезглив, плотояден, живуч,
Не хандрит понапрасну ночами.

И сомненья – живительный гнет,
Омрачить не посмеют воззренья –
Заблуждений прилипчивый мед,
Искривленных зеркал отраженья.

Владимир ЗАРУБИН

***

Короче стали дни, длиннее стали ночи,
 Безумная жара отхлынула на юг,
 Притихшая душа вдруг съёжилась в комочек
 И озирает мир, жалея всё вокруг.

Кружась, летит к зиме осенняя планета,
 Пожухлая листва в дождях, а не в пыли,
 Расклейщики афиш замазывают лето,
 И занавес небес опущен до земли...

***

Наступают холода,
 Окружают, наступают,
 Занимают города,
 Оглушают нас, стегают.

Мы укутаны в меха –
 Только высунуты скулы,
 Но не греют ни фига
 Синтетические шкуры.

Укрываемся в дома,
 За свои четыре стенки,
 Но хоромы-терема
 Холодны, как в кедах стельки.

Проницаемы насквозь,
 Мы сжимаемся в комочек,
 Понимая вдруг всерьёз:
 Зимы – не для одиночек.

И тогда под вечер мы
 Заворачиваем к другу,
 Слушать выверты зимы –
 Кругом мчащуюся вьюгу.

И под стук своих сердец
 Дремлем в близости душевной,
 Разморённые вконец
 Кофе чашечкой блаженной.

***

Замазаны наглухо щели,
 Не дуло чтоб и не текло,
 Пусть непогодь зубы ощерит –
 Теперь, как в медвежьей пещере,
 Мне сухо зимой и тепло.

Готова настольная лампа,
 Бумага и ручек пучок,
 И кофе, и кубики «Бланка»,
 И скромная, в меру таланта,
 Задумка на переучет.

Попытка расчистить архивы,
 Ненужное выкинуть вон,
 В какие-то строчки, что хилы,
 Добавить где – мёда, где – хины,
 Найти свой малиновый звон.

***

Вдруг посыпал пух небесный,
За ночь землю побелил,
Сделав явью мир чудесный
Русских сказок и былин.

В серебристых блёстках воздух,
А мохнатые дома,
С бахромой сосулёк острых,
Как резные терема.

Даже лица не суровы
От предпраздничных забот,
И светлы, ну, как сугробы,
Аккурат под Новый год.

***

Прощай, мой добрый старый год!
Как старый друг – прощай!
Отмечен грустью твой уход
В невозвратимый край.

Ты был почти, как человек,
И жил, как человек,
Дышал покоем летних рек,
Ловил пушистый снег.

Победы были у тебя,
Ведь как же без побед –
Все разногласия терпя,
Ты нес надежды свет.

Ошибки были у тебя,
Ведь как же так без них –
Ты награждал одних, творя,
И отвергал других.

Смеялся, плакал, пил вино,
Любил, писал стихи,
Ходил на танцы и в кино,
И залезал в долги.

Имел друзей, жалел врагов,
И, как любой из нас,
Не подымался до богов,
Лицом не падал в грязь.

Вобрал в себя во всей красе
Свершенья и мечты,
Все наши слабости и все
Достойные черты.

Трудился, не жалея сил,
За столько брался дел,
Всё торопился, всё спешил,
Да так и не успел.

Ты был почти, как человек,
И жил, как человек,
Но быстротечен жизни бег
И твой короткий век.

Прощай, мой добрый старый год!
Как старый друг – прощай!
Отмечен грустью твой уход
В невозвратимый край.

Татьяна ПОДЫМАН

***

Всё изменилось, небо цвет меняет,
И серой дымкой всё заволокло.
И песня явно слышится другая
Сквозь это чуть прозрачное стекло.

Жизнь суетится, явно продолжаясь,
За облака взмывает самолёт.
А женщина, что в зеркале, – чужая,
К стеклу щекой усталую прильнёт.

С собой надежду самолёт уносит,
И поглощает всё седой туман,
Пусть жизни незатейливую осень
Ковёр покроет из побед и ран...

И бисером рассыплется осколки
Судьбы, что переменчива подчас.
И профиль на стекле начертан тонкий
С полуулыбкой чуть серьёзных глаз...

***

Я пронизана холодом –
Никого не вини
В том, что где-то над городом
Чуть мерцают огни.

Мёрзнут капли слезинками.
Глух и тёмн простор.

Сердце выстлано льдинками –
Глаз тяжёлый укор!

Всё, казалось бы, сказано,
Ждёт тяжёлый рассвет...
Мысль кружит неотвязная,
Что страшней боли нет!

***

Давно забытую мелодию
Пусть шум дождя напомнит мне.
И вечер за окном юродивый,
Кружит, как будто бы во сне...

Плывут за мной воспоминания,
Что были прожиты давно.

Почти забытые признания,
Пьянят, как терпкое вино...

И звуки за окном невнятные
Я всё пытаюсь разгадать.
А души, что судьбой распяты,
Окружит неба благодать...

***

Души покоя, света и тепла
На склоне жизни сердце ждёт и просит.
Куда б меня дорога ни вела,
Пройдут года, ко мне подступит осень.

Мне ни к чему тщеславие и ложь,
Обожествляю я любовь и память.
Ведь сколько чувства наши не тревожь,
Они неосторожно могут ранить.

Пусть мудрость не покинет никогда,
И прожитое всё – дождём на плечи.
Промчавшиеся вёсны и года
Мне душу обязательно излечат.

Пусть оживает молодость в душе,
И осенью ко мне весна примчится.
Я на крутом последнем вираже
Над повседневностью вспорхну, как птица!

***

Зелёною дымкой деревьев
Подёрнулась даль.
Я словно в каком-то похмелье:
Спадает вуаль

Неясных надежд и сомнений,
Где чувства кипят,
Я там, в паутине мгновений
Ловлю нежный взгляд.

А небо висит грозное,
Бунтует судьба.
«О, хоть бы минуты покоя», –
Взлетает мольба!

Тончайшие звуки природы
Плывут на алтарь,
Где солнечной, ясной погоды
Тускнеет фонарь.

В раздолье зелёном, кипящем –
Раскаты грозы.
А в ветре прохладном, летящем –
Дождинка слезы...

***

Зима искрится снегом белым,
Сплетает хрупкую канву,
Раскрасив белой краской смело
Назначенное рандеву.

Всё замерло, в оцепененье...
Не нахожу я нужных слов.
Зимы бесценное творенье –
Её блистающий покров.

Он хитростью пробрался в душу,
Жестоким холодом сковал,
Судьбы гармонию нарушил.
Дорогу преградил обвал.

Ещё недавно там весною
Фонтаном бил любви поток,
Играя краской озорною,
Бутоны свой распускал цветок.

Сейчас безлюдно, как в пустыне,
И до весны так далеко.
На снегом скованной картине
Сюжет увидеть нелегко...

***

И пусть меня плащом своим коснётся
Ночь тёмная, предшественница дня.
Пройдут часы, и окропится солнцем
Привычная картина бытия.

Что в ней такого, что меня согреет:
Небрежный взгляд, дыхание зимы? –
Ласкают взгляд снежинки и смелее
Плетут узор из снежной бахромы.

Отступит ночь, другое утро будет...
Вокруг – февраль на белом полотне.
Мелькают в нём сюжеты, судьбы, люди,
Не наяву, а в очень странном сне...

Есть день и ночь, а между ними утро.
Мне ни к чему уже ночной покров.
Глаза закрою – предо мной как будто
Снежинки, как посланники миров...

Омару Хайяму

Прочтя стихи персидского поэта,
Как будто прикасаешься душой
К познанию особенностей света,
Что освещает мир, такой большой.

И этот свет – любовь, а мир порочен,
Погрязший в злобе, жадности и лжи,
Он столь же переменчив, как непрочен.
Ну как его любить, поэт, скажи?

Поведай мне простым и ясным слогом,
Как одолеть извечную вражду?
Как разглядеть великое в убогом
И осознать, чего от жизни жду?

Как соблюдать в высказываньях меру,
Как недругам ответить и друзьям?
Надеждой жить и, сохраняя веру,
Любить людей, как ты, Омар Хайям.

Падающий снег

Сверкает в небе падающий снег,
Приходит ночь, а мне опять не спится,
И память снова начинает бег
И в прошлое безудержно стремится.

Такая ночь была пять лет назад...
Так символы значенье обретают:
Красивый до безумья снегопад,
И на твоих щеках снежинки тают,

Твоя рука лежит в моей руке,
Твой звонкий смех мне душу будоражит.
И ночь, и снег, и горы вдалеке
Хранили это счастье, будто стражи...

...И снова хлопья снега надо мной,
Пять зим прошло, смыкая круг за кругом.
Ты мне не стала преданной женой,
И я тебе не смог остаться другом.

ПАЛЮЛЯ

Рассказ

Палюля имеет некое обаяние, которое действует на меня почти магнетически, благодаря чему я его до сих пор не уволил. Наверно, это у него врожденное. Вряд ли приобретенное, потому как рос он исключительно среди наркоманов и любителей всякой химии. Не знаю, как сильно употреблял Палюля в юности подобную «дурь», но в настоящее время я за ним подобной пакости не замечал – он только пьет. Вид имеет неприглядный: длинный, сильно худой, порядком поседевший; одевается во что под руку подвернется, иногда кажется: попадетса ему женский халат, он и его наденет, и нисколько этим не смутится.

Лицо у него испещрено прыщами разных форм и таких немислимых оттенков, что диву даешься, до чего природа богата. Рабочий стол его стоит прямо передо мной, но за стеклянной перегородкой, и у меня вошло в привычку (думаю, что и у его коллег) наблюдать за ним. Нам кажется, что мы делаем это незаметно для него, хотя кто его знает? Как астрономы, жаждущие открытия на столь привычном небосклоне, мы вглядываемся в его пятнистое лицо и с восторгом находим новые и сверхновые «звезды», успевшие за ночь народиться на его лице. В понедельник это сначала еле заметная точка, к среде она формируется в хорошо заметный бугорок, в четверг наливаются сочным золотом, в пятницу это золото «играет» на солнце, в субботу Палюля не выдерживает и давит прыщ – золото пропадает, а ярко-красное пятно остается. Навсегда.

Его зубы, или то, что у него во рту вместо них, на неподготовленного человека производят сильное впечатление, и на всю жизнь! Похоже, что Палюля каждое утро лепит из пластилина некоторое подобие зубов и клеит их в совершенно пустой рот. При этом он не запоминает, где какой зуб стоял накануне, и ставит их где попало, причем его нисколько не заботит соответствие общепринятой норме. При этом палитра цветов пластилина находится в промежутке от желто-коричневого до серо-болотных оттенков.

Мне кажется, его организм ему основательно за что-то мстит.

Интересно, думаю, женат он или нет? Все недосуг спросить. Спросить недолго, ну а что если окажется, что женат: как тогда не пожалеть ту женщину, которая рядом с «таким», и даже имеет общих с ним детей?

У Палюли очень добрые глаза. Иногда мне думается, что та женщина, которая могла прельститься им, глянула ему в глаза и ничего другого потом не заметила. Они смотрят очень преданно, по-

щеньячи, и всегда виновато. Когда он улыбается, становится похож на злодея из сказки, который вдруг, после прикосновения волшебной палочки, осознал свои прегрешения и разом стал сильно положительным героем.

Дом, где он провел детство, находился сразу за музыкальной школой. Возможно, это было причиной его бесконечной интеллигентности и полного отсутствия слуха. Правда, его интеллигентность выражается только в мягком взгляде и речи. Он не «ходит в туалет», а исключительно «посещает уборную». Хотя он старше меня лет на десять, обращается исключительно на «Вы», и вовсе не потому, что подчиненный.

На детском новогоднем утреннике он играл волка, играл хорошо, убедительно. Дети поверили. После череды стандартных сценок с участием Деда Мороза, Снегурочки, зайца, лисы и его самого, Палюля, когда объявили финальный хоровод вокруг елочки, принял в нем участие и начал громко петь, что было ему ранее строжайше запрещено. То ли успех вскружил ему голову, то ли «триста грамм для храбрости». В конечном итоге хор из сказочных героев, полсотни детей и стольких же их родителей смог допеть песенку про елочку только после того, как Палюле пообещали за молчание еще «триста грамм», теперь уже за успех.

Еще Палюля знатно врет! Врет он везде, всегда и постоянно. Врет он даже тогда, когда врать-то ему вовсе не на пользу. Но тут уже дело привычки, инерции. Его ложь во многом сопряжена с его безграничной ленью. Когда мне необходимо понервничать (а такое бывает), я звоню ему, спрашиваю, где он. Он, конечно же, придумывает, что он сейчас красит стены в таком-то номере, я сразу поднимаюсь в этот номер и жду его. Жду минут десять, пока он вскочит с кровати, стряхнет остатки сна и быстро прибежит. А там я.

Палюлю я поселил у себя в Доме отдыха, в цокольном этаже, по просьбе нашего общего друга, – «на месяцок, не больше». В Москве ему жить негде, на родину нельзя – там кредиторы. Этот «месячок» длится уже второй год. Я назначил ему небольшой оклад и стал поручать малярные и другие отделочные работы. Руки у Палюли «золотые», вот только пользуется ими редко.

Однажды Палюля очень сильно потянул спину и валялся в кровати почти месяц. А случилось это вот как. Прошлым летом на участке нашего Дома отдыха мы решили строить большую крытую веранду. Плотников среди «моих» узбеков не оказалось, поэтому мы выбрали двоих из них и назначили таковыми. После недели работ мне показалось, что процесс идет медленно, и в усиление к ним я отправил Палюлю, благо он не был ничем занят, не назовешь же занятием выдавливание очередного прыща. Вызвал его к себе, пламенно и долго разъяснял, насколько важна эта веранда для родного предприятия и как всем нам будет хорошо, и отправил на стройку. Там как раз должны были начать устанавливать очень тяжелые ше-

стиметровые столбы в подготовленные ямы. Палюля ушел, а через полчаса я пошёл следом.

На стройке был очередной и почти непрекращающийся перекур. За время строительства веранды их было так много, что создавалось впечатление, что ребята работают в коротких и редких промежутках между ними. И вот два моих «плотника» сидят, к ним подсели другие именитые бездельники, а Палюля стоит ко мне спиной. Вскоре он по изменившимся лицам окружающих понимает, что я вышел погулять и моя прогулка включает в себя посещение места будущей веранды. Он срывается с места, секунды две мечется на месте, и вдруг хватается за лежавший на его несчастье рядом с ним один из тех самых шестиметровых брусьев и изо всех сил начинает поднимать вверх. Так он слег с растяжением спины.

А еще он чуть было не продырявил дрелью своего товарища. Это было, когда я в очередной раз отправил его на «усиление» к узбеку Шухрату. Тому нужен был кто-то, чтобы держать доски, когда он стругал на станке.

При моем появлении Шухрат, усиленно работавший на станке, вырубил его, так как тот грохотал на весь подвал. А Палюля, который до сей поры подпирал стену, решил изобразить передо мной бурную активность – схватил хватает первое, что подвернулось под руки, а это была дрель, и давай буравить Шухрата. Хорошо еще, что тот был в ватнике, а сам Палюля не был здоровяком. А так обошлось, слава богу.

По воскресеньям я заставляю Палюлю играть в футбол – спорт как-никак. Играет он хорошо, но то ли лень ему напрягаться, то ли стесняется...

Нет-нет да посещает меня мысль, что ж я его держу при себе, не уволю. Но как-то рука не поднимается. Все-таки имеет он на меня какое-то магнетическое действие.

***

Шогенов Леонид Сулейманович родился 25 января 1935 года в селении Куба Баксанского района КБАССР в семье колхозника. В родном селе в 1954 году окончил 10 классов.

С 1954 по 1957 гг. служил в воздушно-десантных войсках.

С 1957 по 1961 гг. работал в шахтах Донбасса в качестве бригадира забойщиков.

В 1966 году заочно окончил КБГУ по специальности «преподаватель истории и обществоведения», работал по специальности в школах республики – селении Н. Куркужин, городах Баксане и Нальчике.

С 1973 по 2002 гг. работал в КБГУ преподавателем истории и заведовал музеем КБГУ.

Член Союзов писателей и журналистов России.

Написал и издал 15 книг для детей. В том числе перевел на кабардинский язык 5 учебников для младших классов.

Совместно с композиторами Х. Кардановым, А. Дауровым, Б. Кабардоковым, Д. Сотовым, А. Куловым и другими написал свыше 500 песен.

Его произведения включены в учебные программы образовательных учреждений республики: КБГУ, колледжи, учреждения дошкольного и школьного образования.

Проводит встречи со студентами и школьниками различных образовательных учреждений республики.

За педагогический и творческий труд награжден медалью «За доблестный труд».

За активную помощь Абхазии в период борьбы за независимость награжден орденом «Честь и слава».

За общественную работу в укреплении дружбы между народами был награжден «Золотой медалью» Ассамблеи народов России

Присвоено звание «Заслуженный работник культуры КБР»

В настоящее время ведет общественную работу по возрождению, защите языка, обычаев и традиций кабардинского народа. Готовит очередной сборник стихов на кабардинском языке для детей.

СПИСОК КНИГ И ПУБЛИКАЦИЙ

1. Лъэмыж (Мостик) – 1987.
2. Къру шырхэ (Журавлята) – 1993.
3. Псей щхъуантIэ (Ёлочка) – 1996.
4. Клепинина З. А. Природоведение. – Учебник для 3 класса, перевел на кабардинский язык – 1991.

5. Клепинина З. А. Дневник наблюдений над природой и трудовой деятельностью человека. Пособие для 3 класса. Перевел на кабардинский язык – 1991.

6. Клепинина З. А. Природоведение. – Учебник для 4 класса. Перевел на кабардинский язык – 1992.

7. Клепинина З. А., Анфилова Г. Н. Дневник наблюдений над природой и трудовой деятельностью человека. Пособие для 4 класса. Перевел на кабардинский язык – 1992.

8. Сабийгъуэ (Детство). Учебник-хрестоматия для детей дошкольного возраста. В книгу включены 20 его произведений – 1992.

9. Адыгэ сабий литературэ (Кабардинская детская литература). Учебник-хрестоматия для педучилищ. В учебник включены 14 его стихотворений и 10 скороговорок – 1994.

10. Вагъуэбж (Звездочет). В сборник вошли 6 его стихотворений. – 1994.

11. Мацэрэ Боцэрэ – 2001.

12. ЦыкIураш и хьарфхэр – 2004.

13. Лэгъуыпкъу. Сборник песен для детей. Издан в Анкаре – 2006.

14. Къуажыхъ – 2009.

15. Еджарей цыкIухэр – 2010.

16. ПсыЪрышэ – 2012.

17. В журналах «Ошхамахо», «Нур», в газетах «Адыгэ псалъэ», «Советская молодежь», «Кабардино-Балкарская правда», «Хасэ», «Нарт», в учебниках для младших классов опубликованы стихи, загадки и скороговорки.

К 80-летию Александра Сарахова

Известному юристу, писателю Александру Аюбовичу Сарахову исполняется в этом году 80 лет. Он прожил трудную и интересную жизнь. Выпускник средней школы поселка Советский (ныне Кашхатау) поступил в Саратовский юридический институт и окончил его в 1963 году. Александр Аюбович работал в органах прокуратуры нашей республики 37 лет. Начиная помощником прокурора, затем был прокурором Терского, Баксанского и Советского районов. Ушел на пенсию в чине старшего советника юстиции. Удостоен звания

«Почетный работник прокуратуры России». Свыше 15 лет возглавлял Совет ветеранов прокуратуры республики. Является членом Союза писателей России. Издал свыше двадцати книг в жанре детектива и фотоальбом.

У него счастливая судьба: хоть и трудная, но любимая работа; писательское дело стало потребностью души; воспитал дочь Мадину и сына Арсена. Дети пошли по стопам отца – оба юристы. У Александра Аюбовича есть внуки и внучки. «Что еще нужно человеку?..» – сказал однажды пахарь-старец, сидя в окружении множества своих детей и множества их детей.

Александр Аюбович Сарахов является нашим постоянным автором, и коллектив редакции от души поздравляет его с юбилеем. Счастья Вам, многих лет жизни и новых творческих свершений!

В одном из следующих номеров мы увидим некоторые главы из его новой книги.

Редакция журнала «ЛКБ»

Пишкан ТАОВ,
академик РАЕН,
заслуженный деятель науки РФ

О проблемах начального и среднего профессионального образования и повышения престижа рабочих специальностей в КБР

На фоне общих социально-экономических проблем страны обострились проблемы, связанные с профессиональной подготовкой, трудоустройством, занятостью молодежи, являющейся наименее социально защищенным субъектом рынка труда. В настоящее время активными мерами по трудоустройству в России охвачено не более 30% безработной молодежи в возрасте от 16 до 29 лет, что явно недостаточно для обеспечения занятости этой группы населения. Между тем именно молодые люди, составляющие третью часть трудоспособного населения России, занимают важное место в системе воспроизводства и развития трудовых ресурсов и являются основным инновационным потенциалом. И от того, насколько широко молодежь включена, интегрирована во все сферы социально-экономической жизни и насколько активно ее участие в ней, во многом зависят темпы развития всего общества, уровень жизни населения страны.

Еще полвека назад престиж рабочей профессии был огромен. Это был своеобразный «лифт социализации» – получения социальных благ, квартиры, обеспечения достойной старости. О рабочих снимали фильмы и складывали песни. Поколение, воспитанное таким образом, построило ту экономику, которая существует и по настоящий день.

В советское время декларировалось, что рабочий класс, пролетариат – гегемон, ведущая сила. На самом деле пролетариат, конечно, не обладал тогда властью, но занимал достаточно весомое и уважаемое положение в обществе. Но вместе с тем работала так называемая вертикальная мобильность, социальные лифты, – способные выходцы из низов имели возможность реализовать себя, многие проходили путь от простых рабочих до инженеров, директоров заводов, и даже руководителей страны. Благодаря и этому движению стали возможны достижения советского периода.

Однако уже в начальный период перестройки всё большую весомость в обществе стали занимать не те люди, которые что-либо производили или выполняли важные государственные функции, а те, кто находился в системе распределения различных благ. Именно они в конце советской эпохи стали, по сути, хозяевами жизни – олигархами. А уважения к рабочим профессиям соответственно становилось всё меньше.

Сегодня же чиновники продолжают не уделять должного внимания положению рабочего, который создаёт, двигает вперёд экономику. Они не заинтересованы в развитии базовой экономики и внедрении совре-

менных инновационных технологий. Есть другие способы получения быстрых и легких денег.

Но не стоит забывать одну известную мудрость: «Все наши надежды покоятся на тех, кто сам себя кормит». То есть на тех, кто работает в жизненно важных для страны сферах. И пока мы не поставим этот принцип во главу общественного устройства, наши разговоры о поднятии престижности рабочих профессий так и останутся разговорами.

Сегодня в России наблюдается острейший дефицит в отношении рабочих специальностей, требующих высокой квалификации. Почти повсеместная нехватка рабочих кадров создаёт серьёзные проблемы для большинства промышленных предприятий, средний возраст работников приближается к пенсионному возрасту. Особенно это четко прослеживается в строительной отрасли и сельском хозяйстве. При огромной нехватке рабочих рук в строительной отрасли страна вынуждена привлекать низкоквалифицированных рабочих их ближнего и дальнего зарубежья, в то время как свои остаются не у дел. Такая же картина в сельском хозяйстве, которое стало развиваться на промышленной основе, не имеет подготовленных кадров для работы в таких условиях и вынуждено приглашать работников из других стран, хотя села страны в большинстве своем трудоизбыточны, а многие сельчане просто отвыкли работать в сельском хозяйстве.

Государство выделяет немалые деньги на развитие системы профессионального технического образования, но, несмотря на это, подготовка высококвалифицированных рабочих и специалистов среднего звена не отвечает требованиям рынка труда. Современная система образования выпускает 80% специалистов с высшим и только 20% с начальным и средним профессиональным образованием. Рынок же сегодня требует обратной пропорции. Стоит вопрос – «Кто руками будет продвигать эти инновации?».

В настоящий момент российский производственный сектор переживает не самые лучшие времена. Утверждение, что рабочие специальности – низкооплачиваемые и малопривлекательные, прочно держится в общественном сознании. На производственных предприятиях сейчас трудятся в основном специалисты предпенсионного и послепенсионного возраста – те, которые получали соответствующее образование еще в Советском Союзе. В отраслях не хватает рук, молодежь калачом не заманишь на подобную работу. Почему сложилась такая ситуация? И как поднять престиж профессии?

Проблема дефицита квалифицированных рабочих кадров оказалась столь острой, что стали звучать даже предложения молодым людям, выбравшим рабочие специальности, предоставлять отсрочку от армии. Конечно, если бы мы на заре перестройки не превратили в посмешище сами слова «пролетариат», «рабочий класс», приняли хоть какие-то меры для обучения рабочим профессиям в условиях рынка, сегодня, глядишь, не пришлось бы выдумывать весьма сомнительные в плане эффективности предложения.

Нельзя вернуться в прошлое. Нельзя найти один чудодействен-

ный способ решения проблемы. Менять надо что-то в системе, которой нужен не мастер, требующий уважения к себе и своему труду, а бесправный, неквалифицированный, завезённый откуда-то раб, который работает за гроши, живёт в нечеловеческих условиях, а следовательно, и работает соответствующим образом, и ничего не слышал про какие-то там модернизации и инновации.

Проблемы среднего профессионального образования России еще более обострены в трудоизбыточной Кабардино-Балкарии. Предприятия республики с многотысячными коллективами, известными в стране и за рубежом (Завод полупроводниковых приборов, завод «Телемеханика», «Севкавэлектроприбор», машиностроительный, станкостроительный, электровакуумный, искусственных кож и т.д.) практически прекратили свое существование, высококвалифицированные рабочие и инженерно-технические работники остались без работы, вынуждены были переучиваться, искать новую работу, многие высококвалифицированные работники покинули республику.

Другие предприятия, которые сохранились и сегодня работают – «Гидрометаллург», «Телемеханика», «Терекалмаз», «Севкаврентген-Д», «Кавказкабель», «Автозапчасть» и др., – в свое время из-за уменьшения объемов производства вынуждены были сокращать персонал и сейчас испытывают острую нехватку кадров, в первую очередь рабочих специальностей. Считаю, что часть проблем подготовки квалифицированных специалистов для промышленных предприятий республики можно и нужно решать в тесном контакте с этими предприятиями. Подготовка специалистов для работы на современном технологическом оборудовании должна быть адресной, то есть предприятия должны стать частью учебного процесса. Будущий специалист должен знать, что после окончания училища он будет работать на этом предприятии, на этом оборудовании, и от его знаний, навыков, квалификации будет зависеть его материальное благополучие. Такая постановка рациональна, выгодна и эффективна для всех сторон процесса, как для учреждения профобразования, предприятия, так и для будущего специалиста.

Сейчас же большинство образовательных учебных заведений профессионально-технического образования лишились прочных связей с базовыми предприятиями, их помощи в укреплении материально-технической базы, учащимся негде стало проходить производственную практику, они потеряли перспективные места трудоустройства.

Чтобы как-то сохранить образовательные учреждения, стали вводить новые специальности, в основном юридические, экономические, финансовые. Практически в каждом образовательном учреждении стал меняться профиль подготовки специалистов и рабочих. Это привело к тому, что сотни специалистов со средним и профессиональным образованием не были востребованы рынком труда. Стала теряться связь школы, учебного заведения и предприятий. В погоне за большой прибылью хозяева предприятий и организаций стали открывать у себя на предприятиях краткосрочные курсы подготовки токарей, слесарей и других рабочих профессий, устанавливая ученикам стипендии в 2-3 тысячи ру-

блей, тогда как в образовательных учреждениях профессионально-технического образования сроки обучения составляли 1-4 года, а стипендия 200-400 рублей в месяц. Это повлияло и на качество подготовки специалистов и на отток учащихся из системы профессионально-технического образования, набор учащихся в образовательные учреждения профессионально-технического образования. И вместе с тем не дало квалифицированных специалистов.

Финансирование образовательных учреждений начального и среднего профессионально-технического образования из республиканского бюджета не в полной мере обеспечивает потребности образовательных учреждений в приобретении станков, механизмов и другого оборудования, ремонте и оснащении зданий и сооружений. Так, например, Кабардино-Балкарский гуманитарнотехнический колледж за последние 4 года не получил из республиканского (КБР) бюджета ни одного рубля на приобретение и ремонт. Токарные станки, на которых ведется обучение учащихся, были выпущены еще в далекие 60-е годы 20 века. Обучение по специальности «техническое обслуживание и ремонт радиоэлектронной техники» не отвечает современным требованиям, оборудование устарело, не хватает материалов и комплектующих изделий, олова, канифоли и т.д.

Вместе с тем, несмотря на огромные финансовые трудности, система начального и среднего профессионального образования республики выжила, по-прежнему остается важным звеном государственного образования и в частности в подготовке высококвалифицированных рабочих кадров, она развивается и работает, прежде всего, благодаря педагогам и мастерам производственного обучения. Главная цель профтехучилищ и лицеев – предоставление образовательных услуг, которые позволяют полноценно осваивать современные профессии. Образовательная деятельность многих училищ и колледжей поставлена на высокий, современный уровень. Хотелось бы отметить в этом плане Кабардино-Балкарский агропромышленный колледж имени Б. Хамдохова, Кабардино-Балкарский торговотехнологический колледж, Кабардино-Балкарский колледж «Строитель», Кабардино-Балкарский автомобильно-дорожный колледж, Кабардино-Балкарский гуманитарно-технический колледж.

Одной из проблем образовательных учреждений начального и среднего профессионально-технического образования является отсутствие базовых предприятий и организаций.

По многим рабочим профессиям и профессиям среднего звена негде организовывать производственную практику учащихся. Профессиональные умения и навыки можно подкрепить только на предприятиях, в ходе прохождения производственной практики, но зачастую организовать практику негде, да и предприятиям в настоящее время не выгодно принимать учащихся на практику и вести их обучение.

Эту проблему необходимо решить в ближайшее время, придать государственный статус социальному партнерству работодателей и образовательных учреждений по формированию социального заказа на

подготовку рабочих кадров для экономики республики. При этом обязательно предусмотреть прохождение производственной практики на предприятиях всех форм собственности.

В подавляющем большинстве учреждения профессионально-технического образования готовят специалистов для экономики республики, и рынок труда складывается здесь же. Проблему базовых предприятий необходимо решать согласованными действиями всех заинтересованных лиц. Следует создать новый механизм привлечения средств в образовательные учреждения, даже путем отчислений от работодателей определенной суммы средств на подготовку необходимых кадров. Необходимо принять Закон КБР по данному вопросу.

С учетом тенденций развития экономики республики Министерству образования и науки КБР, Госкомитету КБР по занятости населения, Министерству сельского хозяйства КБР необходимо конкретно изучить рынок труда, определить необходимое количество рабочих и специалистов в аграрном секторе экономики.

Не секрет, что многие профессии в республике не востребованы, а мы продолжаем их готовить, причем в большом количестве, 50% бюджетных средств, выделяемых государством на профтехобразование страны, расходуется на подготовку кадров, не востребованных рынком труда. Об этом говорит В. В. Путин.

Сложным остается вопрос престижа рабочих профессий. Средствам массовой информации необходимо популяризировать рабочие профессии, чаще рассказывать молодежи и славить Человека Труда, рабочие династии в республике.

В рыночном обществе престиж определяется зарплатой. Наиболее талантливые, амбициозные люди нацелены на успех, который понимается, прежде всего, как материальное вознаграждение.

Высокая зарплата может быть у квалифицированных рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, машиностроении, производстве электроники. А это те самые отрасли, которые у нас продолжают деградировать. Можно сколько угодно говорить и призывать, но пока наша экономика всё больше будет сводиться к добыче углеводородов, никакого изменения в отношении к рабочим профессиям в общественном сознании не произойдет. Необходимо средства от реализации природных богатств страны пускать на развитие базовых отраслей экономики, где требуются квалифицированные рабочие.

Современная экономическая ситуация в России предъявляет более жесткие требования к качеству профессионального образования, предоставляемого образовательными учреждениями. Дальнейшее развитие экономики требует совершенствования работы учреждений начального и среднего профессионального образования, необходим его переход на новый, более качественный уровень. Образовательные учреждения начального и среднего профессионального образования должны стать главным звеном подготовки молодого пополнения квалифицированной рабочей силы, воспроизводства дипломированных работников.

По данным Федеральной службы по труду и занятости в настоя-

щее время от 60 до 80 % вакансий на рынке труда составляют вакансии рабочих профессий. При этом средний возраст российского рабочего в настоящее время составляет 51-58 лет. Эта статистика подтверждает неблагоприятную ситуацию с воспроизводством рабочих кадров. Дефицит рабочих кадров уже сейчас становится тормозом развития российской экономики.

В настоящее время стало очевидным, что решение актуальных социально-экономических задач напрямую зависит от качества профессионального образования, квалификации рабочих и служащих.

Нужно учитывать, что высококвалифицированные рабочие и специалисты среднего звена – самый большой сегмент производительных сил нашего общества. Их доля в числе занятых в экономике равна почти 70%. В то же время их квалификация остается невысокой. Так, в России рабочих высшей квалификации только 5%, в США – 43%, а в Германии – 56%. Ученые прогнозируют, что к 2030 году численность трудоспособного населения сократится на 20 %, и на этом фоне в ближайшие годы дефицит кадров и уровень их компетенции хотят стать одной из основных проблем экономики.

При таком положении, когда перед страной стоит задача удвоения ВВП, развивать и укреплять образовательные учреждения профессионально-технического образования – первоочередная задача государства.

В связи с этим вывод напрашивается следующий: обеспечить российской производственной сфере светлое будущее можно только одним способом – повысить привлекательность рабочих специальностей. Как это сделать? Своим мнением по данному вопросу хочется поделиться. Выделим основные направления деятельности для решения данной проблемы:

Во-первых, нужен целый комплекс мер по привлечению молодежи: центры занятости, молодежные биржи труда, объявления о вакансиях не только в газетах, но и в вузах, техникумах, участие в ярмарках вакансий в учебных заведениях. Самое важное – убедить молодых специалистов, что большие быстрые деньги – не всегда разумный выбор. Ведь залог личной финансовой стабильности каждого – именно высокая квалификация, которую можно получить не только по окончании вуза, но также и работая на производстве.

Во-вторых, государство должно организовать правильную, грамотно продуманную рекламу всех «не престижных» рабочих профессий, возможно, даже оказывать какую-то финансовую помощь в создании рабочих мест.

В-третьих, чтобы специальность «рабочий» рассматривалась как престижная, необходимо, чтобы интенсивно, опережающими темпами и стабильно, без резких взлетов и падений, в сравнении с российской экономикой, развивалось отечественное промышленное производство. Будет развиваться производство – будут востребованы и престижны рабочие профессии.

В-четвертых, развивать отечественную промышленность необходимо на новом инновационном уровне. Причем развивать нужно, пре-

жде всего, такие высокотехнологичные, инновационные предприятия, которые обеспечивают производство востребованных современными людьми товаров с высокой добавленной стоимостью. И уже в дополнение к этому целенаправленно заниматься популяризацией рабочих профессий, начиная с семьи, приучая детей к полезному труду в семейном хозяйстве и продолжая этот процесс в школе.

В-пятых, для того чтобы решить проблему, необходим постоянный и компетентный диалог заинтересованных сторон – работодателей и учреждений начального (НПО) и среднего (СПО) образования.

Кроме того, все рабочие профессии нуждаются в качественной рекламе. В специальных профессиональных училищах колоссальный недостаток. В связи с этим немаловажное значение имеет популяризация рабочих профессий, их пропаганда с использованием средств массовой информации (СМИ). Учитывая уровень влияния СМИ на выбор молодежью своей профессии, одним из направлений здесь должно стать взаимодействие с региональными СМИ (радио- и телепередачи, публикации в печатных и электронных СМИ). В эфире республиканского радио и телевидения по наиболее популярным у молодежи каналам необходимо предусмотреть регулярные выпуски радио-телепередач профориентационной тематики. Другими словами, должна существенно повыситься роль республиканских СМИ в популяризации рабочих профессий.

Среди путей решения проблем можно также назвать:

– оптимизацию сети учреждений начального профобразования. Что вкладывается в это понятие? Во-первых, укрепление профессиональных училищ в малых городах и на сельских территориях, а в Нальчике – создание многопрофильных образовательных учреждений с учетом реальной потребности предприятий в рабочих кадрах. Там, где несколько училищ ведут подготовку по одним и тем же профессиям, дублируют работу друг друга, целесообразнее на базе лучшего училища объединить материальную базу и квалифицированные педагогические кадры, таким образом повысить качество подготовки специалистов и сэкономить бюджетные деньги;

– стимулирование развития системы непрерывного профессионального образования, интеграция вузов, техникумов, училищ;

– внедрение экономических методов управления качеством профессионального образования; (например, в некоторых регионах бюджетные деньги гарантированно получают училища, выпускники которых трудоустраиваются по специальности, закрепляются на рабочем месте, где обеспечен высокий уровень квалификации, сохранность контингента);

– введение в образовательных учреждениях часов профориентации, приглашение на них представителей предприятий;

– проведение открытых уроков в общеобразовательных учреждениях, дней открытых дверей и конкурсов профессионального мастерства на промышленных предприятиях и в организациях для учащихся школ, их родителей и работодателей;

– разработку республиканской программы профессиональной ориентации и обеспечения адаптации к рынку труда учащихся общеобразо-

вательных учреждений, учреждений начального и среднего профессионального образования с целью достижения сбалансированности, между профессиональными интересами обучающегося и возможностями рынка труда;

- разработку программы совместного комплексного взаимодействия власти, предприятий и образовательных учреждений для популяризации рабочих профессий;

- создание стипендиальных программ для учащихся начальных и средних профессиональных учебных заведений с целью привлечения на обучение по наиболее востребованным в производстве профессиям;

- разработку на уровне республики программы поддержки промышленных предприятий по обучению персонала, повышению его квалификации с целью развития промышленного производства в республике;

- регулярное проведение ярмарок трудовых ресурсов для обеспечения согласования потребности рынка труда и рынка образовательных услуг, заключения договоров с предприятиями и организациями на профессиональную подготовку кадров квалифицированных рабочих с учетом их потребности;

- ежегодное проведение встреч представителей предприятий с выпускниками образовательных учреждений, посвященных развитию малого и среднего бизнеса;

- проведение круглых столов, коллегий республиканских органов исполнительной власти в сфере образования с участием руководителей учреждений начального и среднего профессионального образования, работодателей с целью обсуждения возникающих проблем, в том числе вопросов трудоустройства выпускников каждого образовательного учреждения, а также в разрезе укрупненных групп специальностей;

- проведение республиканских выставок, посвященных развитию начального и среднего профессионального образования;

- создание эффективной системы социальной защиты и охраны здоровья учащихся и работников образовательных учреждений профессионально-технического образования, благоприятной среды для формирования социально-нравственных и профессиональных качеств учащихся.

Важную роль в этом вопросе следует отвести работодателям, которые могли бы разрабатывать и реализовывать программы внутрифирменной подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала; повышать престиж рабочих профессий путем улучшения условий труда и повышения оплаты за него; принимать активное участие в организации практики студентов; организовывать для молодых специалистов, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, стажировку непосредственно на рабочем месте; участвовать в формировании прогноза востребованности профессий (специальностей) на рынке труда и др.

Валерий ДЗЫБА

От автора

Между Главным Кавказским и Бзыбским хребтами, в долине реки Бзыбь, на высоте 760 метров над уровнем моря, располагался аул Псху. Путешественники, в том числе Эвлия Челеби, которым удалось побывать в Псху, называли его «общество Псху», «страна Псху» из-за оторванности от внешнего мира.

Псху граничило с Джигитией, Аибгой, Ахчи-Псоу и северокавказскими абазинскими обществами Башилбай, Казилбек. Там и Шагирей, входивший в состав Бесленеевского княжества, а Псху напрямую граничило с Карачаем и Черкесией и не входило в состав Абхазского княжества.

В Псху проживали абазино-абхазские племена, в русских документах их называли псхувцами, а соседние племена – ашкарауа (в букв. переводе – люди гор, горцы), у черкесов и других горцев они были известны как мдавейцы, мдажьюи.

Псху было сообществом, которое не только защищало себя, но и само совершало нападения на ближние и дальние общества по обе стороны Кавказского хребта, и редко кому удавалось вступить сюда с мечом. История, за исключением 1840-х годов, не знает ни одного случая покорения псхувцев.

Впервые часть псхувского населения присягнула на верность русскому царю летом 1840 года.

В январе 1844 году пятитысячный отряд русских войск и абхазской милиции под командованием генерал-майора Шервашидзе М. Г. и начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майора Муравьева Н. Н., не входя в псхувскую землю, привел псхувцев к покорности.

В январе 1859 году четырехтысячный отряд русских войск и абхазской милиции, под командованием генерал-лейтенанта Лорис-Меликова, командующего войсками в Абхазии, вновь привел к покорности псхувское население.

Однако, несмотря на все принимаемые меры, стабильности и спокойствия в горных племенах не было, и как докладывал российскому Военному министру начальник Черноморской береговой линии генерал-майор Анрепа, «...Псху служило убежищем всех беглецов из Абхазии...» и псхувцы продолжали являться «...беспокойным элементом... увлекая цебельдинцев и других абхазцев в разные нападения...».

Для наказания и решения вопроса об окончательном покорении псхувцев, командующий русскими войсками в Абхазии генерал-майор Корганов О. И. собрал пятитысячный отряд из войск и милиции и двинул в Псху. И это был первый отряд, которому удалось проникнуть непосредственно в Псху...

**Поход в Псху экспедиционного отряда
генерал-майора Корганова О. И. и абхазской милиции
под командованием генерал-лейтенанта Шервашидзе М. Г.**

Псхувцы, окруженные 29 января 1859 года отрядом командующего войсками в Абхазии генерал-лейтенанта Лорис-Меликова М. Т. и абхазской милицией, под руководством владетельного князя Абхазии генерал-лейтенанта Шервашидзе М. Г., были вынуждены изъявить покорность русским и выдать в залог покорности аманатов, которых Лорис-Меликов М. Т. передал на поруки гвардии поручику Маргания Гассану, который продержал их у себя некоторое время и возвратил без разрешения русских в Псху.

В 1860 году требование генерал-майора Корганова О. И., назначенного командующим войсками в Абхазии, о выдаче этих аманатов псхувцы не выполнили и князя их на вызовы к русским не явились.

Псхувцы объяснили, что Кизильбек Маршания, занимающий их край, объявил: в случае принесения псхувцами присяги на верноподданство России или выдачи русским аманатов он выступит против них с ахчипсхувцами и айбговцами.

Гассан Маргания, отпустивший аманатов, обвинялся в самовольных действиях и в других тайных делах против России, и главнокомандующий Кавказской армии генерал-фельдмаршал Барятинский А. И., приказал Кутаисскому генерал-губернатору арестовать его.

Неповиновение псхувцев относительно выдачи аманатов русским и оказания ими помощи Кизильбеку Маршания и его отряду вызвало у русского командования решение употребить против этого общества силу оружия, если оно не изъявит полную покорность.

Для этой цели генерал-майор Корганов в июле 1860 года направил князя Маршания Осман-Бея в Псху с требованием выдать аманатов, а псхувским князьям явиться к нему, после чего начал формировать экспедиционный отряд для похода в Псху.

В письме от 15.08.1860 г. начальнику Главного штаба Кавказской армии генерал-адъютанту Милютину А. Д. он указывал: «...я решился во что бы то ни стало идти в Псху по двум весьма важным причинам:

1. ...настроение умов в Абхазии и Цебельде представляли ... глубокие замыслы противодействия нашему господству... доказав на деле нелепость ... слухов о войне с Турцией, и о предстоящем отступлении наших войск из края ...я решился предложить всей Абхазии и Цебельде поход в Псху, я указал ополчившимся на приобретение добычи, на отомщение по старинным расчетам за кровь и за безнаказанные нападения псхувцев. Мере этой я нашел полное сочувствие в абхазах и цебельдинцах...

2. ...движение нашего отряда в Псху без всяких предварительных приготовлений я скрывал до минуты выступления отряда...

Такое неожиданное движение наше в землю псхувцев ... изумило не только их, но и всю Абхазию и Цебельду. Я не знаю, как примете Вы этот вовсе неожиданный и неподготовленный поход в Псху, но, глубоко

вникнув в положение наше в этом крае... и зная азиатскую натуру, я решился, почти даже без разрешения, предпринять этот поход, и, обратив, таким образом, все тайные против нас замыслы и приготовления в нашу пользу, поставить Абхазию и Цебельду в оппозицию против враждебных нам псхувцев и др. племен, и еще больше расположить жителей этого края для будущих наших действий...» [1].

5 августа 1860 года из Псху вернулся цебельдинский князь, Маршания Осман-Бей, и сообщил, что псхувцы отказались выдавать аманатов, так как в этом случае против них выступит вооруженная партия Маршания Кизильбека, ахчипсхувцев, айбговцев и их союзников.

По команде Корганова войска «летучего» Цебельдинского отряда были собраны 8 августа в лагере, в урочище Шукурать, в составе 6 стрелковых и 4-х линейных рот, взвода боевых ракет, полусотни казаков 3-го Донского полка, стрелковых рот батальонов № 26, 34, 35 и 36, и двух рот 3-го батальона – стрелковая и 2-я линейная, занимавшихся возведением Цебельдинского укрепления; также вызванная со строительства Кутаисско- Сухумской дороги стрелковая 23-я рота, и 1-я, 2-я и 4-я роты 33-го Кавказского линейного батальона.

Продовольствие было получено на 14 дней, палатки и теплые вещи в поход не брались.

К походу была привлечена милиция из Абхазии, Цебельды и Дала в количестве 3000 человек, общее же число экспедиционного отряда составляло более 5000 человек.

Одновременно с выступлением войск начальнику Сухумской морской станции капитану 1-го ранга Греве А. И. было приказано с 10 августа на корвете «Удав» отправиться к неприятельским берегам до Вардане и, становясь на якорь, если позволит погода, против населенных мест Адлера и Сочи, бомбардировать их. И, имея на буксире азовские баркасы и сотню стрелков из Гагринского укрепления, делать вид попытки десантирования, чтобы этим отвлечь внимание и не дать джигетам и убыхам оставить свои населенные пункты на побережье и прийти на помощь псхувцам.

Для увеличения отряда Корганов 12 августа снял с позиций на Джгерди 36-й Кавказский линейный батальон, проводивший дорожные работы, и направил в Псху по другой дороге, через реку Амткель, горы Амткель, Амткель-Ачадара, Лахта, к реке Бзыбь, на соединение с основным (цебельдинским) отрядом, разрабатывая дорогу, которая стала второй, и при возможном отступлении отряд имел бы два пути отхода, чтобы, таким образом, маскировать реальное направление пути отступления.

Вечером 6 августа, чтобы скрыть время похода и путь наступления отряда, Корганов выдвинул 4 стрелковых и 1 линейную роты с командой саперов на левый берег реки Амткель и приказал командиру этого отряда подполковнику Кузьминскому П. В. утром 7 августа переправить отряд на правый берег и как можно быстрее двинуть к реке Келасури.

8 августа цебельдинский отряд навел мост через реку Келасури и двинулся в Псху, разрабатывая дорогу на хребет Ашахумара для прохо-

да всего цебельдинского отряда с артиллерией по тропе, соединяющей Цебельду с Псху и называемой горцами «воровской».

13 августа отряд от хребта Химса дошел до перевала, называемого Псхувскими воротами. В эту ночь абживская, цебельдинская и дальская милиция через перевал Адингез вышла на правый берег реки Бзыби и заняла господствующие позиции.

15 августа цебельдинский отряд по проложенному мосту переправился через реку Бзыбь на правый берег, вступив в Псхувскую землю, куда никогда еще не проникало русское оружие, и расположился на позиции Ахвакв.

Милиция в этот же день заняла позиции на горе Гуаштхва, составляющей важнейший ключ к центру Псхувского поселения.

16 августа отряд перешел ущелье реки Псышь и также вышел на гору Гуаштхва. Здесь Корганов получил сведения, что в связи с занятием русскими горы Гуаштхва, главного своего оплота, псхувцы якобы решили принести покорность.

Накануне Александр Шервашидзе доложил, что псхувские князья и старшины, вместе с аманатами, идут навстречу русскому отряду вести переговоры о перемирии.

Однако в это же время Константин Шервашидзе сообщил, что псхувцы просили и его о перемирии, но в то же время не пропустили его милицию на соединение с цебельдинским отрядом, завязав перестрелку.

Ночью 17 августа в помощь псхувцам прибыли первые отряды джигетов и убыхов, и псхувцы закончили обустройство семи завалов на пути русского отряда, и объединенные силы псхувцев, ахчипсхувцев, айбговцев, джигетов и убыхов были готовы к вооруженному сопротивлению.

Оценив всю эту информацию, Корганов решил брать Псху боем. Авангарду, в котором были сосредоточены главные силы отряда, приказал выбить псхувцев из завалов и других укрепленных позиций и открыть дорогу войскам в долину реки Агрибзе.

Как только отряд стал спускаться с Агрибзе в ущелье, псхувцы открыли сильный ружейный огонь. Подполковник Кузьминский атаковал подразделение три завала и в упорном рукопашном бою, несмотря на потери русского отряда и ранение в обе ноги подпоручика Григорьева, первым ворвавшегося на завалы, приступом они были взяты.

В этих боях отличился и рядовой 33-го Кавказского линейного батальона Тимофей Шерементюк, награжденный знаком отличия военного ордена Святого Георгия 4-й степени, № 11425, «...за отличия, оказанные им в делах с горцами во время действий Цебельдинского отряда в 1860 г., при покорении общества Псху, и в деле 17 августа 1860 г. на высотах Агрибзы...» [2].

Сбитый с левого берега и обойденный войсками, псхувский отряд бросился на правый берег, считавшийся по природным условиям неприступным, где были сосредоточены их основные силы. Майору Армашевскому с тремя стрелковыми ротами было приказано обойти псхувские завалы на правом берегу и взять их штурмом. Подполковник Кузьминский, развернув багарею, открыл прямой наводкой губитель-

ный артиллерийский огонь картечью по этим позициям, отвлекая внимание от действий отряда Армашевского. В 13 часов отряд Армашевского бросился на штурм позиций псхувцев, град пуль и тучи камней псхувцев уже не смогли остановить штурмующих... С противоположного берега подполковник Кузьминский бросился в рукопашный бой, и этот отчаянный штурм горцам не удалось сдержать, и им пришлось отступить.

Самые отважные и отчаянные псхувцы, ахчипсхувцы, айбговцы, джигеты и убыхи, не допуская даже мысли о возможности поражения, перешли снова на левый берег реки Агрибзе и атаковали подходивший к месту боя арьергард под командованием майора Стражеца, но войскам удалось отбить атаку, и горцам снова пришлось отступить. На этом боевые действия с обеих сторон были приостановлены.

На полях сражений остались тела 60 убитых горцев, из них – пять псхувских князей и старшин, таких потерь у псхувцев никогда еще не было. Остальные убитые были из числа ахчипсхувцев, айбговцев, джигетов и убыхов, пришедших на помощь псхувцам.

В этих боях сказалось численное превосходство регулярных русских войск, наличие у них горных артиллерийских орудий, ракетных установок и главное – нарезного огнестрельного оружия. Но, тем не менее, потери русских составили 16 человек убитыми, в том числе один офицер, и 52 – ранеными, в том числе 3 офицера.

В это же время морская эскадра А. И. Гreve в течение шести дней из артиллерийских орудий крейсеров обстреливала и громила прибрежные аулы горцев, и причинила им такие разрушения, что подвластные князья Аридбаевых и Аремба оставили свои вековые жилища и переселились семействами с оставшимся имуществом в глубину гор. После прекращения огня отряда Гreve большие партии джигетов и убыхов поспешили по всем дорогам на помощь псхувцам...

Историк Самир Хатхо пишет, что в течение этой недели огнем орудий палубной артиллерии были уничтожены все прибрежные селения горцев между Адлером и Саше (Сочи), и, таким образом, джигеты, садзы и убыхи были лишены возможности прийти на помощь псхувцам. [3].

Вечером 17 августа Корганов отдал приказ о штурме последнего оплота псхувцев, укрепленной позиции у горы Цибашхо, но в ночь на 18 августа псхувцы прислали к полковнику Михаилу Шервашидзе, находившемуся при Корганове, представителей для переговоров. В полночь Корганов принял Бату Маршания, который просил о перемирии, и приказал ему со всеми псхувцами явиться к нему утром 18 августа с покорностью и аманатами и в последующем выполнить все его приказы.

В 5 часов утра 18 августа Корганов построил отряд в боевом порядке для штурма последнего укрепления Цибашхо, на случай если псхувцы откажутся принести покорность. Но к назначенному времени к Корганову явился посланец, Бата Маршания, с известием, что псхувские князья и старшины находятся в пути к отряду.

В 7 часов делегация псхувцев, в количестве около ста человек, во главе с Батой Маршания, прибыла в отряд, и Бата вызвал к псхувцам полковника Михаила Шервашидзе и всех князей Шервашидзе, находив-

шихся при русском отряде, для подготовки переговоров с Коргановым.

Ввиду важности принятия решения о принесении покорности вопрос был поставлен на обсуждение народного собрания псхувцев и представителей союзников, пришедших на помощь.

В это же время прибывшие для продолжения боя с русскими первым и вторым эшелонами убыхи и джигеты, потерявшие в боях 17 августа своих родственников и соплеменников, были категорически против принесения псхувцами покорности русским и требовали продолжения войны, обвиняя псхувцев в отсутствии решительности и ответственности за вовлечение союзников в это сражение.

На виду у русского отряда произошла перестрелка между несогласными на перемирие с согласившимися принести покорность, но Бата Маршания убедил псхувцев и их союзников в необходимости принесения покорности, и в 12 часов дня псхувцы предстали перед генералом Коргановым и русским отрядом.

Князь Таир-Бей Багаркан-ипа Маршания от имени Псхувского общества попросил разрешения принести присягу на верноподданство российскому императору и выдать аманатов. Главный эфенди псхувцев князь Абду-Рахман Маршания прочитал молитву и текст присяги, подготовленный штабом Корганова, и привел всех прибывших псхувцев к присяге по народному обычаю, подходя к Корану.

После принятия покорности и выдачи аманатов Корганов, пощадив посеы, имущество и жилища псхувцев, приказал выделить милицию, которая должна сопроводить русский отряд до границы с Абхазией.

Вечером 19 августа Корганов получил донесение, что по всем дорогам на помощь псхувцам спешат многочисленные отряды ахчипсхувцев, айбговцев, убыхов и джигетов, но поскольку псхувцы к тому времени уже принесли покорность русским, тем пришлось возвращаться домой...

20 августа, на границе Псху с Абхазией, псхувская милиция была отпущена, а с русским отрядом остались некоторые псхувские князья и старшины, желавшие представиться главному русскому начальству.

23 августа отряд Корганова прибыл в урочище Шукурань, и в этот же день была распущена вся милиция, участвовавшая в походе.

Псхувские князья и старшины, прибывшие с отрядом Корганова, 30 августа 1860 года, в торжественный день тезоименитства императора Александра II, в составе делегации прибыли в Тифлис и представились главнокомандующему Кавказской армии М. Н. Романову.

Эти же события описал участник похода Т. Т. Стефанов – штабс-капитан Михайловского батальона, входивший в экспедиционный отряд Корганова: «... Не было еще покончено с обществом Псху, которое скрытно, но деятельно участвовало во всех враждебных нам предприятиях. Чтобы положить конец этим сомнительным отношениям псхувцев, тем более что пример безнаказанного неповиновения и противодействия мог иметь ... опасные последствия, необходимо было ... привести их к покорности силою оружия, доказав ... торжество нашего господства, и ... доказать всю нелепость ... слуха оставления нами Абхазии. ... Это был первый опыт наших военных действий в недрах гор, за которыми

были укрыты племена Псху и Аибга.

...Нравственное влияние этого похода должно быть тем более показательно, что все три предпринятых до сих пор экспедиции в это общество ... ограничивались только движением отряда в зимнее время к подошве хребтов Доу и Амакя, окаймляющих Псхувскую котловину.

В начале августа Коргановым послано в Псху последнее приказание выдать аманатов, но ответ псхувцев был уклончивый.

...6 августа 1860 г., в лагере на урочище Шурукань ... собран отряд из десяти рот от Кавказских линейных батальонов ... со взводом сапер, горной артиллерии и ракетной команды, при полусотне Донского № 3 полка, общей численностью войск в 2200 человек, не считая трех тысячи милиции...

Чтобы отвлечь внимание от Псху джигетов и убыхов, которые могли дать помощь псхувцам ... приказано начальнику Сухумской морской станции капитану 1-го ранга Греве 10 августа отправиться на военных судах и крейсировать в течение семи дней в виду неприятельских берегов, до Вардане, подходить иногда к более населенным местам и бомбардировать их.

...15 августа, спустившись к подножию Главного Кавказского хребта и перекинув мост через реку Бзыбь, отряд перешел на правый берег и вступил в Псхувскую землю. ...В то же время милиция заняла перевал Доу, а также позиции на правом берегу Бзыби.

...Псхувцы, с занятием нами позиции на реке Гуаштхва, лишившись одного из сильнейших оплотов своей страны, решили явиться с покорностью».

В другом донесении говорилось, что псхувские старшины и аманаты идут навстречу отряду. Это известие подавало надежду генералу Корганову кончить дело без употребления оружия.

Между тем псхувцы не пропустили милицию через перевал Доу, на соединение с отрядом, и спешно скрывали в безопасных местах свои семейства и имущество, ожидая подкреплений от джигетов и убыхов, переговорами же желали лишь задержать отряд и выиграть время.

В ночь на 17 августа получено донесение, что партия джигетов и убыхов в прошлую ночь присоединилась к псхувцам, и что они, отложив свое намерение покориться, в ту же ночь окончили оборудование завалов, приготовились к вооруженному сопротивлению...

Все эти разноречивые сведения убедили начальника отряда, что только оружием можно решить вопрос о покорении Псху, а поэтому он решил атаковать неприятеля в неприступной его позиции ... «и если к семи часам утра псхувцы не явятся с покорностью, то войска спустятся в долину Агрибзе и приступят к разорению их жилищ и уничтожению посевов».

«Псхувцы искусно воспользовались местностью, сознавая важность ее и рассчитывая на оборону. Они устроили целую систему завалов на обоих спусках теснины. Три завала были расположены по гребню и отлогостям, огибающим дорогу с левой стороны, а четыре – по высотам, упирающимся в правый берег реки...

К семи часам утра, подходя к лесу, перед спуском отряда в ущелье, псхувцы открыли сильный оружейный огонь...

Подполковник Кузьминский, зная, что от первого решительного удара зависит весь успех дела, лично повел две с половиной стрелковые роты на приступ и блистательно атаковал три неприятельских завала... Все они в течение не более десяти минут были взяты... Атака эта была так стремительна, что неприятель успел сделать только один залп.

Сбитый с левого гребня и обойденный нашими войсками, неприятель удалился на правую сторону реки, где были сосредоточены... все псхувцы, ахчипсхувцы и другие, враждебные нам племена, пришедшие на помощь с твердым намерением и убеждением не пропустить русский отряд в долину Агрибзе. Позиция, занятая псхувцами по оврагу правого гребня, от природы составляла неодолимую преграду. Система же завалов, на ней устроенных, еще более убеждала горцев в мнении остановить отряд... При переходе с левого берега на правый роты были остановлены убийственным огнем горцев из завалов.

Подполковник Кузьминский поставил против них оба орудия и устроил ложемент для стрелков, огонь которых, поддержанный гранатами и картечью, причинил горцам большой вред...».

Штурм этих укреплений с фронта мог стоить русским больших потерь, а потому майору Армашевскому было приказано спуститься с двумя стрелковыми ротами на дно ущелья, оставить там ранцы и шинели, обойти неприятельские завалы на правом берегу и во что бы то ни стало взять их штурмом. В подкрепление им была направлена еще одна стрелковая рота, которой пришлось пробежать по руслу ручья к месту атаки под сильным огнем из неприятельских завалов.

В полдень майор Армашевский начал обходное движение. Горцы, видя наступление русских с той стороны, откуда они меньше всего их ожидали, и чувствуя, что эта решительная атака отнимет у них и эту последнюю надежду обороны, открыли сильный ружейный огонь по подходящим снизу войскам и решились на отчаянный бой.

Как только майор Армашевский стал подходить к главному завалу, вся русская артиллерия и стрелки с левых высот открыли сильную канонаду и, отвлекая внимание горцев, дали возможность двум атакующим ротам Армашевского подойти к месту боя... В час дня майор Армашевский бросился на штурм завалов...

Одновременно с этим, подполковник Кузьминский с противоположного берега направил стрелковую роту для поддержки приступа. Майор Армашевский, на виду целого отряда, обнажив шашку, первым вскочил на завал и зарубил одного из защитников укрепления.

Здесь завязался отчаянный рукопашный бой, продолжавшийся несколько минут. Пронзительные гики горцев, смешавшись с криками «ура», огласили окрестность; выстрелы прекратились, а стрелки четырех кавказских батальонов перемешались с горцами, работая штыками и шашками.

Горцы, сознавая важность этого пункта, дрались отчаянно. Наконец, видя, что защитников остается уже мало... псхувцы, ахчипсоувцы,

аигба, джигеты и убыхи отступили. Кучи трупов оставались на месте штурма главного завала.

...Отважнейшие из горцев, перейдя вновь на левый берег реки Агрибзе, напали на арьберггард, но все их нападения были отбиты... Тогда горцы обратили все свои действия на обоз отряда, следовавший по узкой тропе из леса. Но когда против них повернули орудия, выстрелы стали прекращаться...

Псхувцы, после неудачной попытки удержать за собой крепкую позицию у Агрибзи, упали духом. Одни хотели изъявить покорность, а другие, озлобленные потерей в деле родственников, приготовились к упорной защите. Между тем Коргановым были сделаны все распоряжения к атаке на другой день последнего оплота псхувцев – позиции Цибашхо, более доступной и расположенной при подъеме с долины на гору, за которой лежали аулы общества.

В полночь 18 августа псхувцы прислали посланника для получения разрешения явиться к Корганову главному вожаку псхувцев... Генерал Корганов принял его и приказал на другой день явиться со всеми псхувцами с покорностью... Утром 18 августа на собрании псхувцев произошли несогласия, и всякий хотел настаивать на своем.

«В тоже время отряд наш, построенный в боевом порядке, был готов для немедленного приступа к последнему убежищу псхувцев, к позиции Цибашхо, на случай, если бы обещание псхувцев не было исполнено. Был уже полдень, когда окончилось совещание псхувцев, и вся толпа представителей общества явилась в лагерь, где приняла присягу и выдала аманатов... После этого отряд начал обратное движение, и 23 августа прибыл в Цебельдинское укрепление...».

Генерал Корганов поздравил войска с окончанием похода: «Поздравляю вас, храбрые товарищи Цебельдинского отряда, с благополучным окончанием экспедиции в общество Псху. Сильный не численностью, но мужеством вашим, я решился предпринять поход в это общество, куда наше оружие еще никогда не проникало. Вы пробили себе дорогу через пять хребтов и прошли через ледники гор Дзыхва и Химса; перейдя истоки реки Бзыби, явились 16 августа к подножию Главного хребта, в урочище Гуаштхва. Изумленные неожиданным появлением вашим в недрах своих недоступных гор, псхувцы надеялись на помощь соседних непокорных племен. Многие сотни явились к ним на помощь и думали остановить вас в лесах и скалистых ущельях Агрибзе.

Поражение, нанесенное им в этом месте 17 августа, взятие пяти завалов штурмом, в коих горцы оставили 60 трупов, убедили их в вашей непобедимости.

Псхувцы прислали своих князей просить милосердия... Чтобы не проливать кровь вашу, я пощадил на этот раз жилища псхувцев и их посевы. Они присягнули в присутствии вашем Государю Императору, выдали аманатов, выставили милицию, которая при обратном движении составляла боковые цепи отряда...

Одновременно ... начальник Сухумской морской станции разгромил население Адлера, зажег жилища горцев, заставив их с семейства-

ми укрыться в горах.

Семнадцатидневный поход ... в общество Псху, поражение, нанесенное 17 августа ... и невероятные труды ваши останутся воспоминанием страшным для горцев, и славным для всех вас...».

30 августа в отряд, в распоряжение генерала Корганова, доставили двадцать знаков отличия военного ордена Святого Георгия для награждения отличившихся нижних чинов. За отличия в боях 17 августа на горе Агрибзе, при покорении племени Псху, были награждены: унтер-офицер Василий Васильев – знаком отличия военного ордена 4-й степени, № 11429; рядовые Аким Ткаченко – 4-й степени, № 11430; Ульянов Стрелецкий – 4-й степени, № 5043; Иван Штрых – 4-й степени, № 5044. Подпоручик Нижерадзе был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, батальонный лекарь Деревянченко – орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами. Так закончился трудный Псхувский поход...» [4].

15 сентября 1861 года император Александр II находился в Сухуме, где ему «...угодно было видеть состоящих еще на службе... участников последней экспедиции в Псху. Всех их благодарил за храбрость и понесенные труды... На отличившихся в последней экспедиции в Псху нижних чинов император собственноручно возложил знаки отличия военного ордена Святого Георгия...» [5].

Примечания

1. АКАК, т. 12, стр. 859, 860, г. Тбилиси, 1904 г.
2. РГВИА, ф. 496, оп. 3, д. 802, л. 378.
3. *Хатхо С. Х.* История Черкесии в средние века и новое время. С.-Пб., 2002 г.
4. *Стефанов Т. Т.* Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. Батум, 1906 г.
5. *Мачавариани К. Д.* Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913 г.

Анжелика ХУБИЕВА,
учитель истории и обществознания
 МКОУ «СОШ № 25» г.о. Нальчик

АДЫГИ – ЖИЗНЬ В ИЗГНАНИИ

*«Коварством генералы зывали горцев к бою,
 Чтоб их затем в набегах хищных обвинять,
 Но разве хищник тот, в чей мирный край войною
 Нагрянули враги, и отечество родное
 От ига и цепей с оружием вышел защищать?!»
 Алексей Кирий (Поэма «Адыги»)*

Тема Кавказской войны является важной и актуальной по сей день. Многое еще остается неизвестным в силу недоступности информации. Отраднo то, что, при изучении истории родного края (М. Д. Бекалдиев «История Кабардино-Балкарии» 8-9 класс) в средней школе, упоминаются события Кавказской войны. Печалит, однако, что информация, изложенная в книге, не дает полного представления о том, как приходилось жить (выживать) адыгам, изгнанным с родных мест вследствие Кавказской войны. Вопрос о геноциде адыгов остается открытым, так как ни одна европейская организация его не признала, но раз факт имел место быть, на мой взгляд, должна быть и соответствующая информация об этом: как они были встречены на чужбине, как был организован быт и как себя чувствовали вдали от Родины. Ведь о жизни переселенцев в Среднюю Азию (балкарцев) мы говорим, и есть информация, изложенная в учебнике (М. Д. Бекалдиев), а об адыгах в изгнании – ни слова. Наверно это, по меньшей мере, несправедливо.

С начала XVIII века возникают периодические конфликты адыгов с Российской империей, набеги адыгов на русские поселения сменяются жестокими карательными экспедициями русских войск. Самым трагическим событием за весь период истории адыгских народов является русско-черкесская, или Кавказская война, длившаяся 101 год (с 1763 по 1864 гг.), которая поставила адыгские народы на грань полного исчезновения.

Освободительное движение на Северном Кавказе развивалось под знаменем мюридизма, одного из течений суфийского ислама. Мюридизм предполагал полное подчинение теократическому вождю – имаму, и войну с неверными до полной победы. В конце 20-х – начале 30-х годов XIX века в Чечне и Дагестане сложилось теократическое государство – имамат. Но среди адыгских племен Западного Кавказа мюридизм не получил значительного распространения.

После поражения Турции в Русско-турецкой войне 1828-1829 гг. восточное побережье Черного моря от устья Кубани до бухты Святого Николая было закреплено за Россией. Необходимо отметить, что территории, населенные адыгами, не входили в состав Османской империи – Турция всего лишь отказывалась от своих претензий на эти земли и

признавала их за Россией. Адыги же отказались подчиняться России.

Кавказская война носила чрезвычайно ожесточенный характер.

Черкесский историк Самир Хотко пишет: «Длительный период противостояния завершился своего рода холокостом 1856-1864 гг., когда Черкесия была уничтожена огромной военной машиной Российской империи. Весь Западный Кавказ представлял собой одну огромную черкесскую крепость, захватить которую можно было лишь путем поэтапного, постепенного разрушения ее отдельных бастионов. После 1856-го года, мобилизовав огромные военные ресурсы, российская армия стала откалывать от Черкесии узкие полоски земли, тут же уничтожая все адыгские села и занимая захваченную территорию крепостями, фортами, казачьими станицами. Поэтапная аннексия дала свои результаты уже к 1860 году, ввиду того что изнуренная Черкесия стала испытывать сильнейший продовольственный кризис: в еще независимых долинах скопились сотни тысяч беженцев».

Эти факты подтверждаются свидетельствами нечеркесских историков. «Черкесские аулы выжигались сотнями, посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявившие покорность, выселялись на равнинные части под управлением приставов, непокорные же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию» (Е. Д. Фелицын).

После кровопролитной войны и массовой депортации адыгов в Османскую империю численность оставшихся на родине составляла немногим более 50 тысяч человек. В ходе хаотичного выселения десятки тысяч людей погибли в пути от болезней, от перегруза турецких плавательных средств и некачественных условий, созданных османами для приема изгнанников. Изгнание черкесов в Турцию обернулось для них подлинной национальной трагедией. Никогда миграции не затрагивали всей массы адыгских народов и не оборачивались для них столь тяжкими последствиями. В 1864 году Россия полностью взяла под контроль территории проживания адыгов. Часть адыгской знати к этому моменту перешла на службу Российской империи. В 1864 году Россия установила контроль над последней не присоединенной территорией Черкесии – нагорной полосой Закубанья и Северо-восточного Причерноморья (Сочинский, Туапсинский и горные части Апшеронского, Северского и Абинского районов современного Краснодарского края). Большая часть сохранившегося населения (около 1,5 млн. человек) Адыго-Черкесии переселилось в Турцию.

Османский султан Абдул-Хамид II поддерживал поселение адыгов на территории его империи, и они поселялись на пустынной границе с Сирией и в других запустелых приграничных регионах для противодействия бедуинским набегам. Один из наместников Кавказа, князь Барятинский, писал в 1861 году, что основная цель переселения черкесов в Турцию – «избавить Кавказское плоскогорье от населения ... и открыть этим самым прекрасные и плодородные места для казачьего поселения».

Сначала Турция принимала черкесов не без корыстной цели. Большинство первых поселенцев были люди состоятельные и особых забот

они о себе не требовали. К тому же все черкесы от природы воины – это было очень на руку туркам, видевшим в этом обстоятельстве возможность пополнить ряды своего войска.

Турецкое правительство мечтало о поселении черкесов среди христианских народностей Балканского полуострова, чтобы они были постоянными представителями турецкого режима для этих народностей и постоянной угрозой для них. Но когда стремление к переселению охватило целые кавказские народности и в Турцию прибыли тысячи горцев, то оказалось, что у турок не было ни средств для содержания этой части людей, ни умения более или менее сносно устроить их.

«Черкесы высаживаясь на турецкий берег, не встречали ни материальной, ни моральной помощи, даже ни указания куда идти и где поселиться. Большой частью они останавливались лагерями на том самом месте, где высаживались, и здесь же бедствовали. Первые эмигранты, прибывшие в начале зимы 1864 года в числе 12000 человек, почти все перемерли. Нуждаясь в пище, изнуренные переездом и болезнями, принесли с собой в Трапезунд тиф, оспу и другие эпидемические болезни, так легко зарождающиеся от нищеты и лишений. Население этого города вследствие этого подверглось страшной смерти. Турки, напуганные этим и ввиду постоянно увеличивающегося числа переселявшихся черкесов, решили расположить эмигрантов в нескольких местах вдоль берега и расставить войска, которые не должны были пропускать их к населенным пунктам. Таким образом, они были блокированы этим чумным кордоном».

По словам очевидцев, в лагерях переселенцев не прекращались «погребальные песни». От голода и болезней в основном гибли крестьянские массы переселенцев, тогда как феодальная верхушка наживалась за счет грабежа и насилия над своими зависимыми крестьянами.

Самсунский санитарный инспектор, врач французского посольства в Константинополе Бароцци писал в своем отчете: «Не нахожу слов для изображения положения, в котором я нашел город и несчастных эмигрантов... На каждом шагу встречаются нам больные, умирающие и трупы – у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Виденное мною в Трапезунде не может никак сравниться с тем ужасным зрелищем, которое представляет город Самсун». Султанское правительство, боясь заражения турецкого населения эпидемией тифа и оспы, создавало для переселенцев специальные лагеря, которые, по существу, являлись лагерями смерти. Таким был лагерь при Аче-Кале, недалеко от Трапезунда. Как сообщил русский консул, этот лагерь «совсем предполагается уничтожить, так как нельзя жить от нечистот и трупного разложения».

Работорговцы, среди которых были и турецкие администраторы, беззастенчиво обогащались на бедствиях горцев. А. Н. Мошнин в своих рапортах писал о том, что «жертвой работорговли стал каждый десятый из переселенцев, оставшихся в живых. Черкесских детей 11-12 лет продавали за 30-40 руб. а местный паша приобрел восемь самых красивых девушек за 60-80 рублей и отправил их в качестве подарков в Стамбул».

В Стамбуле горцев-изгнанников уже негде было поселить, все приемные пункты были полностью забиты. Тем не менее, черкесов продолжали возить сюда, и их скапливалось в Стамбуле все больше и больше. В начале лета 1864 года Османское правительство в качестве центрального транзитного пункта расселения махаджиров выделило порт Констанцу.

Было увеличено количество железнодорожных рейсов и других транзитных пунктов, расположенных на берегу Дуная. Несмотря на это, в Констанце в середине июня скопилось 35 тысяч черкесов. Отсутствие элементарных условий для их существования привело к тому, что бедственное положение изгнанников усугубилось распространением инфекционных заболеваний среди них. Изгнанников, осевших на Балканах с 1839 по 1876 годы, вновь подняли и стали переселять во внутренние районы Анатолии и на Ближний Восток. Аналогично кавказской драме десятилетней давности, это второе изгнание осуществлялось под сильным нажимом правительства и с помощью регулярных войск, только на этот раз не России, а Османской империи.

Местные администрации регионов, куда переселялись черкесы, абсолютно не были готовы к такому повороту событий. Опять стали повторяться все ужасы, невзгоды и страдания, сопровождавшие черкесов в ходе Великого изгнания. В 1878 году в Стамбуле ежедневно умирало по 900 человек балканских эмигрантов, из них на территории мечети Айя-София – 25-30 человек. В Бандерье каждый день смерть уносила 425 жизней изгнанников. Произвол турецких чиновников и работорговцев, наживавшихся на бедствиях изгнанников, только усугубил их ужасающее положение. В результате всех этих невообразимо трагических событий корабли, перевозившие несчастных черкесов, перед взором любого свидетеля представляли собой плавающие кладбища.

После нескольких лет, проведенных на чужбине, в 1896 году удалось бежать на родину кабардинцу Беко из аула Хумара. Свои впечатления о переселении и жизни в Турции он выразил удивительно точно: «Не ушедшие в Стамбул о нем мечтают, а достигшие его – умирают».

В таких ужасных условиях оказались черкесы в пределах турецких владений, которые раньше казались им каким-то обетованным раем...

Использованные источники

1. <http://stavropol.www.kavkaz-uzel.ru/>
2. *Наурзов Б. Б.* Причины и следствия русско-кавказской войны XIX века.
3. Адыги. ru
4. *Касумов А. Х., Касумов Х. А.* Геноцид адыгов.
5. *Кумыков Т. Х.* Выселение горцев в Турцию.
6. *Алексей Кирий.* Поэма «Адыги».

БЕЛАЯ КАВКАЗСКАЯ РАСА

В английском языке официальным термином для обозначения людей белой расы с конца XVIII века является термин «Caucasian» (кавказец).

Белые американцы и в наши дни при заполнении анкет для определения своей расовой принадлежности или происхождения выбирают дефиницию «кавказец». При этом наблюдается интересная тенденция: не все жители самого Кавказа знают о существовании такой терминологии, в то время как и современное мировое сообщество не имеет надлежащего представления об этимологии понятия «кавказская раса».

Термин «кавказская раса» введен в 1795 году известным немецким антропологом, доктором медицины, профессором Иоганном Фридрихом Блуменбахом из Гёттингенского университета, которого называют «отцом физической антропологии».

Определение «белая» по отношению к расе или человеку введено коллегой Блуменбаха по Гёттингенскому университету Кристофом Мейнерсом в «Схеме истории человечества» (1785). Существует и такое предположение, в соответствии с которым Блуменбах заимствовал термин «кавказская» (раса) у Мейнерса, которому, по утверждению некоторых историков, не хватало авторитета и интеллектуального статуса члена лондонского королевского общества, каковым являлся Блуменбах.

Блуменбах предложил одну из самых ранних классификаций рас человечества («О природной разновидности человечества», 1795). По мнению ученого, «кавказский регион производит самую красивую расу людей». В конце XVIII века на основе физических характеристик он разделил человечество на пять рас: кавказскую, или белую; монгольскую, или желтую; малайскую, или коричневую; эфиопскую, или черную; американскую, или красную.

Теория человеческих рас Блуменбаха функционирует и сегодня – термин «кавказская» (раса) по-прежнему применяется при обозначении белых людей, и, несомненно, «желтая», «коричневая», «черная», «красная» (расы) все еще в употреблении, хотя и встречаются в несколько модифицированных формах.

Изучив краниологические особенности кавказцев, проживающих на территории между Черным и Каспийским морями, Блуменбах резюмирует: «Существует белая раса, к которой относятся европейцы. Эту расу следует называть кавказской, поскольку наиболее древними и чистыми представителями этой расы являются коренные народы Кавказа». Другими словами, антрополог считал, что все другие расы (вместе с европейцами и народами Азии) происходят с Кавказа и, соответственно, являются результатом пигментных трансформаций исходной белой кавказской расы. По мнению исследователя, на протяжении сотен и тысяч лет европейцы претерпели определенные видоизменения, смешиваясь с народами других рас, и в чистом виде белая раса сохранилась на Кавказе.

Блуменбах, как и многие исследователи – антропологи, этнологи и

историки того времени, обратил внимание на необыкновенную красоту черкесских женщин и особенно выделял их как «самых красивых представителей этой чистой и исконной расы». В 1870-х годах черкесы и кавказцы в целом, являясь идеалами белизны, были широко популярны в Соединенных Штатах Америки.

Канадский ученый наших дней, доктор лингвистики Гарвардского университета, профессор Макмастерского университета в Канаде, кавказовед, специалист по адыгским языкам Джон Коларуссо так определяет черкесов: «Черкесы были знамениты красотой женщин и храбростью мужчин. Физически большинство черкесов – европейцы по внешности, с возможно легким оттенком восточных черт. Многие черкесы – голубоглазые блондины, в то время как у других наблюдаются общие кавказские черты: очень светлая кожа в сочетании с черными или чрезвычайно темными волосами. Предпочтение они всегда отдавали гибкому и стройному телосложению, одинаково для мужчин и женщин, и даже сегодня во многих селах имеется большое количество здоровых пожилых людей, многим из которых более ста лет» («Прометей среди черкесов», 1989).

Великий немецкий мыслитель XIX века Г. В. Ф. Гегель наряду со многими другими научными деятелями оперировал понятием «кавказская раса»: «Только в кавказской расе дух приходит к абсолютному единству с самим собой, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю. Монголы отличаются по своему характеру бурной деятельностью, стремящейся только к проявлению вовне, которая действует только разрушающе, но ничего не создает, не приводит ни к какому прогрессу во всемирной истории. Прогресс осуществляется только благодаря кавказской расе» («Философия духа», 1817).

Американский физиолог и естествоиспытатель Самюэль Джордж Мортон, основатель американской школы этнографии, считал, что человеческие расы имеют раздельное происхождение («Типы человечества», 1854). Мортон был высокоавторитетным физиологом и ученым, и его теории пользовались чрезвычайной популярностью. Если Блуменбах считался основателем физической антропологии вообще, то Мортон называли «отцом американской физической антропологии». Базируясь на ментальных способностях людей, ученый выдвинул идею о расовой иерархии, в соответствии с которой кавказцы располагались на верхней ступени, черные – на нижней, а другие расы – посередине. Кроме того, изучив древнеегипетские черепа, Мортон пришел к выводу, что они являются кавказскими, а не африканскими.

Теория Мортонa, являясь систематическим обоснованием расовых различий, наряду с работами таких ученых, как вышеупомянутый немецкий антрополог Йоганн Фридрих Блуменбах, а также американский биолог, геолог и физиолог шведского происхождения, профессор Гарвардского университета Луи Агассиз, была использована для обоснования расового неравенства и порабощения черных представителями белой (кавказской) расы в Соединенных Штатах Америки.

Расовая наука еще больше продвинулась вперед с эволюционными

теориями девятнадцатого века, которые предложили иерархию рас от более «примитивных», или «диких», к более «продвинутым», или «цивилизованым», с представителями кавказской расы на вершине.

Кавказское происхождение первых людей на земле аргументировано не только краниологическими исследованиями XVIII века, но также и современными учеными США и Канады на лингвистическом и даже генетическом уровнях. По словам профессора Джона Коларуссо, два совершенно независимых исследования, проведенные в Канаде и США – Макмастерском и Гарвардском университетах соответственно – выявили самую высокую концентрацию индоевропейского гена в мире среди адыгов. В интервью русской службе информационного ресурса «Голос Америки» Коларуссо признается, что еще задолго до генетических исследований он пришел к заключению, что «в доисторический период родной язык индоевропейцев – русских, славян, англичан, греков, итальянцев и прочих – был очень близок, если не идентичен, языку, на котором говорят адыги, убыхи, абазы». Отмечая восхождение индоевропейцев к адыгскому населению Кавказа, Коларуссо пришел к заключению, что все люди «связаны гораздо более явными культурными и кровными узами, чем мы когда-либо могли себе представить».

Что касается термина «кавказская (или белая) раса», в настоящее время имеют место критические высказывания относительно его употребления. Так, американский преподаватель антропологии Кэрол Мухопадхьяй считает, что использование этого термина вызывает «научный расизм», ошибочную идею о том, что расы появляются естественным образом и что биологически выстроенные ряды человеческих видов и люди кавказской расы превосходят других. Следовательно, употребление терминов, как «кавказец», так и «белый», в современных США нередко воспринимается проявлением расизма.

В этой связи интерес представляет другое положение, согласно которому распространенность термина «кавказская» (раса) в Америке верифицируется стремлением заменить «расистское слово» «белый» (человек) на более научный термин «кавказец» (Caucasian) – как индикатор бесстрастного отношения к расовым различиям (Нелл Ирвин Пэйнтер. «Почему белые люди называются «кавказцами», 2003).

Руководствуясь изложенным, с одной стороны, можно заключить, что отсутствие представителей черной расы в России и, соответственно, черно-белого компаративизма предопределило непопулярность в нашей стране термина «кавказская» раса как научной альтернативы определению «белая», акцентирующего внимание на контраст белого и черного цвета кожи и поэтому оскорбительного для чернокожих. С другой стороны, существуют и такая позиция, в соответствии с которой доминирование дефиниции «европеоидная раса» в нашем государстве детерминировано евроцентризмом. Другие же видят в этом политические мотивы, предвзятое отношение к народам Кавказа и даже кавказофобию.

Термин «кавказская раса» сегодня особенно актуален в свете наблюдающейся в России среди отдельных националистов некорректной стереотипизации в отношении народов Кавказа, одним из аспектов которой

является «небелый» цвет кожи: именно благодаря белизне кожи, красоте, благородству происхождения и этническим особенностям кавказцы стали объектом научных исследований основоположников антропологии, что впоследствии побудило их назвать белую расу «кавказской».

За время обучения в российском вузе мне не встречался термин «кавказская раса» как альтернатива белой европеоидной. Только за рубежом, а именно в г. Лондоне, просматривая литературу на английском языке по совершенно иной теме магистерской диссертации, мне открылся факт использования этого определения для обозначения белокожих людей.

Интересно отметить, что русский корреспондент А. Репин, побывав в Соединенных Штатах Америки и столкнувшись с термином «кавказец», неожиданно для него самого определившим его расовую принадлежность, в начале XXI столетия пишет: «Не удивляйтесь, славяне, если, оказавшись в США, вы станете лицами кавказской национальности».

Безусловно, любая дискриминация (будь это раса, национальность, религиозные убеждения, возраст и т.д.) неприемлема в наше время. История прожита, написана и невозвратима. Порабощение представителей черной расы белыми ушло в прошлое. Однако классификация людей по расовой принадлежности, как и один из видов систематизации, продолжает существовать. И, несмотря на то, что все классификации условны, основываются на совершенно различных критериях, и при отнесении отдельных видов чего бы то ни было к той или иной группе, отождествлении с другими стираются индивидуальные характеристики, необходимо отметить, что сравнения, группировки, классификации, обобщения и выводы неизбежны в научном мире. В данной статье речь идет о принятой терминологии расовой классификации, существующей уже более двух веков, а не злоупотреблении этой классификацией для оправдания ущемления каких-либо прав людей на основе «преимущества» некоторых человеческих групп перед другими или дискриминации, основанной исключительно на расовых различиях.

Независимо от степени осведомленности читателей с терминологией расовой классификации, эта статья имела целью приблизить общественность к благородной сущности «лиц кавказской национальности», вдохновивших европейских ученых на научные открытия, а также развить у самих кавказцев идею патриотизма и гордости за своих предков, создавших эстетически прекрасный образ человека, который на протяжении нескольких столетий занимает умы деятелей мировой науки, а также желание соответствовать этому образу, достойно представляя одну из уникальных культур многонациональной России.

Человечество восходит к общему источнику, чему свидетельствуют многочисленные научные исследования, включая и обозначенные в данной работе академические труды. Нельзя забывать, что, несмотря на видимое разнообразие, мы все – люди планеты, с общими корнями и родственными связями.

Связаны ли зависть и здоровье человека?

По данным специалистов ВОЗ, здоровье человека зависит от множества факторов. Это и образ жизни его, наследственность, состояние окружающей среды (экология), работа национальной системы здравоохранения и др. В наибольшей же степени здоровье человека зависит от образа жизни, значит, можно считать, что генеральной линией формирования и укрепления здоровья является здоровый образ жизни (ЗОЖ).

Согласно современным представлениям, *здоровый образ жизни* – это типичные формы и способы повседневной жизнедеятельности человека, укрепляющие и совершенствующие адаптационные (приспособительные) и резервные возможности организма, что обеспечивает успешное выполнение социальных и профессиональных функций.

Следует отметить, что в основе любого образа жизни лежат принципы, то есть правила поведения, которым следует индивид. Принципы, на основе которых формируется здоровый образ жизни, могут быть как биологической, так и социальной природы. К биологическим принципам относится то, что образ жизни должен быть обеспечен энергетически, укрепляющим, ритмичным, умеренным. Социальные же принципы включают в себя необходимость образа жизни эстетичного, нравственного, волевого, самоограничительного.

Основу данной классификации образует принцип единства индивидуального и общего, единства организма и среды – биологической и социальной. В рамках отмеченного, можно сказать, что ЗОЖ – это не что иное, как рациональная организация жизнедеятельности человека на базе ключевых биологических и социальных жизненно важных форм поведения – поведенческих факторов.

В литературных источниках отмечаются следующие поведенческие показатели:

- культивация положительных эмоций, способствующих психическому благополучию – основе всех аспектов жизнедеятельности и здоровья;
- оптимальная двигательная активность (ДА) – ведущий врожденный механизм биопрогресса и здоровья;
- рациональное питание – базисный фактор биопрогресса и здоровья;
- ритмический образ жизни, соответствующий биоритмам, – основной принцип жизнедеятельности организма;
- эффективная организация трудовой деятельности – основная форма самореализации, формирования и отражения человеческой сущности;
- сексуальная культура – ключевой фактор жизнедеятельности как адекватная и прогрессивная форма воспроизведения вида;
- здоровое старение – естественный процесс плодотворного долголетия;
- отказ от пагубных пристрастий (алкоголизм, наркомания, табакокурение и т.п.) – решающий фактор сохранения здоровья.

На наш взгляд, в числе основных факторов, влияющих на состояние

здоровья человека, включается также и проявление человеком чувства устойчивой зависти.

Трудно найти человека (неважно каких культурных, этнических, гендерных и др. формальных и реальных свойств и качеств), кто хотя бы раз в жизни не испытывал и не проявлял зависти. Утверждая же о негативном влиянии зависти на здоровье человека, мы имеем в виду именно устойчивый характер проявления этого чувства или, как говорят в народе, «черную», или «злобную», зависть.

Прежде чем искать зависимость между проявлением чувства зависти и здоровьем человека, остановимся на определении данного понятия с точки зрения современной психологии, с тем, чтобы выровнять семантическое поле.

Итак, *зависть* – это проявление мотивации достижения личности, при которой чьи-либо реальные или воображаемые преимущества в приобретении социальных благ, материальных ценностей, успеха, статуса, личных качеств воспринимаются субъектом как угроза ценности собственного «Я» и сопровождаются аффективными переживаниями и действиями.

В приведенном определении понятия зависти уже перечислена симптоматика, провоцирующая нездоровье. Первая ее ступенька – социальное сравнение, потом – восприятие чужого превосходства, переживание досады, огорчения, а то и унижения по этому поводу.

Это чувство жжет изнутри, заставляя ощущать себя неудачником, испытывать острую нехватку того, что есть у другого, и от этого страдать, постепенно перерастая в болезни различной природы.

Говоря о внешних факторах, способствующих зависти, следует отметить, в первую очередь, близость в статусном положении завидующего завидуемому. Как поется в известной песне – не нужен мне берег турецкий и Африка мне¹³⁶ не нужна, на самом деле и не нужны. Им завидовать не интересно – слишком далеко и непонятно, чему конкретно завидовать. Завистник, как правило, сравнивает свое положение и свои достижения, достоинства со статусом близко стоящих на социальной лестнице. Близость создает лучшие условия для сравнения, делает жизнь другого человека более обозримой. Чем меньше дистанция между завидующим и объектом зависти, тем сильнее зависть, а, следовательно, больше оснований для перетекания ее в нездоровье.

Наличие злобной зависти говорит о неспособности завидующего достичь того уровня, на котором находится другой человек, это проявление своего бессилия. К еще одной причине «черной» зависти относится «каузальное заблуждение», то есть восприятие человека, имеющего превосходство, как причину собственных неудач и униженного положения, являясь благодатной почвой для развития болезней соматического и психического характера.

Излагать множество причин, обнаруженных нами в течение длительного времени исследования, влияния зависти на здоровье, не представляется возможным в рамках этой небольшой статьи. Думается, что данные самонаблюдения и наблюдений за своим ближним окружением дадут каждому примерно такие же результаты. Для выявления же, а в последующем искоренения (в том числе, посещая и специальную систему тренинговых занятий),

приведем тестовую методику, диагностирующую наличие чувства зависти у каждого из нас.

Тест на выявление зависти

Инструкция испытуемому:

Внимательно прочитайте вопрос и ответьте на него вариантом ДА или НЕТ. Ответив на все вопросы, подсчитайте общее число баллов. За каждый ответ ДА поставьте себе 1 балл. За ответ НЕТ – 0 баллов.

Злитесь ли вы, когда у знакомых все идет хорошо?

У других людей жизнь легче, чем у вас?

Вас задевают контакты ваших друзей с другими людьми?

Бывает ли жалко отдавать свои вещи?

Обижаетесь, если ваш партнер с удовольствием смотрит на фотографии прежних друзей или любовников?

Вас беспокоит, что партнер может встречаться с прежними любовниками?

Вам всегда необходимо точно знать, что делает партнер?

Расстраиваетесь, если другие считают вашего партнера привлекательным?

Приходилось ли вам завидовать жизни других людей?

Приходилось ли вам завидовать обстановке в домах ваших знакомых?

Приходилось ли вам завидовать одежде других людей?

Приходилось ли вам завидовать сексуальной жизни друзей и подруг?

Приходилось ли вам завидовать работе других?

Случается ли говорить плохие вещи о друзьях?

Обижаетесь, если ваши друзья куда-то идут вместе, а вас не приглашают?

Вами набрано 0–4 баллов. Результат:

Зависть играет небольшую роль в вашей жизни, как и всякая естественная человеческая эмоция. Так что с этим у вас все в полном порядке.

Вами набрано 9–15 баллов. Результат:

Ваша жизнь испорчена завистью. Ревность разрушает отношения с друзьями, из-за зависти вы постоянно не удовлетворены тем, что имеете. Нужно научиться контролировать ревность, пока она не стала приносить вам постоянные неприятности.

Вами набрано 4–8 баллов. Результат:

Вы достаточно завистливы, но это не единственная эмоция в вашей жизни. Зависть влияет на отношения и чувства к другим, но не управляет ими. Тем не менее вам будет гораздо лучше, если научитесь побеждать зависть и больше ценить свои достоинства, отношения и материальные вещи.

Итак, отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок статьи – связаны ли зависть и здоровье человека, следует сказать, что они связаны и устойчивое чувство зависти вызывает у человека болезни от психических до физических.

Фатима КАРДАНОВА,
учитель истории, МКОУ «СОШ № 2
с. Алтуд» Прохладненского района

Краеведческая работа в школе

Гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание учащихся оказывает существенное влияние на состояние нашего общества. Формирование нравственных основ для молодого человека в настоящее время является одной из главных задач процесса его восхождения в различные структуры жизни общества, и это интуитивно чувствуют старшеклассники. Поэтому в школе сейчас необходимо уделять перво-степенное внимание нравственному воспитанию, особенно важно это для учащихся старших классов.

Отрадно, что в последние годы стали активно возрождаться лучшие традиции, появились новые подходы в решении проблем духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

Формированию гражданской ответственности и воспитанию патриотизма у учащихся, привитию учащимся социально-значимых ценностей (долг, честь, гражданская позиция) способствует историческое краеведение.

Специфика воспитательной работы школы заключается в создании особого воспитательного пространства, в котором созданы условия для активного приобщения ребенка к национальной истории и духовной культуре, традициям и обычаям.

Приоритетной задачей в данном направлении является формирование у школьников гражданской ответственности и правового самосознания, культуры, инициативности, самостоятельности, способности к успешной социализации в обществе.

Актуальность данной темы определяется введением краеведческого материала в учебные курсы по истории России, все возрастающим интересом подрастающего поколения к историческим истокам своей малой родины.

Историческое краеведение раскрывает учащимся связи родного края с Россией, помогает уяснить неразрывную связь, единство истории каждого города, села с историей нашей страны, почувствовать причастность к ней каждой семье и признать своим долгом, честью стать достойным наследником лучших традиций родного края.

Также усиление роли исторического краеведения в общей системе краеведческих наук было связано с интересом к истории своей Родины учащихся школ, а в связи с этим – созданием в сельских и городских школах небольших музеев, краеведческих уголков.

Историческое краеведение – один из элементов исторического образования в школе и одна из важных отраслей школьного краеведения.

Система, содержание и методика исторического краеведения соответствуют общепедагогическим, дидактическим и предметно-методическим принципам и задачам, поставленным педагогической наукой перед обществоведческими предметами, внеклассной работой и школьным краеведением.

Трехуровневая система работы по воспитанию гражданско-патриотических и духовно-нравственных качеств учащихся позволяет эффективно проводить краеведческую работу в школе:

1-й уровень – получение знаний из существующей информации (пособий, СМИ, со слов учителя);

2-й уровень – самостоятельная познавательная работа учащихся по исследованию и «переоткрытию» уже известных фактов;

3-й уровень – углубленная исследовательско-поисковая работа учащихся по изучению истории родного края.

На первом уровне происходит получение учащимися «готовых» знаний о крае со слов учителя, из учебных пособий и сообщений средств массовой информации. На втором уровне – это уже самостоятельное приобретение знаний, обеспечивающее условия для более активной познавательной работы учащихся (когда они в процессе исследования делают открытия для себя, то есть фактически «переоткрывают» уже известные факты и события прошлого, явления и закономерности окружающей жизни). Источниками таких знаний могут быть, кроме учебных пособий, научно-популярная литература, публикации в местной и центральной периодической печати, материалы школьных и государственных музеев, ресурсы Интернета.

Третий уровень – изучение школьниками истории родного края в ходе углубленного исследовательского поиска, представляющего научный интерес. В этом случае ученики фактически выступают в роли юных ученых-исследователей. Обычно это члены краеведческих кружков и ученических научных обществ, слушатели факультативов. Например: исследование родословных кабардинских фамилий, история края, района, села в разные периоды и т.д.

Воспитательная работа в школе ведется в направлении:

– гражданско-патриотическое воспитание (сбор материалов о ветеранах войны и труда, о школе, организация и проведение встреч с односельчанами);

– краеведческая работа (литературное, историческое, географическое краеведение, собирание пословиц, поговорок, народных обрядов села, сбор материалов об истории села, об известных уроженцах села).

Историческое краеведение в школе является одним из источников обогащения учащихся знаниями о родном крае, воспитания любви к нему и формирования гражданственных понятий и навыков. Важной задачей исторического краеведения является фиксация и охрана памятников этнографии и искусства, что почти невыполнимо без привлечения широких масс историков-краеведов.

Значение краеведческого материала в преподавании истории в школе трудно переоценить. Он позволяет конкретизировать излагаемый учителем материал. Изучение истории в ее конкретном воплощении в том или ином крае дает более правильное представление и об общих закономерностях развития той или иной исторической эпохи.

Кроме того, изучение конкретных памятников истории и культуры дает возможность учащимся более наглядно представить закономерности развития и мировой художественной культуры. Историческое краеведение дает возможность приобщить учащихся к добросовестному, общественно-полезному труду в форме экскурсий, походов, экспедиций, подготовки экспонатов для выставок, создания школьного музея. Также историческое краеведение является одним из составляющих компонентов исторического образования, ведь изучать исто-

рию Отечества без знаний о родном крае просто невозможно. У учащихся разных регионов России конкретные знания о своем крае будут различными, но они должны войти (в определенном объеме) в состав обязательных базисных знаний по истории Отечества, в ряде случаев – по истории ближнего и дальнего зарубежья. Это отвечает требованиям государственного стандарта школьного исторического образования. История края («малой родины») рассматривается как часть истории России, республики, входящей в состав Российской Федерации, более крупного региона, всемирной истории.

При подготовке к краеведческой работе в школе следует иметь в виду, что краеведение не только эффективный способ решения учебно-воспитательных задач, но и возможность каждому учителю приобщиться вместе с учащимися к научно-исследовательской работе.

Важным условием развития краеведения, в первую очередь исторического, являются современные социально-политические перемены, когда укрепляется российская государственность, растет роль «провинции», когда возрастает интерес россиян, молодежи к своему историческому прошлому, народным обычаям и традициям, проблемам регионального развития и возрождения своей самобытности.

Большое значение для совершенствования исторического краеведения и в целом исторического образования в школе имеют новые труды по истории. Исследования ученых-историков оказали значительную помощь в преодолении старых подходов к содержанию учебных программ, учебников истории, в том числе по истории родного края, содействовали в применении на практике многофакторного подхода к истории и ее преподаванию.

Значителен вклад и методистов-историков. Разработаны федеральный и региональные учебные планы для школ, предусматривающие реализацию национально-регионального компонента и использование материалов краеведения. Составлены учебные программы с краеведческим содержанием, в том числе углубленных и факультативных курсов по истории края, местных этносов, их культуре, интегрированных курсов краеведения и т.д. Практически во всех субъектах Российской Федерации изданы краеведческие учебники и методические руководства. Создаются хрестоматии, рабочие тетради, карты, пособия на электронных носителях. В ряде регионов появились новые книги по истории, экономике и культуре отдельных районов. В Кабардино-Балкарии имеется довольно обширный материал по изучению истории родных мест. Эти краеведческие издания успешно используются в работе со школьниками. Материалы краеведения систематически публикуются в средствах массовой информации. В творчески работающих школьных коллективах исследуются вопросы содержания и организации краеведения. Больше внимания стало уделяться краеведческой подготовке и переподготовке педагогов.

Краеведение, как и другая научная деятельность, требует существенной подготовки и выполнения определенных требований. В некоторых школах ограничиваются изучением именно того, что и так хорошо известно из газет, радио и телевидения. Такая работа вряд ли может считаться краеведческо-поисковой или тем более, научной, хотя она, конечно, и самая необременительная.

Первое основное требование к ученическим изысканиям по историческому краеведению – поисковый, научный характер. Надо организовать работу с учащимися так, чтобы они решали не учебную задачу, а настоящую научную

проблему. Краеведение представляет такие возможности довольно широко.

Следующим требованием является то, что научные изыскания школьников должны основываться на добровольных началах, всякое применение «волевых» приемов может принести лишь вред. Школы должны вести работу по охране и исследованию памятников истории и культуры не как самоцель, а как средство для воспитания.

Организуя краеведческую работу, учитель должен исходить из специфики своего региона. При подготовке к работе по краеведению в школе необходимы и определенные практические навыки. Не каждый учитель истории подготовлен теоретически и практически к организации настоящей поисковой, исследовательской работы, не каждый владеет знаниями по организации музеев. В таком случае стоит ограничиться работой по охране памятников истории и культуры, которые имеются в любом уголке нашей необъятной Родины.

«Поле» краеведения значительно расширилось за последнее десятилетие. Изучаются различные стороны жизни края в их единстве. Одним из ключевых направлений исследований и учебных занятий становится изучение конкретных человеческих судеб, в первую очередь – близких людей: членов семьи, земляков; изучение повседневности – обыденной жизни с ее живыми подробностями. Шире стали использоваться архивные документы, в том числе бывших закрытых фондов, материалы «спецхранов» музеев и библиотек.

Сегодня именно благодаря краеведению ученик имеет возможность глубже уяснить положения: история – это история людей; корни человека – в истории и традициях своей семьи, своего народа, в прошлом родного края и страны.

Краеведение способствует решению задач социальной адаптации воспитанников школы, формированию у них готовности жить и трудиться в родном селе, районе, крае, участвовать в их развитии, социально-экономическом и культурном обновлении. Это одна из актуальных социально-педагогических задач нашего времени.

Историческое краеведение – один из элементов исторического образования и одна из важнейших отраслей школьного краеведения. Оно же является важным средством связи школы с жизнью. Историческое краеведение является одним из источников обогащения учащихся знаниями об истории родного края, средством воспитания любви к нему и формирования гражданских понятий и качеств. Значение краеведческой работы трудно переоценить, так как она дает возможность учащимся приобщиться к общественно-полезной деятельности, связанной со сбором исторического материала, в самых увлекательных для детей формах – экскурсиях, походах и т.д.

Меня как обществоведа волнуют вопросы, связанные с воспитанием патриотизма и формированием у учащихся гражданских позиций. Я считаю, что воспитание любви к Родине и формирование достойного гражданина должны стать основными составляющими в учебно-воспитательной работе школы. Здесь очевидны огромные возможности краеведческой деятельности, которая позволяет воспитывать патриота и гражданина не на абстрактных идеалах, а на конкретных примерах, приобщать ребят к культурному наследию страны и «малой родины». Цель моей краеведческой работы – научить ребят любить, уважать свой народ, землю, край, Родину. Ведь краеведение обращает к прошлому, чтобы школьники, зная свои корни, могли создать достойное будущее.

Для учащихся 7-11 классов может быть организована работа краеведче-

ского кружка. Основные направления его деятельности состоят в подготовке сообщений, рефератов, докладов к урокам, связанных с историей района, села, в сборе информации об истории села, в подготовке и проведении викторин и конкурсов по краеведческой тематике. Источниками изучения истории родного края для учащихся на уроках и во внеурочное время становятся воспоминания родных, домашние архивы, материалы школьного краеведческого уголка. Формы творческих работ учащихся различны: описание родословной, отчеты, сочинения, исследовательские работы. Эффективной формой работы по изучению истории родного края являются открытые уроки и мероприятия. При проведении уроков могут быть использованы местные материалы. При этом исключительно ценно наличие музейных материалов, экспонатов и архивных документов в ученических докладах, сочинениях, проектах и общешкольных мероприятиях. Кроме уроков истории и музейной деятельности следует по достоинству оценить уроки-лекции, семинары для учащихся 9-11-х классов, на которых помимо текстов учебников и школьного материала рассматриваются дополнительные исследовательские работы учащихся. Изучение истории семьи – это занятие не только увлекательное, но и крайне важное, поскольку знакомит нас с родственными связями одной фамилии с другими. Это важно знать следующим поколениям, чтобы избежать близкородственных брачных отношений.

Важным направлением школьной краеведческой работы может стать собиранье и изучение памятников устного народного творчества. Устное народное творчество, передаваемое из поколения в поколение, донесло до нас воспоминания о давних временах истории России и ее регионов. Фольклор каждого столетия составлял многообразную картину жизни, в типичных образах показывал характерные социальные и бытовые явления, давал им оценку с народной точки зрения. Школьная краеведческая работа с памятниками фольклора имеет не только учебное, но и идейно-воспитательное значение. Фольклор в целом правильно передает единственно верное народное отношение к жизни, к тем или иным историческим явлениям. Фольклор сохранил идеалы, духовные ценности многих поколений людей. Изучение устного народного творчества воспитывает у школьников национальную гордость, глубокие патриотические чувства.

Для изучения богатейшего фольклорного наследия народов нашей страны требуется, прежде всего, систематизировать его формы, выявить внутри каждой из них различные хронологические пласты.

Произведения, записанные собирателями фольклора, стали предметом научного исследования. В этом направлении тоже проводилась обширная работа как со стороны преподавателей, так и учеников. Собраны сборники старинных преданий и легенд, связанных с историей нашего края, села; собран фольклорный материал – песни, стихи, предметы изобразительного искусства, авторами которых являются народные таланты и умельцы.

Современный этап духовного развития общества характеризуется громадным ростом интереса к истории, к героическому прошлому нашей Родины. Этот интерес закономерен и понятен. Он является одним из проявлений всестороннего развития личности в развитом демократическом государстве.

Одной из самых активных и творческих форм приобщения человека к истории издавна было краеведение.

В настоящее время историческое краеведение достигло многого, однако есть еще и слабые места, нерешенные вопросы.

Историческое краеведение – развивающаяся перспективная область знаний. Это определяется, прежде всего, многогранностью, творческим, исследовательским характером краеведения, его доступностью для людей различных специальностей, социальных и возрастных групп.

Школьное краеведение переживает сейчас период подъема, крепнет, совершенствует свои формы и методы работы. Развитие и жизнеспособность школьного исторического краеведения определяется его важной ролью в учебно-воспитательном процессе.

Прежде всего, необходимо помнить о значении краеведения в деле воспитания патриотизма и гражданственности. Любовь к Родине всегда конкретна: это любовь к своему дому, городу, селу, родному краю. А для того чтобы полюбить свой край, необходимо знать его историю. На мой взгляд, в воспитательной работе с учащимися современной школы, помимо пассивного обращения к героическому прошлому, культуре, истории нашего государства целесообразнее всего было бы использовать их стремление к активной деятельности. Патриотическое воспитание должно базироваться главным образом на систематической пропаганде патриотизма во всех видах учебной и внеучебной деятельности. В освещении каждой проблемы надо найти повод сказать о любви к своему Отечеству.

Источником для школьного исторического краеведения могут служить все известные науке виды исторических источников. Работа с ними отличается значительным своеобразием, как по своей конечной цели, так и по методам.

Работа учителя-краеведа более многопланова, сложна по направленности, нежели чисто научное исследование. Учитель должен постоянно иметь в виду три аспекта изучения материала – общенаучный, краеведческий и учебно-воспитательный.

Доказано, что историческое краеведение является источником конкретизации излагаемых учителем общеисторических фактов и является одной из важных отраслей исторического образования.

Посредством работы школьных музеев, факультативов, кружков исторического краеведения осуществляется учебно-воспитательная деятельность школы, создается широкая возможность для разнообразных форм и методов работы с учащимися, а также для самостоятельной научно-поисковой деятельности школьников.

Главная задача учителя истории – заинтересовать школьников процессом исторического познания. Там, где зародился живой интерес, дело заключается лишь в том, чтобы направить этот интерес в нужное русло.

Историко-краеведческая работа может и должна войти в жизнь каждой школы. Ее творческий, созидательный характер послужит воспитанию активных молодых граждан России.

ВОЗВРАЩАТЬ ДОБРО

Кабардинская гармошка – душа нашего народа. Без неё не обходится ни одно радостное событие в жизни адыга, будь то свадьба, рождение детей или другое торжество. Отдавая дань уважения всем тем, кто достойно преподносил нам национальную музыку, в ближайшем будущем на свет появится книга, посвященная кабардинским гармонистам (гармонисткам), которые внесли огромный вклад в развитие нашей национальной культуры. Её автором является главный специалист научно-методического центра Министерства культуры КБР Владимир Бесланев.

«Мы должны в полной мере оценить собственное достояние, чтобы им могли насладиться будущие поколения, чтобы каждый из нас мог прикоснуться к своим истокам, – говорит В. Бесланев. – Главное – сохранить любовь к национальной гармошке, передавать эту любовь детям и внукам, не забывать любимых исполнителей прошлого и настоящего. Мы обязаны возвращать им то, что они нам дарили от всего сердца».

В очередном номере «Литературная Кабардино-Балкария» печатает две статьи из книги В. Бесланеева. Они посвящены известным кабардинским гармонисткам Гуашакаре Бирмамитовой и Фатиме Дышековой.

САМОРОДОК

Заслуженная артистка РСФСР Гуашакара Гисовна Бирмамитова – музыкант-самородок. Она работала гармонисткой в Государственном ансамбле адыгского танца «Кабардинка», затем в Доме культуры с. Каменноостское. В ее репертуаре более 150 различных мелодий, и каждая из них дорога сердцу знаменитой гармонистки.

Гуашакара родилась в 1932 году в с. Каменноостское Зольского района. С раннего детства девочка почувствовала тягу к национальной музыке, сама этого и не осознавая. Ещё до войны, когда все взрослые в семье Гисы Бирмамитова расходились по делам, а дома оставалась лишь девочка Гуаша, она брала гармошку и начинала

играть на ней как получится. А получалось очень даже ничего: на звук гармошки, который ясно доносился из распахнутого настежь окна, сходились соседи и с удовольствием слушали столь приятные душе национальные наигрыши Гуашакары. Было тогда ей всего семь лет. К приходу старших сестёр, которые не разрешали ей трогать гармошку, девочка клала музыкальный инструмент на место и, как ни в чём не бывало, начинала заниматься своими детскими делами.

Гармонь эта имела свою особую историю. Однажды семью Бирмамитовых пригласили на свадьбу, куда им надлежало поехать с ряжеными и в сопровождении гармонистки. Гиса оббегал почти всё село, но не смог найти гармонистку, которая поехала бы с ними на свадьбу. Обиженный такой неудачей отец решил купить гармошку, чтобы его дочери сами овладели мастерством. Он так и сделал: купил гармошку и наказал двум старшим дочкам научиться играть, а младшей, Гуашакаре, было запрещено брать её в руки – вдруг поломают, и так еле приобрели.

– Когда старшие сёстры уходили на работу, они прятали инструмент от меня в «очень надёжное место». Но не тут-то было. Как только за ними закрывалась калитка, я начинала свои поиски, которые обычно завершались успехом, – вспоминает Гуашакара. – Так и я, как и мои сёстры, научилась играть на гармошке.

В суровые сороковые военные и послевоенные годы старшим сёстрам было не до гармошки. Они редко брали музыкальный инструмент в руки: времени хватало на лишь необходимые домашние дела и на работу. Так гармошка досталась Гуашакаре. Это был её первый музыкальный инструмент, и она им очень дорожила.

Весть о таланте девочки-самородка быстро разлетелась далеко за пределы района и дошла до всех мест нашей республики. Гуашакара была нарасхват на свадьбах, других торжественных мероприятиях. О ней заговорили и в культурных кругах. 1950 году «Кабардинка» приехала в Сармаково, чтобы дать там плановый концерт. У руководителей национального ансамбля было и другое намерение: они хотели прослушать игру ставшей популярной в народе гармонистки Гуашакары Бирмамитовой. В то время ансамбль нуждался в гармонистах, и если бы Гуашакара им понравилась, они сразу хотели бы взять её в «Кабардинку».

По окончании концерта Бирмамитову пригласили на сцену, чтобы прослушать её наигрыши на гармошке. Гуашакара была на высоте. Она успешно исполнила несколько наигрышей. Её руки будто слились воедино с клавишами гармошки, рождая мелодии, вплетающиеся друг в друга с особым волнующим звучанием.

Радости гармонистки не было предела, когда руководство ансамбля одобрило её выступление и пригласило пригласило к себе в коллектив.

– Работать в «Кабардинке» – это была сокровенная мечта каждого танцора, каждой гармонистки в нашей республике, – рассказывает Бирмамитова. – Там я научилась многому, увидела весь мир, посетила

многие страны и континенты, куда на гастроли выезжал наш ансамбль.

В 1955 году Гушакара вышла замуж. Вскоре после этого она оставила «Кабардинку» и продолжила работу в доме культуры с. Каменномостское. И здесь она не скучала: организовывала различные культурные мероприятия для сельчан, выезжала с концертами на летние пастбища.

Много наград, почетных грамот получила Бирмамитова за свой труд во имя развития национальной культуры. Но самое важное для известной гармонистки – это признание и благодарность людей, которые на концертах отдавали артистам свои сердца.

– Где бы я ни работала, гармонь моя любимая была всегда со мной рядом. И этим я счастлива, – говорит Гушакара. – И ещё я счастлива видеть смену, рада, что есть люди, всем сердцем болеющие за сохранение и развитие национальной культуры. Пусть мир и спокойствие царят на нашей земле. Тогда будет громко играть и наша кабардинская гармошка.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ИСКУССТВУ

Гармошка. Этот национальный инструмент занимает большое место в культурной жизни адыгов. Она – незаменимый атрибут кабардинских свадеб, других торжеств. Большинство из нас хотели бы уметь играть на гармошке, однако это удаётся далеко не всем. На это способны лишь те, кто природой одарён музыкальным талантом. Такой является Фатима Дышекова.

То, что маленькая дочка Фатима увлекается гармошкой, известный песенник, композитор и певец Залимхан Дышеков заметил ещё тогда, когда ей не было и десяти. Действительно, Фатима очень даже умело наигрывала на гармошке разные национальные мелодии. Более того, пыталась сыграть такие сложные мотивы, что окружающие только и делали, что восхищались умением девочки. Музыкальный талант Фатимы был очевиден. Как только ей исполнилось 14 лет, по рекомендации отца она начала играть в ансамбле танца «Кабардинка».

Надо заметить, что те, кто хорошо разбирался в музыке, игре на гармошке, не переставали удивляться таланту девочки. Неординарным способностям Фатимы,

наверное, больше всех радовалась народная артистка РСФСР Кураца Каширгова. С её подачи и с одобрения специалистов в декабре 1954 года Фатима Дышекова была зачислена в штат ансамбля «Кабардинка» гармонисткой.

Так началась творческая деятельность Фатимы Дышековой, человека, в чьей жизни искусство занимало не последнее место. Как в жизни всякого творческого человека, дорога эта была разной: иногда удачной, временами ухабистой. Но ни в какой ситуации Фатима никогда не жалела о том, что выбрала именно эту специальность – играть на гармошке. Наоборот, Фатима всё время стремилась к новым высотам и добивалась успехов в творчестве. Неизменным учителем и наставником для неё была знаменитая Кураца Каширгова. У неё она брала мастер-классы.

О том, какой же гармонисткой стала Фатима Дышекова, можно было уверенно судить уже в 1957 году. В честь 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России в Москве тогда проходили Дни культуры республики. Конечно же, на столичных праздниках много раз выступала «Кабардинка». Не заметить молодую талантливую гармонистку было просто невозможно, до того обворожительным и волшебным было звучание её гармошки.

За творческие успехи, активное участие в концертах Фатима Дышекова в 1964 году была награждена Почётной Грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР. Спустя два года талант и творческие способности Дышековой были опять высоко оценены. За достигнутые успехи в музыкально-хореографическом искусстве ей было присвоено звание «Заслуженная артистка Кабардино-Балкарии».

Имея такое высокое признание своего творчества, Фатима ещё более отдалась своей профессии. В составе ансамбля «Кабардинка» гармонистка Дышекова занимала особое место. Благодаря ей в репертуаре ансамбля появились новые наигрыши под различные танцы. Такими были, например, «Танец девушек», «Подарок» и другие. С этими и другими номерами «Кабардинка» не раз выезжала на гастроли в зарубежные страны. На всех континентах их принимали с радостью и провожали с восторгом. В таких поездках Фатима всегда давала сольные концерты.

40 лет Дышекова отдала своему искусству. В 994 году она ушла на заслуженный отдых. Но и тогда мастер своего дела осталась наставницей молодых артистов.

**КАЛЕНДАРЬ ЮБИЛЕЙНЫХ И ПАМЯТНЫХ ДАТ
00 «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ» 2015 год**

ЮБИЛЕИ:

1. Кагермазов Борис Гидович	80	6 Января
2. Загаштокова Люда Хамзетовна	65	10 января
3. Жилетежев Саладин Хамзетович	75	18 января
4. Шогенов Леонид Сулейманович	80	28 января
5. Кауфов Хачим Хабасович	75	10 февраля
6. Кайданов Аркадий Семенович	60	6 март
7. Мокаев Владимир Аллахбердиевич	65	27 марта
8. Мазихов Борис Бесланович	75	7 апреля
9. Джулабов Узеир Алиевич	85	10 апреля
10. Емжуев Мухамед Хажисламович	60	1 мая
11. Мечиев Хадис Алиевич	70	28 мая
12. Гуртуев Эльдар Бертович	80	2 июня
13. Кумык Мамдух Хасанович	75	10 августа
14. Баков Хангери Ильясович	75	17 сентября
15. Эльгаров Кашиф Мисостович	80	10 октября
16. Битгирова Аминат Абдуллаевна	60	13 октября
17. Бегиев Абдуллах Мустафаевич	65	19 октября
18. Аликаев Владимир Дагуатбиевич	75	26 октября
19. Кажаров Петр Хаибович	80	7 ноября
20. Маремкулова Лариса Мухамедовна	60	11 ноября

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ (дни рождения)

1	Шаков Т. И.	125	14 января	18	Куантов А.Т.	85	10 октября
2	Мафедзев С.Х.	80	23 января	19	Шомахов А.К.	105	10 октября
3	Кодзоков Х.А.	80	18 февраля	20	Утижев Б.К.	75	15 октября
4	Бекулов Б.Т.	95	23 февраля	21	Шогенцуков А.А.	115	28 октября
5	Шагапсов М.М.	100	23 февраля	22	Гуртуев Б.И.	105	7 ноября
6	Шаов К.Г.	75	26 февраля	23	Куашев Б.И.	95	22 ноября
7	Мисаков П.Т.	85	3 марта	24	Бахов Б.Т.	80	12 декабря
8	Ульбашев А.М.	110	10 марта	25	Алчагиров Б.М.	185	
9	Кулиев Х.А.	105	5 мая	26	Ахметуков К.И.	145	
10	Геляев Р.К.	100	15 мая	27	Будаев Х.А.	135	
11	Тхамоков Б.Г.	75	25 мая	28	Кажаров И.М.	120	
12	Токумаев Ж.З.	80	29 мая	29	Кругов (Кузнецов) Ю.П.	80	
13	Кушхов С.Х.	85	1 августа	30	Максидов З.Б.	105	
14	Кузьмин В.Г.	90	30 августа	31	Хочуев С.Ш.	105	
15	Боташев И.Ж.	90	6 сентября	32	Шарданов Б.Б.	155	
16	Жантуев И.Б.	90	16 сентября	33	Шогенов Х.Х.	80	
17	Будаев А.К.	100	7 октября				

ДНИ ПАМЯТИ

Шогенцуков Али Асхадович (28.10.1900-29.11.1941)

Кешоков Алим Пшемахович (22.07.1914-29.01.2001)

Кулиев Кайсын Шуваевич (01.11.1917-04.06.1985)

Отаров Керим Сарамурзаевич (03.05.1912 - 1974)

Примечание: Если не указана дата, Союз писателей сведениями не располагает

В номере:

Борис Зумакулов, Анатолий Парпара	2
<i>Хасан Тхазеплов. Служение народу. Статья</i>	3
<i>Анатолий Парпара. Заметы. Дума о Лермонтове. Эссе</i>	14
<i>Хыйса Джуртубаев. Я не останусь, останется имя мое. Статья</i>	22
Жанна Кандорова. Певец земли донской. <i>Статья</i>	25
Салих Эфендиев. Феномен таланта Мухадина Кишева. <i>Очерк</i>	31
Батыр ас Аланский. Дорога. <i>Главы из повести</i>	36
Нурия Беломоина. День-кольцо. <i>Отрывок из повести</i>	58
Александр Пряжников. Мир Саладина. <i>Очерк</i>	68
Саладин Жилетежев. Венок сонетов. <i>Стихи</i>	73
Хыйса Османов. Серенада с волками. <i>Рассказ</i>	80
Ашамаз Шомахов. Божественная птица Лали. <i>Сказка</i>	89
Анатолий Шарданов. Легенда о нарзане	100
Мадина Тубекова. Хатты. <i>Статья</i>	105
Хасани. Рубаи	119
Раиса Дидигова. Истинное величие Человека. <i>Стихи</i>	123
Эдуард Битиров. На посту. <i>Очерк</i>	130
Хайшат Кунижева. <i>Стихи</i>	133
Михаил Черкесов. <i>Стихи</i>	136
Владимир Зарубин. <i>Стихи</i>	139
Татьяна Подыман. <i>Стихи</i>	141
Руслан Аркасов. <i>Стихи</i>	144
Резуан Эздеков. Палюля. <i>Рассказ</i>	145
Наши юбиляры. Шогенов Леонид Сулейманович	148
Наши юбиляры. Александр Аюбович Сарахов	150
Пишкан Таов. О проблемах начального и среднего профессионального образования и повышения престижа рабочих специальностей в КБР. <i>Статья</i>	151
Валерий Дзыба. Поход в Псху экспедиционного отряда генерал-майора Корганова О. И. и абхазской милиции под командованием генерал-лейтенанта Шервашидзе М. Г. <i>Статья</i>	160
Анжелика Хубиева. Адыги – жизнь в изгнании. <i>Статья</i>	169
Элеонора Маремукова. Белая кавказская раса. <i>Статья</i>	173
Маржан Мокаева. Связана ли зависть со здоровьем человека? <i>Статья</i>	177
Фатима Карданова. Краеведческая работа в школе. <i>Статья</i>	180
Марита Жилясова. Возвращать добро. <i>Статья</i>	186
Календарь юбилейных и памятных дат ОО «Союз писателей Кабардино-Балкарской Республики» 2015 г.	190

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *Л. М. Батит*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 29.01.15. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.
Тираж 2000 экз. Заказ № 8.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
